

ОБОЛОЧКИ

Свела не в СССР

АНДРЕЙ НИКОНОВ

Annotation

2026 год. Капиталистическая Россия и Советский Союз, фельдшер городской больницы и бывший космонавт. И одно сознание на двоих. Что это, компьютерная симуляция или параллельный мир?

(1). 12 апреля, воскресенье. День космонавтики

12 апреля, воскресенье. День космонавтики. Сторона 2.

Тело, лежащее на прозекторском столе, пошевелилось, и открыло глаза. Это был мужчина лет пятидесяти или около того, с глубокими морщинами, высоким лбом и густыми нечёсаными волосами. Он приподнял левую руку, поднёс к лицу, на костяшках были выбиты четыре буквы — КОЛЯ.

— Коля? — спросил он сам у себя.

Голос у мужчины был низкий и хриплый, рука ощутимо тряслась. Он закашлялся, быстро повернул голову набок, его вырвало. Женщина средних лет в белом халате, стоящая рядом, брезгливо скривилась и отошла на шаг.

— Очнулись, Дмитрий? — спросила она.

— Где я? — мужчина по имени Дмитрий попытался встать, но всё, что ему удалось — приподнять голову, которая сразу же бессильно рухнула обратно. — Что со мной сделали?

— У нас десять, максимум двадцать минут, — женщина достала из кармана спрей, побрызгала вокруг, стало немного свежее, противные запахи практически исчезли, — потом сюда войдёт патологоанатом, чтобы оформить вскрытие, увидит, что вы живы, и позовёт реанимационную бригаду. Ваше имя...

Она сорвала с ноги мужчины бирку, протянула.

— Соболев Николай Павлович, год рождения 1983-й, двенадцатое апреля. Сегодня ваш день рождения, поздравляю. Дата смерти — тоже двенадцатое апреля, только 2026 года. Как его угораздило-то, день в день.

— Какой Соболев?

— Дмитрий, вспоминайте. Вы вступили в наследство Куприна Афанасия Львовича, сами подписали документы в присутствии нашего нотариуса, со всем согласились. Наш представитель вам оставил полный пакет инструкций, если бы решили отказаться — могли это сделать до сегодняшней ночи.

— Не могу ничего вспомнить, — Дмитрий, он же Николай, всё-таки сел. — Туман в голове.

— Это абсолютно нормально, — попыталась успокоить его женщина. — Ещё полчаса назад тело было практически мертво, у организма сейчас другие проблемы, поважнее памяти. Я сделала вам укол, и приготовила лекарства на поддерживающий курс, тридцать ампул и краткая инструкция ждут вас дома. Ложитесь, у нас ещё несколько минут, выслушайте и запомните.

Мужчина послушно лёг.

— Скоро сюда зайдёт врач, и переведёт вас в палату. Постарайтесь покинуть больницу сегодня, в крайнем случае завтра утром. Сейчас полдень, перерыв между уколами — от двадцати двух до двадцати шести часов, значит, не позднее чем в два часа дня тринадцатого апреля вы должны добраться до дома и сделать себе инъекцию препарата, колоть надо в вену, в крайнем случае — в мышцу. Заберите свой паспорт, там есть прописка, по ней найдёте свой дом. Ампулы будут лежать в ящике стола в комнате, не перепутайте, на коробках написано «Цианокобаламин», название зачёркнуто, на обратной стороне — ваша фамилия, инструкцию найдёте за холодильником на кухне. Она дополнит то, что вы должны

были прочитать на своей стороне. Запомнили?

Мужчина кивнул.

— Повторите.

— Ухожу из больницы сегодня или завтра утром, иду домой, до двух часов дня догоняюсь витаминками.

— Эти витаминки помогут вам остаться в живых. И не только до двух часов, но и не раньше десяти. Минимум десять уколов, Дмитрий. Точнее, Николай, постарайтесь не ошибиться, и не паникуйте раньше времени, доберитесь до дома и там уже всё обдумайте. Память вернётся минут через десять-пятнадцать.

— Так всё-таки, что со мной?

— Мне откуда знать, — раздражённо сказала женщина, — я простой проводник, а не врач. Выясняйте сами.

Она встала, и исчезла из вида, только цокот каблучков постепенно затих вдали. Дмитрий, он же Николай, прикрыл глаза, пытаясь сообразить, как он оказался в чужом морге, и почему его рука — это не его рука, мысли текли еле-еле, он даже начал забывать, что должен сделать, и тут в прозекторскую неторопливо зашёл врач в сопровождении пожилой медсестры. Мужчина замычал, пытаясь привлечь к себе внимание, и ему это удалось — медсестра закричала, бледнея и хватаясь за сердце, она быстро-быстро крестилась и что-то шептала, а врач всё тем же неторопливым шагом вышел в коридор.

— Какой идиот, — заорал он так, что было слышно, наверное, на всю больницу, — ко мне живого жмура притащил. А ты чего рот раззявила, бегом наверх, за санитарями, и пусть позовут Ковалькова.

Медсестра быстро закивала, на четвереньках выбралась из прозекторской и бросилась вверх по лестнице. Вернулась она через несколько минут в сопровождении двух санитаров, ожившего пациента переложили на каталку, вытащили на улицу и перевезли через дорогу, в основное здание больницы. Там их уже ждал пожилой врач с лысиной и козлиной бородкой, под его командованием санитары на скрипучем лифте подняли больного на третий этаж и завезли в пустую палату. Уложили на кровать, воткнули в вену катетер, к катетеру — капельницу, подключили электроды к груди, ногам, рукам и вискам, а под задницу подсунули утку. Только тогда, опутанный проводами, трубками и простынёй, мужчина всё вспомнил, и почти сразу уснул от лошадиной дозы лекарств.

(2) Сторона 1. 11 апреля, суббота

Сторона 1. 11 апреля, суббота.

— Да пошёл ты, урод, — теперь уже бывшая подруга кидала вещи в спортивную сумку. — Достал.

Спортом она любила заниматься, а вот сексом, готовкой еды и уборкой дома — не очень, о чём Димка ей и намекнул спросонья. Подруге, видимо, нужен был лишь предлог, чтобы вот так расстаться, и она им с удовольствием воспользовалась.

— Ты меня в домработницы записал? Сам возьми, и уберись, а то сутками дома нет, а как появляешься, сидишь за своим долбаным экраном, — вбивала она по гвозди один за другим в гроб их отношений, — зачем я только с тобой связалась.

Этот вопрос вообще-то нужно задавать в самом начале знакомства, Дима об этом сказал, и завалился спать дальше, не обращая внимания на шум. Может, он и сидел за компом, и чаще, чем надо, но уж точно не вчера. С очередного дежурства вернулся, когда уже светало. Работа у него была не хуже, чем у других, только вот график подводил, но молодой человек считал, что тут он совершенно не виноват, не менять же профессию ради очередной знакомой. Эта ещё долго продержалась, доброго ей пути куда подальше, а ему, Димке, сна, крепкого и приятного.

Так что уже через дрему он почувствовал, как в лицо попали ключи, оцарапав щёку, потом дверь на первом этаже громыхнула прощально, и одиночество пришло в его жизнь. Ненадолго — почти сразу зазвонил телефон. Сначала он завибрировал, Димка подумал, что девушка своё решение поменяла, и ему придётся распаковывать её вещи и готовить завтрак на двоих, но нет, к счастью, это был один из его начальников.

— Дмитрий Сергеич, — строго сказал он, — ты не спишь?

— Идите в жопу, господин Самойлов, у меня выходной, — вежливо ответил Дмитрий Сергеич, и нажал на красный кружок.

Телефон зазвонил снова. После того, как Герман Натанович четвёртый раз сыграл на смартфоне Богемскую рапсодию, парень понял, что просто так господин Самойлов не сдастся.

— Направление не изменилось, — предупредил он сразу.

— Новости знаешь?

— В Гватемале волнения на расовой почве, — доложил Димка. — Индекс доллара падает, опять ФРС печатный станок включила, падла. И в Сочи — наводнение, смыло мост через Енисей.

— Смешно. Ты здоров?

Это был вопрос с подковыркой. Скажет, что нет, и шеф узнает, что он соврал, а Самойлов обязательно узнает, потому что врач, и не видать больше Димке ни подработки, ни нормального графика на основной работе. Скажет «да», придётся вылезать из кровати и готовить завтрак. Завтрак лучше, чем голодные вечера без интернета, света и газа, поэтому он ответил утвердительно.

— Молодец, а ведь мог бы обмануть начальство. На смену сегодня выходишь, некому больше.

— Целые сутки отдежурил, Натаныч, — парень подавил зевок, — будь человеком,

суббота ведь. Шабат.

— Понимаю, — начальник даже сочувствия в голове добавил, гад, — но кроме тебя из наших некому. Фельдшер в машине обязан быть, сам знаешь.

— А Федя?

— На рыбалку Федя умотал, будет только к вечеру, телефон недоступен.

Понятно, значит, Фёдор запил — рыбы в их доме сроду не водилось, даже магазинной.

— Василич? — не сдавался Димка.

Пётр Васильевич был врачом-лаборантом, но работы среднего медперсонала не чурался.

— Заболел Василич, сердце пошаливает, годы преклонные. Или хочешь пожилого человека в гроб вогнать?

— И в мыслях не было.

— Вот и молодец. Виталик за тобой подъедет через час-полтора, отправляйтесь к Нефёдову, знаешь такого?

Был у них в городе такой старичок, скромный и неприметный, бывший ответственный работник, в девяностых и начале двухтысячных шалил сильно в пределах области, но потом успокоился, даже депутатствовал одно время.

— Неужели помер?

— Дочь сегодня утром нашла, повесился.

— Да ну, — удивился Димка, чтобы такой человек, как Нефёдов, с жизнью счёты свёл, должно было что-то уж больно экстраординарное произойти.

— Баранки гну.

— Из-за чего такая спешка? — клиенты Самойлова обычно уже никуда не торопились.

— Дима, родной ты мой человек, не тупи. Участковый уже всё осмотрел и протокол составил, родственники плачут и готовы платить, лишь бы от тела избавиться. Пятёрку получишь, дел на два часа. Тебе позвонил первому, смотри сам, желающих много, и не только на этот раз, а вообще, если ты такой ленивый.

— Уже выхожу, — тут же согласился парень. — Дай тебе Ктулху, Натаныч, здоровья и счастья в личной жизни. И деток побольше.

Герман выругался, и отключился. А Димка отправился собираться.

Герман Натанович Самойлов работал заместителем главного врача муниципальной больницы и одновременно начальником патотделения, проще говоря — морга. Его жена одно время трудилась в мэрии, а потом возглавила городское ритуальное бюро. Судя по тому, что ездила дамочка на роскошном внедорожнике и на простых смертных смотрела очень свысока, дело это, несмотря на утверждённые городом расценки, было очень прибыльное. Остальным доставались сущие крохи, такие, как Нефёдов, попадались редко, народ в городе был небогат, и экономил на всём, в том числе и на покойниках. Совали фельдшеру кто триста, кто пятьсот рублей, но и это были деньги, как говорится, одна старушка — рубль, а десяток — уже червонец.

Пока чайник закипал, Димка набрал Виталика, водителя скорой, тот тоже не горел желанием ехать за усопшим в свой законный выходной, но обещал за парнем заскочить, как только завтрак доест, то есть часа через два, не раньше. На жизнь и смерть водитель смотрел философски.

— Нефёдову торопиться некуда, — сказал Виталик, — а нам тем более. Пусть Герман волну-то не гонит, я уже дочке жмурика позвонил и договорился, у неё всё равно свои дела, сходит на рынок, в парикмахерскую, а к двенадцати подойдёт. Деваться-то ей всё равно

некуда, машина у нас одна, а не хочет, вон, пусть из областной вызывает, как раз к понедельнику появятся. Всё, Димас, мне тут жена яичню принесла, отбой.

Фоном послышался шлепок и женский смех, а потом Виталик отрубился. Только Димка уселся за стол, намазывая хлеб плавленым сыром, раздался звонок — теперь уже в дверь, точнее в калитку. Камера передала изображение женщины и мужчины в строгих тёмных костюмах, такие в их краях носили или работники прокуратуры, или выжившие свидетели Иеговы.

— Куприн Дмитрий Сергеевич здесь проживает? — женщина чуть наклонилась к микрофону, её спутник стоял поодаль, держа в руках чёрный чемоданчик.

Дмитрий Сергеевич кивнул, словно они могли его видеть, и нажал на кнопку. Удобная штука, раньше приходилось через весь огород к воротам идти, встречать гостей, а сейчас раз, и готово, входи кто хочешь. Эта парочка хотела, они прошли по дорожке, и через несколько секунд уже переступали порог дома.

— Нотариус Васнецова, — женщина остановилась в прихожей, — а это адвокат Зинченко, из компании «Коган, Лямфельд и партнёры». Вы Куприн?

Пришлось Димке ещё раз кивнуть, и пригласить гостей в комнату. От кофе женщина отказалась, а Зинченко, застенчиво улыбаясь, попросил покрепче и с тремя ложками сахара. И только когда всё это оказалось перед ним, раскрыл чемоданчик, вытащил тонкую папку и картонную коробку.

— Позвольте паспорт, — попросил он, и тщательно сверил данные со своими записями.

На бумагах, которые он достал, и с которыми сверялся, стояли выдавленные печати, с одной из них свисала синяя ленточка с изображением британского флага.

— Всё верно, — Зинченко посмотрел на Васнецову. — Вы, Дмитрий Сергеевич, являетесь наследником Куприна Афанасия Львовича, скончавшегося в Мельбурне пятнадцатого февраля этого года. На вас составлено отдельное завещание, вот, ознакомьтесь.

В руки парню сунули бумагу на английском языке, и перевод на русский. Ничего особенного в этом завещании не было — один Куприн оставлял другому, своему правнуку, живущему в России, сувенирную монету из золота 999-й пробы, с условием отказа от остальной части наследства.

— От чего отказываюсь? — Димка полюбовался на штамп апостиля.

— Дом в районе Паркдейл, две машины и катер, пенсионный счёт, — Зинченко протянул ему фотографию, на ней бодрый старичок позировал с огромной рыбиной. — Если вдруг решите судиться, нужно будет лететь в Австралию, или нанимать здесь поверенных. Основное имущество ваш прадед перевёл в фонд, до него при всём желании не дотянуться, а вот прямое наследство делится между всеми живыми потомками, там почти на три миллиона долларов, конечно, австралийских, ваша доля, если за неё бороться, тысяч пятьдесят.

— Негусто.

— Наследников много, помимо вашего деда, у господина Куприна в Австралии было четверо детей и пятнадцать внуков. Правнуков пока трое, но они постоянно прибывают. Шансов выиграть дело почти никаких, потому что завещание составлено по всей форме, а отказ — чистая формальность. Если не верите, всё это будет в соглашении, которое вы подпишете.

И он протянул тонкую папку, двадцать листов мелким текстом, Димка её даже листать не стал, потому что находился в лёгком охренении. Афанасий Куприн и вправду был его

прадедом, он родился в четырнадцатом году прошлого века, служил в милиции, в сорок втором ушёл на войну, и там же погиб в сорок пятом, за месяц до Победы. На его могилу в Калининградской области дед Дмитрия ездил регулярно, и его самого один раз с собой взял — чёрный обелиск с именами павших бойцов, и среди них старший лейтенант Афанасий Львович Куприн. Сохранились и орден Красного Знамени, и две медали «За отвагу», и орден «Славы» второй степени — их деду передали в Министерстве внутренних дел во время перестройки. Вот только личное дело отказались показывать, сославшись на режим секретности.

— Хорошо, — Димка кивнул, — медаль так медаль, жаль, конечно, что старик такой сволочью оказался, мог бы с сыном связаться. Дед помер, думая, что отца в живых нет, а тот на катере по океану в это время рассекал, тунца ловил. Гад.

— Ну вот и отлично, — Зинченко расцвёл, пододвинул бумаги Васнецовой, та внимательно ещё раз прочитала, паспорт наследника разглядывала так, словно он был поддельный, потребовала свидетельство о рождении и его тоже изучила вплоть до состава бумаги.

— Здесь, — ткнула она изящным пальчиком в свободное место на бумаге, — подпись, число прописью, расшифровка и надпись «вступаю в наследство добровольно». И отпечаток большого пальца правой руки, пожалуйста.

Димка сделал всё, как она просила, вытер краску спальца салфеткой. Пока нотариус заверяла его подпись, достав штемпели и печать, Зинченко раскрыл коробку, и вытащил оттуда обычный целлофановый пакетик, в котором лежал жёлтый кругляш.

На якобы золотой монете с одной стороны был выдавлен круг, униженный выпуклыми бусинами, каждая из которых линией соединялась с двумя другими, образуя сложный вписанный многоугольник, по контуру шла надпись на непонятном языке, а с другой — четыре одинаковые закорючек, две короткие параллельные линии, а между ними заусенец. Об него молодой человек и поранился, сначала не заметив, капелька крови упала на завещание.

— Ничего страшного, — Зинченко, казалось, даже обрадовался, — этот экземпляр остаётся нам, а у вас — все документы в электронном виде. Вот планшет, введёте код из конверта, и можете пользоваться. На планшете есть обращение покойного лично к вам, Дмитрий, рекомендую просмотреть. Точнее, наследодатель рекомендовал настоятельно.

Он встал, потянул за собой нотариуса Васнецову, и они быстрым шагом, чуть ли не бегом, выскочили сначала из дома, а потом из калитки, запрыгнули в чёрный внедорожник, и умчались. Если не бессонная ночь и весь этот сюр со внезапно ожившим прадедом, Димка наверняка понял бы, что всё это выглядит подозрительно и неестественно, юристы из гостей были, как из него самого балерина — на законников он насмотрелся, где покойники, там и они. Но единственное, что молодого человека занимало, так это то, что до приезда Виталика оставалось больше часа, он уже поел, и может вздремнуть. Медаль так и осталась валяться на столе рядом с нераспечатанным конвертом и планшетом.

Проснулся парень ровно через час от звонка напарника, тот приехал на десять минут раньше. На дорожке к калитке Димка чуть было не наступил на раздавленную кем-то собачью какашку, это соседская шавка постаралась, как не заделывай забор, всегда найдёт лаз. Мелкая тварь, соплём перешибёшь, но гадила как носорог. Пригляделся — отпечаток на коричневой лепёшке вроде бы совпадал с подошвой кроссовок его теперь уже бывшей, так

что кое-какое моральное удовлетворение он получил. Машина стояла за воротами, Виталик курил возле двери, при виде Димки отшвырнул сигарету и полез за руль. Вид у напарника был помятый.

До дома покойного ехать было рукой подать. По дороге парень набрал отчима.

— К Нефёдову? — спросил майор полиции. — Наши уже закончили, работы там немного было, старик предсмертную записку оставил, причин подозревать кого-то в убийстве нет, так что можете забирать спокойно. Да, молодец, что позвонил, мать тебе даю.

Мать отобрала трубку у мужа.

— Димочка, тётя Света приедет во вторник, — не утруждая себя вопросами о здоровье и делах, сказала она. — Её младшая дочка Вика собирается поступать в институт, проживут у тебя до майских праздников, сходят на день открытых дверей. Ты ведь не против?

Последний вопрос был риторическим — если бы Димка был против, то материнское проклятье не заставило себя ждать, а тётя Света всё равно уже купила билеты на поезд. Значит, послезавтра в гостевую спальню на первом этаже заедут чужие для него люди, после чего Димке в очередной раз попеняют, что другие молодые люди стремятся получить высшее образование, а отдельно взятый оболтус двадцати пяти лет — нет. Чужие, потому что Светлану Вадимовну тётей Димка назвал бы с большой натяжкой, она была двоюродной сестрой нынешнего мужа матери, Леонида Петровича, и по всему ей бы поселиться в их просторной трёхкомнатной квартире в девятиэтажке, но тётя Света жену своего родственника, Димкину мать, на дух не переваривала, а вот с Димкиной бабушкой, пока та была ещё жива, была очень дружна, и считала, что эта дружба перешла к нему по наследству вместе с домом.

— Чего батя говорит? — Виталик крутанул руль, заезжая в ворота, и затормозил у подъезда.

— Сейчас сам увидишь.

Бывший бандит, ветеран труда и депутат жил в кирпичном десятиэтажном доме в Царском селе — так называли новый район для богатых. Дом ошетинился кондиционерами и спутниковыми тарелками, отгородился от плебеев высоким металлическим забором. Виталик припарковал Газель между двумя внедорожниками, уткнулся в смартфон. Он так всегда делал — сначала фельдшер составлял справку, осматривал умершего, и только потом этот лентяй шёл помогать.

Нефёдов умер аккуратно, подстелив под люстру, на которой он повесился, полиэтиленовую плёнку — чтобы ковёр не запачкать. Тело уже сняли, и оно лежало на куске такой же плёнки посреди комнаты. Безутешная дочь покойного перебирала вещи и зорко следила, чтобы Димка не прихватил чего-нибудь из наследства. Полиция все документы оформила, осталось только вписать предварительную причину смерти — асфиксия, она же удушье, и позвать Виталика. Водитель привёз каталку, вдвоём они засунули тело в мешок, вывезли по пандусу и загрузили в машину. И уже через тридцать минут в патологоанатомическом отделении лежал труп, а у Димки в кармане — бумажка с изображением памятника графу Муравьеву-Амурскому работы Опекушина. Самойлов никогда с оплатой не тянул и не обманывал, за это его любили и ценили. И ещё за то, что дармовой спирт разрешал домой брать, сам-то он глушил его на работе, неразбавленным, пока жена не видела.

— До понедельника, — попрощался молодой человек.

В субботу и воскресенье выходили другие смены, младший и средний медперсонал работал сутки через двое, так и дежурства закрывали, и полторы-две ставки получали, а то и больше. Так что у Димки впереди были два неполных дня отдыха, которые он собирался потратить на что-то полезное, например — на сон или занятия спортом.

Молодой человек так и сделал, включил приставку, взял джойстик, наделал бутербродов с колбасой и сыром, бутылку кефира поставил рядом с банками газировки — чтобы здоровая пища тоже присутствовала, и дал себе клятву — в девять вечера лечь в кровать. И ведь не соврал почти самому себе, ещё даже светать не начало, когда молодой человек уже спал сладким сном. До планшета он в этот день так и не добрался.

Сторона 2. 13 апреля, понедельник

Сторона 2. 13 апреля, понедельник.

Я вышел из больницы в половине одиннадцатого, честно говоря, даже драться ни с кем не пришлось — на лицах врачей было написано облегчение, когда я им сообщил о желании выписаться. Первый квест завершил, получив прибавку к здоровью. Не очень большую, состояние было, словно помер, а потом неправильно воскрес. И лут заполучил, настоящий советский паспорт.

На обложке красной книжицы красовался герб СССР, выдавленный золотой краской, на первой странице, над номером и серией, было написано имя, на второй дата рождения и место — город Омск, место выдачи — город Устинов, на третьей — фотография с аккуратной причёской и с галстуком. Жил Соболев на улице 100-летия революции в доме 23, на других страницах нашлись штамп о разводе с Соболевой Ириной Викторовной двухлетней давности, запись о дочери 2010-го года рождения, Соболевой Елене Николаевне, и штамп военного комиссариата.

Ролевые игры я любил только в сексе, и то — в меру, на компьютере одни стрелялки стояли, там не надо вживаться в чужой мир, достаточно разнести его к чёртовой матери вместе с обитателями. Но на этот раз, похоже, меня именно в ролевою игру забросило. С охрнительной степенью детализации — я не просто чувствовал себя в теле другого человека, я и был этим человеком.

Игра делала всё, чтобы я почувствовал себя живым и настоящим. От одежды Соболева несло кисловатым запахом, волосы скатались в комья. Грязь и пятна были везде, их наляпали на одежду в хаотичном порядке совсем недавно. На ботинках виднелись странные бурые потёки, словно кровь засохла, я надеялся, что это просто цвет совпал. Погода стояла холодная, пришлось застегнуть пиджак на две оставшиеся пуговицы, но это не спасало.

Персонаж мне достался дохлый, да ещё и с прицепом, а игровой мир — очень реалистичный, но без кнопки выхода. Никакого игрового меню, как я ни пытался прищуриться, или нажать левой рукой на правую, или войти в медитативное состояние. Так что игра мне эта категорически не нравилась. Промелькнула мысль, а вдруг всё взаправду, но тотчас ушла — перенос сознания, как бы это фантастически не звучало, неизбежно бы повлёк раздвоение личности, а его я не ощущал. Потому что свою настоящую жизнь я помнил отлично, вплоть до момента, когда отправился спать в воскресенье после полуночи, а про Соболева Николая Павловича, сорока трёх лет от роду, не знал ничего, кроме того, что было написано в паспорте.

Что интересно, Соболева в городке знали, персонажи, населявшие игровой мир, со мной здоровались, я всё ждал, что кто-нибудь подойдёт и предложит наколоть дров или натаскать воды, но нет, никому не было дела до нового игрока. Дорогу к дому я узнал у медсестры в приёмном покое — та скривилась, выдала реплику об алкашах, пропивших последнюю память, но нарисовала на тетрадном листе в клеточку маршрут. Карту. Ещё один игровой предмет. А врач обещал мне третий — больничный лист, но только после того, как я приду к своему доктору в пятницу.

Улица Столетия начиналась от дома культуры, стоящего на улице Победы, и шла до Кустарной, мимо пруда. Двадцать третий дом стоял по левой стороне — трёхэтажный из

красного кирпича, на два подъезда, рядом высилась шестнадцатизэтажка, к ней был пристроен одноэтажный магазин, возле которого стояла небольшая очередь.

— Колян, — заорал кто-то. — Стой, чумичка!

Поначалу я на свой счёт этот выкрик не принял, но толстенький невысокий мужчина средних лет с обширной лысиной и толстым сизым носом, отделившись от очереди, направлялся в мою сторону.

— Сто лет не виделись, а тут слушок пошёл, что ты помер, — радостно сообщил он, подойдя почти вплотную и ткнув палец с обгрызенным грязным ногтем мне в грудь. — Пошли, мужики ждут, трубы горят, поминать собрались, а ты вон какой живой. Сейчас вмажем по сто шестьдесят шесть и шесть в периоде за здоровье, у Макара вяленый лещ с собой. Колян, рыбка — просто за-ши-бись, пальчики оближешь.

Идти никуда не хотелось, даже за вяленным лещом, и даже если меня там ждал очередной квест.

— Нельзя мне, — кое-как нашёлся я, — врач сказал, если выпью, всё, кранты. Снова помру.

— Вот те раз, — искренне огорчился пузатый, — ты и впрямь выглядишь не очень. Лады, дай трёху, а то нам на пузырь не хватает. На тебя надеялись, ёшки-матрёшки.

Логика в этом не было никакой, разве можно надеяться на человека, который помер, но я пошарил в чужом кармане, выудил кошелёк. Там лежала игровая валюта — советский красный червонец, две желтые бумажки по рублю и немного мелочи в отделении с кнопкой.

— Держи, больше нет, — протянул алкашу два рубля.

— Колян, ты во! Человечище! — мужик показал большой палец. — Да мы за твоё здоровье упьёмся, не переживай. Чего, правда нельзя?

— Месяц как минимум.

Алкаш только головой покачал, горестно вздохнул, и побежал к своим, очередь заглотила его как кит мелкую рыбёшку.

— Для местных я — Николай Соболев, — напомнил сам себе. — Здесь только так, и не иначе.

Провести всю игру в сумасшедшем доме, а в сеттинге про Советский Союз наверняка такой имелся, без возможности выхода в реальный мир я не хотел. Дорожку к дому асфальтировали недавно, но всё равно, во многих местах грунт осел, набирая лужи, пришлось петлять к подъезду. Жил Соболев в квартире с номером один, значит — первый подъезд, первый этаж, я пошарил в карманах, пытаюсь найти ключ, его не было. Дверь подъезда открылась со скрипом, к площадке первого этажа вела лестница в восемь ступеней, левая дверь была распахнута, оттуда показалась мужская спина в майке-алкоголичке, потом — всё тело, держащее в руках край стола.

Я понял, что Соболева, то есть теперь меня, грабят. В столе, который сейчас перемещался из одной локации в другую, должны были лежать ампулы, о них говорила женщина в белом халате. Эликсир здоровья, он же витамин B12.

Грабитель как раз остановился передохнуть, загородив столом проход в квартиру, и мне не пришло на ум ничего другого, как врезать ему ногой по заднице. Мужик ойкнул, обернулся, увидел Соболева и побледнел.

— Ты чего, Палыч? — просипел он. — Живой?

— Мебель обратно занеси.

Я внимательнее присмотрелся к очередному персонажу, тот был моложе, выше

Соболева на полголовы и крупнее, дверь в квартиру напротив по лестничной клетке была тоже распахнута, но оттуда ничего не выносили.

— А то что? — предполагаемый сосед начал приходить в себя, а вместе с этим возвращалась и наглость.

— Полицию вызову, — спокойно сказал я, раз уж эта игра заточена на социальное взаимодействие, надо соответствовать. Но на всякий случай посмотрел вокруг, вдруг где-то припрятаны дробовик или бензопила.

Видимо, ответ был неожиданным, и первоначальный Соболев себя так не вёл, потому что в глазах соседа колыхнулось недоумение, а потом он сник.

— Да ты чего, Палыч, я ж для сохранности, — нашёлся он, заталкивая стол обратно в прихожую. — Сам знаешь, народ какой, как узнает, что ты помер, так вынесет всё подчистую.

Огляделся и оценил дизайнерскую работу на твёрдую тройку, интерьер на жилище алкаша похож не был. Обои были достаточно свежими, на полу лежал плотный линолеум, с потолка на шнуре свисал плетёный абажур. Сдвоенные двери санузла, проём, ведущий, видимо, на кухню, и покрашенная белым дверь в комнату. Она была закрыта, там явно кто-то что-то передвигал. Грабитель стрельнул глазами, и приоткрыл рот, чтобы предупредить подельника, но тут дверь распахнулась, и оттуда появилась коренастая женщина, меня она из-за широкой спины соседа не видела.

— В шкафу прятал, скотина, еле нашла, — она трясла зажатым в руке узелком, сделанным из носового платка, — всё нищим прикидывался, жмотничал до полочки занять, а у самого денег куры не клюют. Ты чего стоишь? Участковый через час придёт описывать имущество, давай, шевелись, ещё телевизор тащить и кресло. Со сберкнижкой-то чего делать? Такие деньжищи пропадут зря, может, в сберкассе стовориться?

— Так это, Любань, — сосед замялся.

Я подошёл к женщине вплотную, вырвал узелок. Любаня сделалась белой как мел, осела на пол, и только рот разевала и глазами хлопала, но в находку вцепилась так, что еле вытащил. Вроде как силу прокачал.

— Ты эта, мы ж думали, что помер, а покойникам зачем, — попытался оправдаться мужчина. — Эй, Любка, что с тобой?

— Сердце прихватило, — женщина поднялась, потянулась руками к узелку, плюнула. — Сволочь, даже помереть не можешь нормально, алкаш проклятый, чтоб ты сдох. Опять от тебя житья не будет, скотина.

Выпроводил соседей, уселся на край стола, пытаюсь собрать мысли в кучку, потом спохватился, открыл ящик. Ампулы, как незнакомка и сказала, лежали на месте, только не три, а две коробки, значит, соседи решили ещё и лекарство себе забрать. Вышел на площадку, постучал в соседскую дверь. Послышалось шебуршание, но никто не открыл, я постучал ещё раз, потом саданул по двери ногой, чуть не сломав большой палец. Только после этого она распахнулась, в проёме стояла Люба. Она швырнула мне большой узел.

— Подавись, скотина.

— Эликсир где? То есть ампулы.

— К чёрту иди, наркоман проклятый, совсем мозги свои пропил, нет больше ничего, — дверь хлопнулась у меня перед носом.

По лицу соседки было понятно, что больше она ничего не отдаст. Я прошёл к Соболеву в квартиру, закрыл дверь на задвижку, развязал большой узел. Там лежали ложки с вилками,

наволочки и одежда, всё — почти новое.

— Ну и перс мне достался, даже украсть толком нечего, — сказал сам себе. Уровень сложности игры, на мой взгляд, был невысоким, и очень не хватало оружия. — А может, и есть чего.

В маленьком узелке лежали сберкнижка, военный билет офицера запаса, запечатанная пачка пятирублёвок, орден Ленина и три — Красного Знамени, медаль «Сто лет вооружённым силам СССР» и золотой значок в виде ракеты с номером 512. Соболев был уволен в запас год назад в звании майора, фотография в военнике точь-в-точь повторяла такую же в паспорте. Сберкнижка тоже не вязалась с образом опустившегося синяка, весь этот год каждый месяц Соболеву приходили четыреста пятьдесят рублей, и всего на книжке накопилось больше пяти тысяч. Я пока не знал игровых цен, но судя по тому, что на водку хватало трёх рублей, тысяча была большой суммой, а пять — тем более.

— Инструкция, — напомнил сам себе. — За холодильником.

Убрал ценности в ящик стола, кое-как задвинул его подальше к комнате, и пошёл искать ценные указания от игрового бота. Кухня была маленькой и аккуратной. Несколько шкафов из ДСП, мойка с капающим краном, деревянный стол без скатерти и четыре мягких табурета. Новый с виду холодильник был открыт, и внутри совершенно пуст — то ли Соболев ничего не ел, только пил, то ли сердобольные соседи всё выгребли подчистую. Я закрыл дверцу, примерился, и отодвинул агрегат. За холодильником ничего не оказалось, а вот под ним на полу лежал лист бумаги с текстом, аккуратно написанным от руки округлым почерком.

«Дмитрий Сергеевич, надеюсь, вы прочитали правила на носителе, который вам передали.

Тщательно их соблюдайте.

Придерживайтесь рекомендаций.

Первое — синхронизация проходит с трёх до четырёх утра в воскресенье каждую неделю, постарайтесь в это время быть в кровати, присутствие посторонних крайне нежелательно.

Второе — вы выбрали произвольное распределение единиц взаимодействия. Координаторы определили оптимальный вариант, отказ от него означает отказ от участия в программе.

Постарайтесь не выдать себя до изучения прошлого оболочки, внимательно отнеситесь к окружению, не конфликтуйте. Не пытайтесь убедить себя, что это игра, так вы совершите типичную ошибку новичков, за которой последуют фатальные ошибки и исключение из программы.

Выбранная схема лечения предусматривает, что вы будете делать внутривенные инъекции самостоятельно. Придерживайтесь схемы — по 1 ампуле 1 раз в сутки, с 10 до 14 часов, пять дней подряд, и по 1 ампуле перед каждой синхронизацией (минимум пять, максимум двадцать пять). Перерыв между уколами должен быть не больше 26 часов и не меньше 22. Помните, только полный курс может полностью восстановить вашу оболочку, сделать её максимально здоровой и работоспособной.

Ваш уровень участия — 1. Из 104975 единиц удержано —

— подбор оболочки — 8400,

— информация о прошлом оболочки — нет (0),

- уровень реальности 10 — 10000,
 - уровень безопасности 9 — 9000,
 - сопровождение на другой стороне — 12000,
 - лечение (с учётом состояния оболочки) — 24000,
 - оплата синхронизации на 1600 недель (исходя из срока дожития) — 40000,
- Остаток — 1575 единиц»

Я сложил листок вчетверо, засунул в карман пиджака, висящего в шкафу, сел в продавленное кресло и задумался.

Первое, это определённо не сон. Все сновидения, какими бы реалистичными они не казались, на самом деле всего лишь обрывки разных сцен, хаотично сменяющих одна другую, и органы чувств во сне так не работают. Возможно, я сейчас лежу в коме, там глюки совсем другие, но люди обычно описывали в таких случаях операционную, или себя и врачей, или полёты в тоннель. И никто не упоминал, что переселился на время в тело вонючего алконавта.

Если предположить, что существует технология, которая позволяет человеку чувствовать себя другим в игре — а степень погружения здесь была фантастической, то почему бы не предположить, что существует технология, способная переносить сознание. Это мне пытались намекнуть в записке под холодильником. Верить или не верить, отдельный вопрос, я скорее склонялся к тому, что оказался в игре или какой-то симуляции реальности.

«А если это взаправду?» — спросил внутренний голос.

Взаправду значило, что сейчас на месте Дмитрия Куприна готовит обед на моей кухне алкаш-майор, и этот вариант мне не нравился категорически. Дмитрий Куприн был здоровым молодым человеком, и совершенно не хотел, чтобы его, то есть моё тело испортили.

Правда, были и другие слова, более оптимистичные, хоть и неприятные. Например, оболочка. Словно взяли какой-то секонд-хенд, и в него меня обрядили. Нет, против секонд-хенда я ничего не имел, моя мать торговала такими вещами в собственном магазине-полуподвале, привозя их тюками из Петербурга, но там хоть выбрать можно было что-то приличное, а здесь мне достался явный неликвид. Немудрено, что стоил он дешевле лечения, хотя, на мой взгляд, за такое могли бы и приплатить. Даже со своим прерванным посередине высшим образованием я понимал, что этот Соболев не жилец — желтушные глаза, боль в подреберье, отдышка, неровный сердечный ритм, периодически накатывающие головокружения и мутные пятна перед глазами вперемешку с сгустками крови, у этого майора были все шансы откинуться в любой момент. То, что его, то есть меня, выпустили из больницы, иначе как желанием, чтобы пациент сдох где-нибудь в другом месте, я объяснить не мог.

Забавно, но я начинал думать об этом мире и самой возможности синхронизации сознаний как о чём-то реальном. Когда работаешь с мёртвыми людьми, поневоле начинаешь смотреть на жизнь и смерть философски, а главное — не торопиться, потому что всё в этой жизни временно. Вот и сейчас я решил не гнать волну, не бегать по окрестностям с холодным оружием, сделать так, как написано на листе бумаги, дождаться выходных и уже там хоть что-то выяснить. Начать играть никогда не поздно, а вот жить — как повезёт.

В дверь позвонили, подумал было, что это соседку заела совесть, заложенная в её

характер разработчиками, и она принесла обратно еду и игровую наркоту, но нет — на площадке стоял мой новый знакомый из очереди, а позади него маячили ещё двое синяков.

— Колян, — мужик сделал попытку меня отпихнуть и пройти в прихожую, в руке он держал бутылку с зелёной этикеткой, — на улице холодно, мы к тебе. Давай раздавим сейчас пузырь за твоё здоровье, ты уж извини, Столичная закончилась, только Московская осталась. Закусь найдётся?

Я отступил, тройца ввалилась в квартиру, увидев пустой холодильник, мужик присвистнул.

— Придётся так пить, — заявил он, — а это уже алкоголизм. Ты, Колян, иногда продукты-то покупай, без еды язва появится.

— Участковый появится, — я кивнул на часы, которые показывали половину одиннадцатого, — вот-вот.

— Зачем? — оторопел незванный гость.

— Мне откуда знать, соседи сказали.

— Борька что-ли? Мелет языком, когда не просят, а жена его вообще как помело, все сплетни с округи собирает. Ладно, раз закуси нет, пойдём, — мужик ногой задвинул табурет обратно, — бывай, Колян. Будь другом, дай ещё чуток мелочи, сырок купим и хлеба, а то на пустой желудок не дело, мы ж гомо сапиенс, а не животные какие.

Я выгреб мелочь из кошелька, ссыпал в ладонь. Ногти у попрошайки были обкусаны, с чернотой. А мои почему-то аккуратно подстрижены. С мелочью расстался легко, по сути, деньги-то не мои, а этот алкаш мог стать источником информации.

— Ты на работу выходишь, или на больничном? — спросил он.

— На работу?

— Мужики, идём. Ты, Колян, лечись, выглядишь хреново. И продукты купи, кореша пришли тебя проведать, а поляну-то накрыть нечем. Нехорошо, не по-людски это.

Синяк вышел, двое собутыльников последовали за ним, за всё это время они не проронили не слова и вообще двигались как зомби. Запоздало подумал, что за деньги алкашня могла бы мебель в комнату занести, пришлось это делать самому. Стол был массивный, из дерева, с толстыми ножками и сукном на столешнице, явно откуда-то из далёкого прошлого. Весил он, наверное, килограммов сто, на линолеуме появились новые борозды, пока я его двигал.

Судя по следам, раньше он стоял у окна, но я через всю комнату переть тяжесть не хотел, оставил у двери. Кроме стола, моего персонажа наградили лакированным трёхстворчатым шкафом с зеркалом, кроватью с тумбочкой и телевизором, у меня такой в подвале стоял — выпуклый экран и ручка-переключатель. Только у этого сбоку была ещё какая-то коробочка прикреплена. На телевизоре стоял телефонный аппарат, от него к коробочке шёл провод, и фотография — относительно молодой Соболев в военной форме с девочкой лет девяти или десяти, на Красной площади. Достал ещё раз военник, сравнил — за те несколько лет Соболев почти не изменился, зато в последний год сдал, судя по отражению в зеркале, очень сильно. В войсках он служил элитных, военно-воздушных, ни больше, ни меньше. Был Соболев лётчиком-испытателем, и судя по наградам — очень даже заслуженным.

Участковый заявился, когда я собрался выйти за продуктами, а заодно и шприцов на весь курс прикупить. Ни карточек, ни смартфона я не нашёл, оставалась десятка в кошельке и нераспечатанная пачка, которую я подумывал отнести в банк, уж очень народец здесь

водился ушлый. У Соболева в тумбочке хранилась только одна упаковка из пяти шприцов, ещё там лежали КИМГЗ РВ — противорадиационная аптечка, куча простых лекарств п мелочи и противогаз в нижнем отделении. Нашлась и бутылочка салицилового спирта с комком ваты для обеззараживания — для укола сойдёт. Пожилой лейтенант постучал в дверь, зашёл, стоило мне открыть, и сразу проследовал на кухню.

— Ну что с тобой опять не так, Соболев? — вздохнул он, выкладывая на стол планшет. — Так и знал, что сорвёшься.

Не командирскую папку, в которой военные любят носить секретные карты, а полиция — бланки протоколов. Самый настоящий, с плоским экраном, только очень толстый, на книжку похожий. Лейтенант говорил с заметным акцентом, голос у него был сочный и глубокий.

— Ну чего молчишь? Я с понятыми шёл, квартиру описывать, а ты тут живой и здоровый, хорошо из больницы позвонили. Они, дескать, до сегодняшнего утра не были уверены, что ты оклемаешься.

На чёрно-белом экране появился бланк протокола, а в руках у участкового — карандаш. Наверное, не простой, потому что писал он им прямо на планшете, укоризненно покачивая головой, а потом пододвинул мне планшет.

— Читай.

Я пробежал глазами текст. Вроде всё правильно там было написано — произошла врачебная ошибка, в результате которой в милицию ушли сведения о покойнике Соболеве, и этот лейтенант Гаспарян личность мою вновь установил и выяснил, что я жив. Только в глазах милиционера читалось, что обстоятельству этому он не рад. И я тоже, кстати — как расписывался Соболев, я не знал, но подумал, что это может быть важно. В больнице просто закорючку поставил, там все так пишут, здесь такое могло не прокатить.

— Ты, товарищ лейтенант, не торопись, сначала паспорт проверь, для порядка.

Гаспарян спорить не стал, небрежно полистал красную книжицу, посмотрел на меня, склонив большой висячий нос на бок, и я кое-как скопировал росчерк с первой страницы, приложил указательный палец к квадратику в левом нижнем углу.

— Руки дрожат, — сказал на всякий случай.

На экране появился значок песчаных часов, который через несколько секунд поменялся на зелёную галочку.

— Мы надеялись, — вдруг прорвало лейтенанта, — что к нам в город приедет покоритель космоса, герой и просто хороший человек, а получился ещё один ханурик. Может то, что произошло, заставит тебя задуматься. И, Соболев, ты уж завтра на работу выйди, будь ласков, хоть у подъездов подмети, а то не дом, а свинарник, всё бычками закидали.

— Я на больничном. А если в доме свиньи живут, то хоть убирай, хоть не убирай, лучше не будет.

— Думал на совесть твою надавить, но ты её пропил, — лейтенант поднялся, аккуратно задвинул табурет под стол. — До свидания, гражданин Соболев. За копией протокола придёте в отделение.

И ушёл. Хотел я было ему на вороватых соседей пожаловаться, но в последний момент не стал, не знаю как с советской милицией, а с нашей полицией в такие игры лучше не играть, в результате сам можешь виноватым оказаться. Не думаю, что они уж очень разные.

На часах стрелка приближалась к полудню, идти уже никуда не хотелось, чувство

голода исчезло, наоборот, появились тошнота и отрыжка с тонкими нотками ацетона. Я вытащил шприц, намылил руки и место укола, мыло у Соболева было коричневое, по запаху — хозяйственное, такое у нас в больнице любили. Постучал по локтевой ямке, протёр кожу спиртовым раствором, нацепил иглу на шприц, втянул бесцветную жидкость из ампулы, перетянул руку найденным в шкафу галстуком, примерился.

Зазвонил телефон. Противная трель чуть было всё не испортила, и так руки тряслись, а тут ещё лишний раздражитель. Пытаясь не обращать внимания на дребезжащую трубку, выдавил одну каплю, капнул себе на язык. Если здесь всё по-настоящему, и эта женщина хотела меня обмануть, подсунув вместо нужного лекарства какой-нибудь яд, в вену его колоть не стоило — верный способ снова отправить это тело в морг.

Телефон отзвонил, подождал с минуту, и забренчал снова. Я как был, со шприцом, с галстуком на руке и засученным рукавом, снял трубку, на которой с обратной стороны обнаружился маленький экранчик. Он пульсировал красным цветом, а на засветившемся экране телевизора появилась женщина, молодая и привлекательная, с обесцвеченными волосами. Она сидела в кожаном кресле и смотрела прямо перед собой.

— Соболев, — сказала она, брезгливо сморщившись, отчего лицо её стало неприятным и сильно состарилось, — ты уже колешься? Поздравляю.

— Спасибо, — на всякий случай поблагодарил я.

— Не паясничай. У Леночки был вчера день рождения, а ты опять пропал, не поздравил её. И теперь я вижу — почему. Не звони нам.

И отключилась.

Язык не онемел, хуже мне не стало, субстанция на вкус была никакой, и я решился, сильно сжал кулак, воткнул иглу в вену, и медленно ввёл кубик раствора. Это был точно не витамин В12, подействовало практически сразу, накатило чувство эйфории, боль и тошнота исчезли, глупая улыбка не хотела слезать с лица. Мысли вернулись к недавнему звонку, забавные люди эти женщины, будто я сижу и названиваю круглые сутки. Леночке. Видимо, имелась ввиду дочь майора, о которой упоминалось в паспорте. Значит, здесь эта пергидрольная молодящаяся блондинка — моя бывшая жена. То есть жена Соболева, он в предыстории к моему персонажу плодился и размножался, а расхлёбывать теперь мне. Прости, непись Леночка, твой несуществующий папка вчера помер от пьянства и нездорового образа жизни.

Девочка на фотографии всё так же улыбалась, майор тоже улыбался, крепко держа её за руку. И мне почему-то стало очень стыдно.

Сторона 1. 14 апреля, вторник

Сторона 1. 14 апреля, вторник.

Поезд запаздывал, Димка стоял на перроне и курил, кутаясь в куртку от холодного апрельского ветра. Тётя Света и её дочка вполне могли бы добраться до бесплатной гостиницы самостоятельно, но мать настрого приказала их встретить, проявить, так сказать, уважение. А чего встречать, если шагни чуть, и такси выстроились рядами, куда хочешь отвезут и недорого, ещё и вещи помогут затащить.

Вдалеке показалась мордаха электровоза, он ехал не торопясь, словно никуда не спешил. Табло показывало, что не спешил он вот уже два лишних часа. Наконец кабина машиниста поравнялась с краем платформы, втягивая за собой длинную гусеницу из вагонов. Ошибиться Дима не боялся — кроме него, других встречающих не было.

— Не стоило приходить, — первым делом сказала Светлана Вадимовна, спустившись на перрон, — вон, такси стоят, чай не в каменном веке живём, и адрес я знаю. Своей машиной не обзавёлся?

Молодой человек покачал головой, сразу потеряв последние очки в глазах Вики. Девушка стояла, морща носик, словно в бомжатник попала. Даже не поздоровалась, только кивнула небрежно.

— Ты чего раззявилась, наказание, — тётя Света дёрнула дочку за рукав, — а ну пошли. И чемодан сама носи.

Димка мог бы и помочь, две руки — два чемодана, но Вика послушно подхватила свой и пошла к зазывалам-таксистам.

— Совсем девка от рук отбилась, — жаловалась Светлана Вадимовна своему почти племяннику, не стесняясь ни дочки, ни таксиста, — жопой крутит как халахупом, парни проходу не дают, а ей принца подавай на белом мерседесе.

— Эй, смотри, у меня Тойота, — таксист ударил ладонями по рулю, — в сто раз лучше. Пойдёшь за меня, красавица?

Красавица смотрела в окно карими глазами и не отвечала. Вика с детства такая была, считала, что судьба с ней обошлась несправедливо, засунув в обычную семью, а не к миллионерам. Она снимала ролики для нескольких тысяч подписчиков, и чувствовала себя популярной и независимой.

Таксист только вздохнул, помог выгрузить чемоданы, получил двести рублей и уехал, а Дима понёс вещи в дом. От деда с бабкой, ну и от отца, конечно, ему достались пятнадцать соток земли, капитальное двухэтажное строение почти в двести метров, и огромный гараж, соединённый с мастерской.

— Здесь собака накакала, осторожнее, — вовремя предупредил он гостей, обходя очередной соседский подарок. — Вы надолго?

— Выгоняешь уже? — тётя Света распахнула входную дверь, — к майским уедем, вот только балда эта в институт сходит, по знакомым пробежимся, и домой. Я ей целевое сделала, чтобы уж наверняка, да, Викистик? Но если институт не поступишь, смотри у меня, найдём мужа из местных, фермера, будешь коз за сиськи дёргать.

Вика покраснела, пробормотала что-то и убежала в бывшую комнату отца Димки. А тётя Света тут же пошла на кухню, и загремела посудой.

Институт в городе был один, зато очень престижный. Медицинский. Филиал столичной Пироговки, непонятно зачем открытый в захолустье сорок лет назад, набирал по пятнадцать человек на два факультета — фармацевтический и лечебный. К филиалу прилагался медицинский колледж, который Дима с грехом пополам окончил, про вышку он даже и не думал. А вот тётя Света подумала, и сделала дочке направление из сельской больницы, где сама же и работала главврачом. Димка не мог понять, зачем Вике это нужно — зубрить анатомию и латынь, да ещё в трупах ковыряться, но в чужие дела лезть не стал, тем более что своих было невпроворот.

Всё воскресенье он провёл на огороде — снег практически растаял, только там, куда солнце не заглядывало, лежали спёкшиеся ледяные сугробы. Они исчезнут к концу апреля, весна в этом году выдалась поздней, а зима — снежной.

Восстановил теплицу, в которой вот уже семь лет ничего не росло, полюбовался на проклюнувшийся из земли чеснок и крохотные пёрышки лука, обрезал замерзшие ветки на кустах. Раньше, когда бабушка была жива, здесь шагу нельзя было ступить, чтобы не пройтись по какой-нибудь грядке с клубникой или посадкам картошки, а теперь освободившееся пространство занимал модный газон, вздыбившийся кочками одуванчиков, на котором стояли качели и проржавевший мангал. В планах было сделать спортивную площадку, поставить бассейн, хотя бы каркасный, и сделать по всему участку дорожки и подсветку, но всё, на что его хватило за несколько лет — это прокопать дренаж, колодец почистить и сварить новую калитку.

Пока ковырялся на земле, и комнаты гостям готовил, пролетел целый день, а потом, в понедельник, он вышел на дежурство, и до утра вторника помогал людям болеть и выздоравливать, в меру своих служебных полномочий. Фельдшер, он вроде ещё не врач, но уже и не медсестра, трахеотомию сделать может, а назначить мазь от прыщей — нет.

Когда гости угомонились — старшая ушла на рынок за продуктами, а младшая заперлась в комнате и что-то там бубнила на камеру, Димка наконец добрался до наследства. В конверте лежал лист бумаги с каракулями, они даже на иероглифы похожи не были, но явно что-то означали. Планшет ему достался явно китайский, из подвала — без опознавательных надписей, камеры и качелек громкости, зато с физической кнопкой на лицевой стороне. Молодой человек нажал на неё, досчитал до десяти, но ничего не произошло, экран не засветился. Зарядка в комплекте не шла, и даже разъёма для неё не было. Зато была толстая щель на левой стороне, с каким-то значком. Пришлось принести лупу, мелко-мелко рядом с щелью кто-то нацарапал монету.

Димка достал монету, повертел, примеряясь, какой стороной вставить. Едва кругляш вошёл до упора в паз, экран засветился. Появились десять квадратиков и внизу клавиатура из семи рядов.

— А теперь мы распечатаем конверт, — наследник разорвал плотную бумагу, достал лист с паролем.

Ровно десять значков, все они отличались друг от друга мелкими закорючками, он несколько минут выискивал похожие на клавиатуре и вбивал один иероглиф за другим. Наконец, когда последний символ встал на своё место, экран моргнул. И ничего не произошло. Димка не расстроился, он ещё раз проверил буквы чужого алфавита, обнаружил, что шестой символ похож, но не тот, и вбил правильный. И только тогда фон на экране изменился, стал красным, и на нём появились три квадратика с подписями — «Документы», «Инструкция» и «Напутствие», и один кружочек с вписанным в него непонятным символом.

В папке с документами лежали завещание и соглашение о принятии наследства, их Дима оставил на потом. Он уже всё подписал, и подозревал, что его обвели вокруг пальца, а обнаружить доказательства, что ты повёл себя, как лох последний, всегда неприятно.

Инструкции Дмитрий Куприн читал всегда. Это в играх можно просто галочку поставить, и в худшем случае перелогиниться, а когда приходит новый медицинский прибор или препарат, ошибка может дорого обойтись. Так что он ткнул в самый левый квадрат, пробежал глазами текст на русском языке, и полезного там почти не нашёл.

Инструкция была короткой и непонятной.

«1. Внимательно изучи правила участия в программе (недоступно на 1 уровне)».

Видимо, у Димки был именно первый уровень, потому что никаких правил он не нашёл.

«2. Распредели единицы участия по параметрам, и заполни карточку пользователя.»

Карточка пользователя нашлась в самом низу короткого текста, там возле странных параметров уже стояли цифры. Например, рядом с параметром «Оболочка» красовалось число 8400, а напротив «Уровня окружения» — 10000. Кто-то уже постарался, и всё заполнил за него.

«3. Проведи пальцем по лицевой стороне жетона участника, между линиями.»

Димка пожал плечами, вытащил монету, поёрзал пальцем по тому месту, где торчал заусенец. На этот раз обошлось без крови, острый выступ словно стал меньше и потерял остроту. Планшет, оставшись без монеты, погас, а когда она вернулась на место, снова засветился.

«4. Если инициация будет проведена раньше, чем ты распределишь единицы, координаторы сделают это сами.»

— Спасибо, координаторы, — сказал Дмитрий. — А то я уж и не знаю, как жить без вас.

«5. Заполнение оболочки проходит с трёх до четырёх утра в ночь, следующую за днём инициации.»

6. Синхронизация производится раз в неделю, в это же время. Изменение частоты — не раньше тридцати шести недель с момента инициации.»

7. Любое из этих действий карается штрафом, при рецидиве отменяет участие в программе — перенос критических знаний, распространение информации о программе, намеренное причинение смертельного вреда собственной оболочке.»

— Суицид. Это называется — суицид, — попенял на китайский перевод Димка. — Ладно, я вроде всё сделал. Что дальше?

Дальше инструкция закончилась и свернулась обратно в квадратную иконку. Диму явно заманивали в какую-то секту. Какую именно, он выяснять не хотел, если монета действительно золотая, то был у парня знакомый ювелир, который даст за неё половину рыночной цены металла, планшет без зарядного устройства отправлялся на чердак, на склад ненужных вещей. Там, на стеллажах, за долгие годы чего только не накопили, начиная от старинной прялки и заканчивая кассетным магнитофоном.

— Напутствие, значит? — молодой человек ткнул палец во второй квадратик, — давай, аксакал. Дай ценный совет.

На экране планшета появился старик с фотографии, которую показывал адвокат. Сидел он не на катере, а в кресле, стоящем на фоне бежевой стены, вперив взглядом в объектив.

— Привет, — сказал он. — Сейчас рождество, две тысячи двадцать пятый почти закончился. Меня, дорогой потомок, уже достало повторять это из года в год, надеюсь,

записываю видео в последний раз.

Дима видел много стариков — среди клиентов Самойлова в основном они и попадались. В их городе редко кто доживал до девяноста, а уж за сотню, считай, никто не переваливал, и как выглядят люди такого возраста, он представлял. А этот предок, которому было сто десять лет, выглядел куда лучше, чем здешние пенсионеры в семьдесят.

— В общем, дорогой потомок Афанасия Куприна, фактически мы чужие люди, — продолжал живчик, — но формально ты мой правнук. Почему так, ты ещё поймёшь, а пока отнесись к моим словам со всей серьёзностью.

И он поднял указательный узловатый палец вверх.

— Раз ты смотришь это видео, то я уже подох, точнее, моя здешняя оболочка мертва, а ты получил от меня подарок. Наследство, так сказать. Если бы не обычай, о котором ты ещё узнаешь, хрен бы тебе чего обломилось, но раз повезло, пользуйся.

Старик вытащил из кармана кругляш, повертел, подкинул на ладони.

— Это, Дмитрий, ценная вещь, смотри не просри её, или не продай кому-нибудь, а то я знаю вас, босяков, чуть что, бежите в ломбард. Ты вроде парень не дурак, как я выяснил, и живёшь своим умом, так что поверь, истинная цена этой штуки поболее, чем ты можешь представить. Намного больше. Главное, не доставай монету из упаковки прежде, чем поймёшь, что это такое. А если достал, то постарайся не поцарапать об иглу.

Старик показал лицевую часть монеты с двумя линиями.

— Когда я получил первый пропуск, то наделал много ошибок, и только чудом удержался в программе. Как их избежать, я тебе вкратце расскажу, а уж сделаешь ты так, или по-другому, твоё дело. Ты уже, наверное, разобрался, что монету надо вставлять в планшет, иначе бы не смотрел на меня. Открой инструкцию, там самая главная штука, это табличка в конце. Количество единиц, которое написано на монете, ты можешь в ней распределить. А теперь внимательно, очень внимательно слушай!

Старик наклонился вперёд, так, что лицо заняло большую часть картинки. Взгляд у Куприна-старшего был строгий и въедливый.

— У тебя есть почти сто пять тысяч единиц, это много, очень много для человека с мозгами, и почти ничего для идиота. Оставить больше тебе не могу, у самого и так впритык, но для первого раза тебе хватит. Самая ценная и важная деталь — оболочка. До пятнадцати тысяч стоит ходячий труп, не поспеши, и отдай за неё хотя бы тысяч пятьдесят, а лучше — семьдесят. Отличный экземпляр обошёлся бы тебе минимум за двести тысяч, в некоторых мирах и за миллион заходит, но тебе хватит просто хорошего.

Он снова откинулся назад, вздохнул.

— Поскольку этот раз у тебя — первый, характеристик ты получишь мало. Адаптация — это то, насколько привычным будет окружение, по мне так бессмысленная трата единиц. Какой смысл отправляться в путешествие, если ты как будто из дома не выезжаешь? Я всегда выбирал нули, и ни разу не пожалел. Но дело твоё, если не хочешь учить чужой язык, брось на неё пару тысяч. И не экономь на безопасности, семь, а лучше десять. Остальное не так важно, поставь прочерки, те, кто затеял этот эксперимент, тоже не любят, когда единицы энергии тратятся впустую, и остаток разделят за тебя. В общем, впиши числа в таблицу, а потом, и только после этого, — человек на экране даже чуть приподнялся, подчёркивая важность того, что скажет, — проведи пальцем по той стороне монеты, где нарисованы цифры и линии, оцарапайся хорошенько. Инициация произойдёт той же ночью.

Умерший наставник потянулся к камере, словно намереваясь её отключить, но потом передумал, и отдёрнул руку.

— Вот ещё что, проводники — они как шакалы, стараются выхватить побольше кусок. Сразу откажись от лекарств, которые они тебе попытаются всучить на остатки единицы или даже в долг, или их подальше, дорогой наследничек. Пилюли, уколы и так далее, тебя будут убеждать, что без этого ты умрёшь. Нихрена подобного, с хорошей оболочкой тебе это не нужно, организм донора быстро адаптируется, а оставшиеся единицы можно потратить через год на более полезные вещи. Прощай, Дмитрий, и это... ты уж прости за прадеда. Он был хорошим человеком, и умер, как герой. Да, ещё кое-что важное сказать хотел.

Куприн-старший посмотрел куда-то вверх, словно вспоминая. Пальцы его то сжимались, то разжимались.

— Совет тебе на будущее. Когда единиц поднакопишь, не жди, чтобы эта или другая оболочка разваливаться начали. В жизни всякое случается, страховка стоит недорого, начинай с первой возможности платить понемногу, даже если пропадут единицы, то не зря.»

Экран погас, последняя фраза объяснила всё. Похоже, Афанасий Львович, несмотря на свой бодрый вид, серьёзно поехал кукухой. Сто десять лет — возраст серьёзный, в здравом уме остаться сложно, особенно если поменял климат, полушарие, окружение и страну. Но Димка его не винил, хотя в тот бред, который прочитал, прослушал и просмотрел, не поверил. Если инициация, о которой в нём говорилось, действительно произошла, когда он поцарапался, то всё должно было случиться ещё три дня назад. Но не случилось, а значит, монета пойдёт на переплавку, и станет колечками, серёжками или браслетиком.

Димка вытащил из планшета золотой кругляш, и уже собирался убрать его в место понадёжнее, но заметил странность. От четырёх одинаковых закорючек на лицевой стороне остались только три, и теперь они различались.

В частных домах всегда можно найти место для тайника, таких у Димы было несколько. В гараже, за стеллажами, на чердаке, в подвале и даже на кухне. Подвальный был самым надёжным, во-первых, вход туда охранялся висячим замком, а во-вторых, не будет же потенциальный вор ощупывать все кирпичи в поисках фальшивой кладки. За таким кирпичом, рядом с тощей пачкой долларов и золотыми серёжками и колечком, оставшимися от бабушки, Димка спрятал планшет вместе с монетой, рассудив, что в деньгах он пока не очень нуждается, а золото, по утверждениям экспертов, только будет расти в цене. В кругляше было граммов двадцать, не меньше, по нынешним расценкам тысяч на сто.

— Огурцы, — он поставил банку на стол, за которым тётя Света уже что-то резала. — Сам солил.

— Заняться тебе нечем, — отреагировала та, — лучше бы женился. Девка-то есть на примете? А то смотри, у нас соседка молодуха, кровь с молоком, восемнадцать лет, а сиськи больше, чем у коровы. И таз широкий, дети легко выйдут. Хочешь, познакомлю?

— Нет, спасибо, — вежливо, но твёрдо отказался молодой человек.

— Уж не из этих ли ты? — Светлана Вадимовна отложила нож, пристально посмотрела на Димку. — Вроде не красишься, и волосы короткие. Ты смотри, Надежда Петровна мне завещала за тобой приглядывать. А может тебя на Вике женить? Да шучу я, кому такая нужна, с тараканами в голове. Ты давай, сбегай с Лёньке, он мне обещал лекарство достать, я

его рожу ментовскую видеть пока не хочу.

(5). Сторона 2. 16 апреля, четверг

(5). Сторона 2. 16 апреля, четверг.

Ну подумаешь укол, укололся — и пошёл.

По телевизору крутили какой-то старый мультяш, призывающий не бояться прививок. Здесь, в этой игре, с прививками было строго, я, например, колосся теперь каждое утро. Женщина, забравшаяся в мою квартиру и подбросившая палёный витамин, временной интервал обозначила чётко, двадцать два часа минимум, и я его придерживался. Первый укол сделал в понедельник, между двенадцатью и часом, второй во вторник в одиннадцать, третий, в среду — в девять. Вокруг было столько всего неинтересного, что день разрывать на две части не хотелось.

Игровой мир казался выжимкой из форумов «Как хорошо жилось в СССР». Жилось здесь и вправду неплохо, еда, судя по ценам в магазинах, была вполне доступной, люди вокруг ходили бодрые и здоровые, если не считать корешей-алкашей, даже пионеры попадались в красных галстуках.

Газеты, телевизор и подобие интернета, вот всё, из чего я смог что-то об этой игровой или настоящей реальности почерпнуть. Вместо википедии предлагали большую советскую энциклопедию, вся Восточная Европа считалась социалистической, а с Китаем воевали в начале девяностых. Не знаю, может и в моём, реальном мире, тоже воевали, но уж точно без ядерных бомб. Несколько городов за Уралом до сих пор оставались радиоактивными руинами, про это в энциклопедии писалось вскользь, зато про разрушенные китайские города — подробно. И тому, как китайцы разбомбили собственный Тайвань, целая страница была посвящена. Историю собственного мира я знал плохо, никогда особо этим не интересовался, но в нём точно не применяли ядерное оружие, ну может быть только один раз. Тут с этим было проще и намного серьёзнее, препараты йода в аптеке стояли в центре витрины, а на стендах висели правила гражданской обороны.

Первые три дня я просто бродил по городу, он почти не отличался от тех, что существуют в российской глубинке, разве что никаких торговых сетей не было, и киоски стояли однотипные и с одинаковыми надписями — «Табак», «Пресса» и «Пиво». Табак был исключительно отечественный, болгарский и кубинский, пресса — с одинаковыми передовицами и кроссвордами на последней странице, а пиво — двух сортов, светлое и тёмное, разливное.

Соболев был работающим пенсионером. Это я выяснил, обшарив квартиру и найдя пенсионную книжку Министерства обороны СССР, и внушительный ключ с надписью «Дворницкая». За выслугу лет и государственные награды майору Соболеву полагалась пенсия в шестьсот рублей, а надпись «Дворницкая» красовалась не только на ключе, но и на одной из дверей, ведущих в подвал рядом с первым подъездом. За ней, в большой комнате с узкими окошками под потолком, стоял продавленный диван, на крючках висели спецовки, а в ближнем углу были аккуратно развешены и расставлены лопаты и мётлы. В дальнем стоял агрегат, напоминающий мини-трактор, с треснутым стеклом и без насадок, судя по слою пыли, пользовались им в последний раз очень давно, а возможно, даже и никогда. Формально Соболев был на больничном, и своими прямыми обязанностями не занимался. Окурки и прочий мусор возле дома копились, хорошо хоть этажей всего было два, а вот в

соседней шестнадцатизэтажке на балконах курили все кому не лень, и бычки сбрасывали вниз, иногда прямо на прохожих.

Городок был маленький, километра четыре в поперечнике, даже с моей черепашьей скоростью я проходил улицу Победы, тянущуюся от центра к городскому кладбищу, за полчаса. Многоквартирные дома стояли в основном в центре, а на окраинах раскинулись частные домовладения, точь-в-точь как в моём Зареченске. Только вот заводы у нас давно закрылись, перепрофилировавшись в склады и базы, а здесь аж четыре штуки работали, рядом с проходными висели стенды с надписью «Требуется», и требовались там не дизайнеры и маркетологи, а наладчики ЧПУ и техники-конструкторы. Ну и дворники, конечно, как без нас. Был ещё один, пятый, чёрный куб, обнесённый забором с колючей проволокой, он находился примерно в четырёх километрах от центра, если идти по улице Столетия, переходящей в шоссе Тридцатого съезда КПСС, до него я дошёл просто из любопытства, и от нечего делать. На этом мои походы по городу закончились, оставалось только сесть на электричку и поехать куда глаза глядят, и это как раз входило в мои планы на следующую неделю.

В четверг, слегка ошалев от безделья, я решил всё-таки поднапрячься, выйти и почистить двор — мусор постепенно накапливался, и угрожал подобраться к окнам на первом этаже. Но сначала по расписанию был укол.

И новости. Их здесь показывали четыре раза в день, в шесть утра, в девять, три часа дня и в десять вечера. Большую часть девятичасового утреннего выпуска я пропускал, первый день ещё слушал про каких-то секретарей ЦК, новые заводы, стройки и посевную, которая на юге уже началась, про спорт с погодой и забастовки за границей, а потом этот бубнёж фоном шёл. Зато в середине выпуска рассказывали про космос, про обитаемую станцию на Луне и экспедицию на Марс, которая должна была начаться в конце года. Не просто какой-то зонд решили послать, а настоящую, на высокой орбите Земли вот уже несколько лет собирали огромную станцию, которую отбуксируют к красной планете, и потом с неё пять человек спустятся на поверхность вместе с временным жилым модулем.

В это утро передавали репортаж с Байконура, очередной челнок с группой инженеров, обслуживающих ядерные двигатели, отправлялся на орбитальную станцию, а другой только что совершил посадку. Восемь человек экипажа стояли в ряд, отдавая честь, а какой-то надутый индюк в папаше и с генеральскими погонами цеплял им на грудь, не всем — выборочно, блестящие штучки. Ходил этот генерал странно, чуть подпрыгивая, словно ему в задницу что-то вставили и забыли вытащить. Одного награжденца приблизили, и я узнал в награде свой значок. Точнее, значок Соболева, только у этого молодого парня с погонами старшего лейтенанта на ракете стоял номер 16297.

От волнения я чуть было стакан кефира не уронил, остановил изображение на экране, достал из шкафа золотую ракету с номером 512, сравнил. Да, один к одному. Нажал на кнопку просмотра, мужик в папаше к этому времени всех обошёл, камера взяла его крупно. У генерала на груди тоже висел значок, с номером 511.

Велесов Владлен Леонтьевич — так его звали, бегущая строка напоминала зрителям, кого они только что имели счастье лицезреть. Значит, Велесов мог Соболева знать, возможно, они даже друзьями были. Или нет, почему-то я, когда на этого покорителя космоса смотрел, чувствовал раздражение, и шло оно откуда-то из глубин не моей памяти.

Наш психотерапевт больничный, Медведчук, любил говорить, что эмоции человеческие иррациональны, потому что к объекту никакого отношения не имеют, а являются проекцией

взаимоотношений с другими объектами. И лечится это исключительно антидепрессантами. С ним никто не спорил — себе дороже, но здесь и сейчас происходило что-то странное, спрашивается, какое мне дело было до прежних знакомых Соболева, если он всего лишь мой персонаж с выдуманной историей. Велесов у меня даже не неприязнь вызывал, а чувство отвращения, словно я действительно его когда-то знал и не с лучшей стороны. Возможно, в детстве какой-нибудь урод с похожей внешностью отобрал у меня игрушку, или ногой пнул.

Новости с Луны плавно перетекли на чемпионат по хоккею, сборная Польши сыграла со сборной Монголии, и забила восемь безответных голов. Телевизор продолжал бубнить, а я загорелся новой идеей.

— Доброе утро, Николай Павлович, — библиотекарша, молодая полная девушка в очках и со скобками на зубах, забрала у меня абонемент и выдала номерок, — опять в машинный зал?

— Туда, Катюша, — я забрал жетон с выдавленным номером. — Посижу часок, культурный уровень повышу.

Персональные компьютеры в этом мире стоили дорого, и покупались только по специальным разрешениям, в основном научными сотрудниками и партийными работниками. Гораздо дешевле стоили игровые приставки, на которых можно было не только играть, но и заходить в общую сеть — ЭЛС, Электронные Линии Связи. У Соболева дома не было ни того, ни другого, зато в городской библиотеке стояли полноценные рабочие станции для всех желающих, готовых заплатить десять копеек за час.

Я постучал по клавиатуре, встроенной в столешницу, выделил трекболом нужный элемент, и вывел на экран. Велесов нашёлся сразу, он родился на четыре года раньше Соболева, в 1979-м, а в космос полетел в следующем веке, в две тысячи шестом. Первая лунная экспедиция, четыре космонавта. Велесов был командиром, Валентина Лагина — бортинженером, Валерия Шацкая — учёным-исследователем. Значки 511, 513 и 514. Всем им раздали ордена Ленина, каждому была посвящена отдельная статья. Соболеву Н.П., который в этой экспедиции был пилотом и упоминался только один раз, статьи не полагалось. Даже на фотографии, на которой покорители космоса стояли вместе, их было только трое, а Соболева аккуратно подвинули за край, оставив от него кусок руки.

Соболев Николай Павлович — первое, что я вбил в поисковом запросе в понедельник, посчитав, что ордена Ленина просто так не выдают. Но то ли подвиг майора запаса был не такой значительный, то ли по другой причине, поисковая система и в тот раз ничего не выдала, и в этот. Называется — служили два товарища, один стал генералом и героем, а второй — алкашом и дворником. Звезду Героя, кстати, Велесову выдали недавно, два года назад, за «героизм и мужество, проявленные в сложных боевых условиях».

В кармане зазвонил телефон — как оказалось, трубку, прицепленную к телевизору, можно было отстегнуть и носить с собой. На экранчике высветился незнакомый номер и надпись — «Поликлиника».

— Николай Павлович, — произнёс женский голос, — доктор Брумель ожидает вас сегодня в пять часов вечера, кабинет сто шестнадцать.

И трубку повесили.

До вечера времени было хоть одним местом ешь, а до обещанной в субботу синхронизации — ещё больше. Тело Соболева мне с каждым днём всё меньше нравилось, точнее говоря, не понравилось оно сразу, а дальше уже всё новые и новые недостатки

выползали. Я хоть полноценным врачом не был, но понимал, что жить этой, как написали мои таинственные друзья, оболочке, оставалось недолго, и витаминами здесь не обойтись. У Соболева болело всё, и печень, и почки, и поджелудочная. Желудок — тот от любой еды пытался желчью изойти. Сердце сбивалось в аритмию, голова кружилась, стоило наклониться — подступала тошнота, в общем, дохлый тип попался. От ежедневных уколов если и было улучшение, то временное, к утру всё возвращалось.

И что странно, тип этот за собой следил, грязной одежды, кроме как той, что была на мне в понедельник, я не нашёл, вещи лежали в шкафу чистые и относительно новые, в углу комнаты стояла двухпудовая гиря, а тело, если на рожу не смотреть, было подтянутым и мускулистым. В своей жизни я синяков видел достаточно, из машины скорой помощи они сразу перевозились в реанимацию. Дряблые тела, выпирающие вены, отёки и артритные пальцы, всего этого у Соболева не было. Словно на молодой относительно пресс насадили голову шестидесятилетнего старика.

Мышцы после уколов требовали физической нагрузки, по пути домой я сделал небольшой крюк до Вокзальной улицы и зашёл в спортивный магазин, полюбовался на штангу, походил вокруг новенького мотоцикла Ява за две тысячи, и возле стенда с охотничьими ружьями уткнулся в стоящие в ряд велосипеды. Ничего похожего на права я у Соболева не нашёл, и мотоцикл мне не светил, а ограничивать себя пешими прогулками не хотелось. Из десятка велосипедов горный был только один, остальные — складные или дорожные.

— Можете оформить рассрочку, — отозвался продавец на мою просьбу придержать байк некоторое время. — Шесть месяцев, по семьдесят рублей. Велосипед отличный, титановая рама и вилка тоже титановая, семь скоростей, трансмиссия немецкая, дисковые тормоза Чехословакия, шины тоже немецкие, бескамерные. В комплекте противоугонный замок идёт, вещь дорогая, сами понимаете.

И спросом не пользуется, это я тоже понял.

— Давно стоит?

— Да уже год почти. Для рассрочки только паспорт нужен.

Посмотрел на ценник — шестьсот рублей, это даже больше, чем у Соболева было в заначке, зато велосипед был красив и главное, функционален. Титан, говорят, чтобы сломать, очень сильно постараться надо.

— Беру, — решил я.

Оформление много времени не заняло, продавец взял мой паспорт, развернул его, приложил голограмму к экрану планшета, соединённого с кассой толстым проводом, попросил прижать большой палец к квадратику в нижнем углу, и выдал мне шесть квиточков по сто рублей.

— Первая оплата через месяц, — сказал он, — можно здесь или в любой сберкассе, только вы уж постарайтесь в срок, а то потом пени пойдут.

— Большие?

— Пять процентов годовых первые три месяца, а потом исполнительный лист, — мой помятый вид не внушал продавцу особой уверенности, но продать лежалый товар, видимо, очень хотелось.

Велосипед показал себя отлично, неровности дороги глотал, словно пылинки, я завёз его в квартиру, и уже через полчаса елозил метлой по асфальту. Особенно много мусора

было около урн, смятые фантики, стаканчики от мороженого и окурки лежали кучками рядом с железными вёдрами, словно бросить всё это в контейнер какая-то местная религия не позволяла. Тело Соболева на физический труд отзывалось с затаённой радостью, задумавшись, я пропустил момент, когда к звуку метлы прибавился ещё один, скрежет металла по асфальту. Обернулся — мой сосед решил трудом искупить свою вину.

Не переговариваясь, вдвоём мы убрали весь мусор буквально за полтора часа. Высыпали последний мешок в бак, я оглядел оттаявший газон — кучки экскрементов гордо возвышались над прорастающей травой.

— Эту срань пусть сами убирают, — сказал вслух.

Сосед, видимо, понял это как предложение поговорить.

— Ты эта, Палыч, извини, что так вышло, — виновато произнёс он, — Любка, она чумовая, как что в голову втемяшится, не выбить. Сам не знаю, что на меня нашло, у ней же кума в больнице работает, вот прибежала в воскресенье, кричала, что помер ты с перепоя. Ну и она ночь думала, а потом вон как. Ты уж не серчай больно, а?

— Проехали.

— Её ведь тоже можно понять, — если человек решил извиниться, его не остановить, — ты как сюда приехал, словно с цепи сорвался, пьянки там, гулянки нескончаемые, дети со школы идут, а ты пузыри на площадке пускаешь. Потом вроде утих, мы было успокоились, и вот опять.

— Ты с больной головы на другую больную не перекладывай, — я строго посмотрел на соседа. — Борис, у меня в ящике стола лежали три упаковки лекарства, оно по спецзаказу сделано в военной лаборатории, вещь секретная, сам понимаешь. Если это жена твоя забрала, пусть вернёт, ей никакой пользы, а мне от болезни надо, от пеллагры. Всё из-за радиации.

— Космической? — подсказал Борька. — Палыч, зуб даю, узнаю, как с работы придёт, уж будь уверен, вломлю ей по первое число. Ну я пойду?

— Иди, — разрешил я. — Хотя, постой. У тебя есть на чём писать? Бумага там, фломастеры?

Через два часа у подъездов висели объявления.

«Товарищи собачники, постановлением собрания дома, протокол 119, приказываю убрать собачье дерьмо до воскресенья, 19 апреля. Всё, что останется, будет перемещено под ваши двери, а собак пустим на шапки. Штраф и экспертиза — 25 рублей.»

Коряво, но я подумал, что сработать должно, на шапки питомцев, может, и отдадут, а вот с двадцатью пятью рублями — здесь это была сиреневая бумажка, расстаться не каждый сможет.

Поликлиника, как и всё в этом городке, находилась неподалёку. Двухэтажное здание за полосатым забором встретило меня очередью в регистратуру. Я прошёл мимо окошка, в котором пожилая женщина очень неторопливо что-то заполняла, опираясь на стопку толстых медицинских карт, и поднялся на второй этаж. Нумерация кабинетов заканчивалась на сорок девятом, дальше, в самом конце коридора, находилась лаборатория.

— Простите, — я остановил мужчину в белом халате, — мне нужен сто шестнадцатый.

— Спецконтингент? — врач недоверчиво меня оглядел, — здание это обойдите кругом, следующий корпус.

Не знаю, что он так на меня пялился, оделся я во всё чистое, и ботинки начистил, выглядел гораздо лучше, чем несколько дней назад. Да что там, даже румянец на щеках появился и отеки возле глаз уменьшились.

На корпусе, стоящем во дворе, висела скромная табличка — «Филиал № 4». Рядом, на парковке, стояло пять чёрных автомобилей, столько же мужчин в пиджаках курили, что-то бурно обсуждая. До меня доносились отдельные слова, точнее, фамилии, которые мне ничего не говорили. Я пристегнул велосипед к перилам, перевёл рычажок на замке в положение «охрана», диод замерцал синим. Замок блокировался цифровым кодом, целых десять колёсиков с цифрами, в моём случае — номер мобильного, пусть угадывают.

Внутри филиала 4 было прохладно и немногочленно, вместо окошка регистратуры — низкий барьер, за которым стояли две молоденькие медсестры, беленькая и чёрненькая.

— К доктору Брумелю, — сказал я, поздоровавшись.

Видимо, что-то не то сказал, потому что девушки засмеялись.

— Паспорт, пожалуйста, — попросила брюнетка, забрала у меня красную книжку и потыкала пальцем в экран. — Соболев Николай Павлович. Вы ведь на пять записаны?

— Сейчас никак? — по своему опыту я знал, что у врачей всегда есть свободное время.

— Сейчас узнаем, — сказала блондинка, и прыснула снова. — Оксана Леонидовна, к вам Соболев.

Откуда-то сбоку появилась женщина лет тридцати пяти, с большими чёрными глазами, пухлой нижней губой, длинным носом и родинкой повыше брови. При виде меня она вздохнула.

— Здравствуйте, Соболев, к чему такая спешка? Я вас только через два часа ждала.

Врач эта мне не понравилась. На Соболева она смотрела, отводя глаза, и явно мне, то есть ему, была не рада. Но деваться почему-то доктору Брумелю было некуда. Она подхватила толстый планшет, и зацокала каблуками по коридору, не оборачиваясь. И только когда дошла до второй по счёту двери и взялась за ручку, посмотрела в мою сторону.

— Пора, — я подмигнул девушкам, и не торопясь зашёл в кабинет.

— Раздевайтесь, — врач кивнула на ширму.

— Мне закрыть больничный.

— Соболев, я должна вас осмотреть, — Брумель говорила, опершись локтями на стол и спрятав лицо в ладонях, — рубашку снимайте, штаны оставьте.

Пришлось пройти за ширму, стянуть рубаху и майку. Здесь зеркало было побольше, чем дома, и позволяло осмотреть себя целиком, в который раз удивился, как этому алкашу Соболеву удалось такое тело сохранить, даже кубики на прессе не расплылись. Согнул руку в локте, напряг бицепс, от такого и в реальной жизни я бы не отказался. На теле белели два шрама от пулевых ранений, их я повидать успел достаточно, в больницу кого только не привозили, в том числе бывших вояк. Одна, старая отметина, на животе, слева от пупка, вторая, посвежее, возле правой ключицы.

Доктор Брумель поднялась со стула, подошла ко мне, снимая стетоскоп с шеи. Провела пальцем по груди, задев шрам.

— Что с тобой на этот раз случилось, Коля? — спросила она. — Ты же мне обещал.

(6). Сторона 1. 17 апреля, пятница

(6). Сторона 1. 17 апреля, пятница.

— Раз обещал помочь, помогу. Но результат не гарантирую.

Отчим Димы, Леонид Петрович, был явно не в духе. Почему-то его родственница считала, что он, майор, заместитель начальника полиции города, может повлиять на приёмную комиссию, чтобы те зачислили его племянницу вне конкурса. Для Вики ситуация вырисовывалась почти безнадежная, на пять целевых мест лечебного факультета претендовали десять человек, и это сейчас, весной. У всех были направления от больниц, причём у двух — от городской, и Вика с её рисующимися тройками в аттестате и плачевной подготовкой к профильному экзамену, похоже, пролетала.

— Вот и помоги, — Светлана Вадимовна строго посмотрела на двоюродного брата. — Хоть какая-то польза от тебя будет. Девочка врачом хочет стать, а не пилюлями торговать. У неё, может, призвание.

Будущий врач уткнулась в смартфон, и на разговор внимания не обращала, на предложение стать фармацевтом — там на те же пять целевых мест только троих набрали, она фыркнула и заявила, что не царское дело валидол старушкам продавать. И вообще, среди её подписчиков врачи котируются, а аптекари нет, потому что врачом быть модно и престижно.

По мнению Димки, это был железобетонный аргумент, после такого его отчим должен был встать, и перестрелять гостей из табельного оружия — меньшего они не заслуживали. Но мысли свои озвучивать не стал, взял ещё один пирожок с капустой, от него толку было больше, чем от всей этой болтовни. Димкина мать тоже помалкивала, она свояченицу свою не любила.

— Нефёдову можно позвонить, — задумчиво сказала тётя Света. — У него выход на директора филиала наверняка имеется.

— Так помер он, — радостно сообщил майор, проигнорировав предупреждающий взгляд жены. — Уже два дня как похоронили.

— Ну и дела, — Светлана Вадимовна тяжело вздохнула, — а вы-то на похоронах были? Этот-то не приезжал?

— Нет, — решительно сказала мать. — Повесился, и всё, чужой человек, посторонний. Мы его знать не знаем, до него и до похорон нам дела нет.

— Конечно, — согласилась тётя Света, только как-то неубедительно. — Так и есть, посторонний. А давайте-ка наливочки выпьем, а то вон, вино закончилось. Лёнька, где у тебя настойка-то? Ты ж любитель за воротник заложить.

У Димки зазвонил телефон, он взглянул на экран, поднялся.

— Спасибо, мама, и тебе, дядя Лёня, за еду, — сказал он. — Дела, опять Натаньч звонит.

— Хорошо, ты иди, Димочка, а мы тут ещё посидим, — мать подскочила, чуть ли не насильно вывела сына на лестничную площадку, захлопнула дверь. — Светка, ты дура, что ли? Этот не приезжал, язык без костей.

— Да я чего, я от неожиданности, — Светлана Вадимовна попыталась оправдаться. — Наконец-то старый козёл сдох, чтоб ему на том свете на костре вертеться. Хотя с

институтом он мог бы помочь.

Вика оторвалась от телефона.

— А что не так с этим Нефёдовым? — спросила она.

— Не твоё дело, — шикнула на неё тётя Света. — Сиди вон в трубку свою пялься. Давай, Лёнька, разлей-ка по стопочке, помянем раба божьего Сергея. Ох они там встретятся, чую, весь ад взбаламутится.

Дмитрий завёл скутер, и не спеша поехал в сторону больницы. Уж больно мать суетилась с этим Нефёдовым, думала наверное, что он не знает ничего. А Димка знал, бабушка всё рассказала незадолго до смерти — и то, как отец его у Нефёдова водителем работал, и то, как пропал, когда сам Дмитрий ещё на свет не появился. Нефёдов тогда откупился от них, денег дал и машину купил. Бабка считала, что не просто так Сергей пропал, а потому что размолвка у него вышла с младшим сыном Нефёдова из-за Димкиной матери. Только после того случая Нефёдовский отпрыск в Америку свинтил, и больше здесь не показывался, а мать через два года вышла замуж за лейтенанта, который дело вёл, то есть за Леонида Петровича. Но это всё было делом прошлым, своего отца молодой человек только по фотографии знал, а Нефёдова не знал вообще, то есть видел несколько раз издали и один раз вот недавно, совсем близко, но уже холодного и необщительного.

В патологоанатомическом отделении всегда было тихо. Герман сам разговаривал в полголоса, и от подчинённых того же требовал, и хотя здесь Димка бывал только по служебной необходимости, ну и когда подменял кого-нибудь, правилам общим подчинялся.

— В чём дело? — тихо спросил он у Петра Васильевича, врача-патологоанатома и по совместительству судмедэксперта.

Тот сидел, мрачно глядя на пустой стакан.

— Да лютует зятёк, чтоб его, — Пётр Васильевич Чуров приходился Самойлову тестем, но семейный авторитет свой отстоять не смог, — как чуял, что не надо лезть.

По словам врача, он пришёл в морг в воскресенье поздно вечером, и решил поработать — в пятницу привезли мужчину с ножевым ранением, он умер прямо в машине скорой, и следовательно очень ждал заключение. Но почему-то сначала Чурову попался на глаза именно Нефёдов, которого родня забирала в понедельник. Покойника уже подготовили — обмыли, наформалинили и костюм приготовили. Во враче проснулся эксперт, который решил, что картина смерти неполная, он заново описал труп, разрезал его, взял несколько образцов на анализ, а тело потом аккуратно зашил — и всё это ночью, в полном одиночестве. Внешних признаков насильственной смерти эксперт не обнаружил, зато кое-что раскопал внутри, и в понедельник утром образцы вместе с заключением ушли в областную лабораторию на токсикологию. Там-то и выяснилось, что помимо формалина, в тканях мертвеца есть ещё кое-чего.

— Алкоголь — зло, — врач сплюнул, достал из ящика стола реторту и плеснул спирта в стакан. — Короче, теперь эксгумацию делать будут. Видишь какие дела, Муля, мастерство оно или есть, или нет, его не пропьёшь.

— Погоди, — Димка помотал головой, — как так получилось, что Натаныч знает, а отчим мой — нет?

— Так официальные-то документы только к вечеру будут, вот тогда и позвонят. Так что готовься, паря, следовательно тебя обязательно вызовет.

— Чёрт, — выругался фельдшер, — твою мать.

— Её самую. Виталья-то, небось, в машине сидел?

— Ага.

— Хитрый, гадёныш. Ты бы тоже поумнел, один к телу не ходи, чем больше свидетелей, тем тебе спокойнее, сколько раз уже говорили. Герман, а ну иди сюда!

— Орать будешь — уволю, — высунулся из прозекторской Самойлов. — Увижу, что бухаешь на работе, вылетишь в два счёта, не посмотрю, что ты заслуженный. На пенсию пойдёшь, давно пора.

— Никакого авторитета, — Василич допил спирт, убрал реторту обратно в стол. — Видишь, неприятности у него. Нефёдова-то сжечь были должны, а в крематории хрень какая-то случилась, на день отложили, вот дочка и завелась евойная, мол, копайте и всё, нечего покойнику дольше времени лежать. Его и похоронили в гробе, значит, а теперича выроют. Свежий ещё. А куда его везти, как не сюда. Тебя чего вызвали-то, смена твоя в воскресенье с утра на сутки, в терапии?

— Ну да.

— Сдвинули. Короче, сюда приходишь в субботу вечером, подменишь Федю, он опять заболел до невменяемости, с полуночи у тебя травма, а потом с утра уже терапия, как положено, но до вечера. Митрошенков тебе два дежурства закроет. Так что если деваху свою куда в субботу пригласил, отбой. А теперь поехали в Девятое мая, там старуха окочурилась, Виталика нет, а я за руль не могу, — врач кивнул на стакан, — как выпью, ни-ни. Строго, ёпт. Натаныч, сколько нам полагается за старушку?

— По полтора косаря, — Герман вышел, вытирая руки полотенцем. — Участковый уже там, вас ждёт. За руль кто-то сесть должен, ну а этот деятель с тобой за компанию, чтобы глаза мне здесь не мозолил. Осмотрите, заказ получите, заберёте. И, Василич, чтобы никаких там поминок и прочей ерунды, одна нога здесь, другая тоже здесь, работы невпроворот, срезы Лямфельда будут готовы вот-вот, взглянуть надо. А то я в сомнениях.

— Слушаюсь, мой фюрер, — Чуров тяжело поднялся, — давай, холоп, готовь карету, а то барин гневается.

Когда сажались в машину, Дима вспомнил, где слышал эту фамилию. У юриста, который завещание притащил, так фирма называлась.

— Василич, а Лямфельд — это кто? — спросил он.

— Да алкаш пропойный, лежит в хирургии, а что?

— Вроде слышал о нём, да не помню, где.

— Адвокатом раньше работал у бандитов, ну у братвы местной, Нефёдова того же от тюрьмы отмазывал раза три или четыре. А теперь вон, спился Семён Львович, скоро к богу своему еврейскому попадёт ответ держать, а там много всего накопилось. Ты сирену-то включи, а то едем как крадёмся.

Герман Самойлов отложил предметные стёклышки, закрыл окуляр микроскопа. Теперь все больше на компьютере обрабатывали, с цифровыми камерами, а он любил по старинке посмотреть, через хорошую немецкую оптику. Поднялся, и пошёл в хирургию. Пациенты в городской больнице лежали разные, кто-то мог позволить себе только тапочки из дома, а кто-то — отдельную палату и сиделку. Лямфельд даже тапочки не привёз, ходил в рваных носках и чужих шлёпанцах, но от этого он не переставал быть пациентом, и Самойлов относился к нему точно так же, как и к остальным.

— Чуров ещё взглянет, но похоже, нет там ничего серьёзного, — сказал он завхирургии. — А вот с печенью беда, долго не протянет.

— Сама знаю. Смотри, — она кивнула на монитор, — какой-то паренёк к нему пришёл, не от твоей жены?

— Нет, Зинка такими не занимается, город по любому заплатит. Смотри, нервничает Лямфельд, чего это с ним?

Завотделением включила звук, выбрала прикроватный микрофон.

— Я заплачу, — Лямфельд говорил тихо, но очень взволнованно, — я всё отдам, заработаю и отдам. Мне не сказали, что страховку нельзя платить при минусе, а если не предупредили, то это не моя вина. Я буду жаловаться.

— Обратитесь в суд, — паренёк встал, убирая планшет в портфель. — Вы же юрист, знаете, как это делать. Или в полицию заявление напишите. А если серьёзно, то напоминаю, ваш долг — сто сорок восемь тысяч триста пять, не закроете сами, спишем с поручителей. Прощайте, Семён Львович, девятьсот пятьдесят единиц спишутся за вызов, точнее, отразятся на балансе.

Лямфельд дёрнулся, словно пытаясь схватить парнишку за горло, но тот отошёл на шаг, равнодушно улыбаясь. А потом повернулся и вышел из палаты. Бывший адвокат закатил глаза, в уголке рта показалась пена, тело сотрясалось от судорог. Завхирургии вдавила кнопку вызова.

— Реанимацию в третью палату, срочно, — спокойно сказала она. — Мария Петровна, выясните, кто впустил в палату страхового агента, я эту сволочь своими руками задушу.

(7). Сторона 2. 18 апреля, суббота

(7). Сторона 2. 18 апреля, суббота.

Я махал метлой, сметая человеческие отходы в лавсановый мешок — одноразовых местным дворникам не полагалось. За семь дней игра успела поднадоесть, а главное, раздражала невозможностью отсюда выйти. Что я только не делал, и искал дверь с подсказкой, и пытался разные предметы не по назначению использовать, окружающая реальность с каждым разом подтверждала, что она или действительно реальная, или как симуляция сделана на фантастическом уровне.

Зато эротическая составляющая оказалась на высоте. Доктор Брумель была женщиной страстной и решительной, осмотр закончился на кушетке, и к следующему пациенту, который пришёл без четверти четыре, мы только-только закончили. Тут тело Соболева не подвело, несмотря на пожилой возраст и общее состояние, на время я даже забыл, что я — это не я, и полностью отдался процессу. Времени едва хватило, чтобы Оксана закрыла больничные.

— Ты бы в милицию обратился, — сказала она, — на боку синяк, словно тебе кто-то по селезёнке ударил. Я написала в заключении, но странно, что в больнице этого не заметили. Не помнишь, что произошло?

— Нет, как отшибло, — честно ответил я. — Да и ладно, вроде на поправку иду.

— Это мы ещё узнаем, держи, — из узкой щели в столе появился кусок бумажной ленты, — анализы в сто втором кабинете, прямо сейчас туда сходи. Заодно просветят.

— Да здоров я. Вроде и проверили, всё функционирует нормально.

— Николай Павлович, — строго сказала доктор, — здесь я врач, и я решаю, здоровы вы или нет. Будете спорить, положу в стационар. Коля, пожалуйста, сделай это ради меня.

В сто втором кабинете меня положили в настоящий аппарат МРТ, кольцо прошло от макушки до пяток за десять минут, потом облепили электродами с присосками, распечатали кардиограмму, взяли кровь из вены и заставили наполнить баночку. Пожилой врач только вздыхала, и выдала под конец про излишества, которые мне противопоказаны. И что анализы будут готовы в понедельник.

Именно в тот день я задумался, а как вообще Соболев попал в больницу. Понятно, что он был алкоголиком, то завязывался, то развязывался, но почему он сорвался именно в этот раз, не мешало бы выяснить.

— Скажите, а как получить выписку из больницы? — спросил я у чёрно-белой парочки за стойкой.

И сразу после поликлиники отправился в библиотеку за учебниками, только ничего из этого не вышло. Учебник по токсикологии мне не дали, ни в печатном виде, ни в электронном, потому что дворнику, а отметка с места работы стояла в абонементе, это не нужно. Пришлось листать медицинскую энциклопедию, издание 2004 года, в надежде найти хоть что-то похожее. Вот когда я пожалел, что не пошёл учиться дальше.

Соболева привезла в больницу скорая, уже тогда у моего тела была температура, его рвало, сознание было спутанным. Тахикардия, то есть очень частый пульс, высокое давление, расширенные зрачки, сухость слизистых, отсутствие реакции на свет и выраженный запах алкоголя изо рта — с такими симптомами ему промыли желудок и

положили в реанимацию, где майор впал в кому, а потом умер. Вскрыть Соболева не успели, он, то есть уже я, ожил и начал качать права. Зато после этого я резко пошёл на поправку, и меня выписали с алкогольным отравлением — в крови этой гадости было хоть заново пей.

Только от этанола люди не слепнут, точнее говоря, могу и ослепнуть, но для этого надо выпить очень много, а потом держать спирт в себе. Но наш народ изобретателен, когда дело касается самовредительства, привозили к нам в реанимацию разных умников, которые в водку чего только не добавляли. Атропин, к примеру, или какой-нибудь тропикамид. Такая гремучая смесь вполне могла дать что-то подобное, и здесь возникал вопрос, где и с кем Соболев решил набадьяжить смеси для галюнов, алкаши, они ведь люди в основном компанейские, если и пьют в одиночестве, то дома, а не на улицах в холод. Жаль, с Василичем тут не посоветуешься, наш врач-медэксперт был дока по отравлениям, он бы подсказал. Но Чуров пропал вместе с настоящей реальностью, и мысленно я с ним на всякий случай попрощался.

В пятницу ночью мне резко поплохело, такое впечатление, что организм взбунтовался, и решил взять реванш за все несколько дней относительно неплохого самочувствия. Я еле выдержал до первого укола, но и после него стало легче всего на несколько часов, большую часть дня я провёл на кровати в полубреду, периодически срываясь в туалет, и под вечер не выдержал, вколол вторую ампулу. Игра — она должна удовольствие доставлять, а не страдания, так что я особо не переживал. Даже подумал, что смерть и есть этот выход, который я искал.

Этого укола хватило тоже ненадолго, в рвоте и моче появилась кровь, я едва дотерпел до утра, в девять ноль-ноль снова загнал иглу в вену, на этот раз с двумя кубиками.

И как отпустило, словно из тела всё плохое вытащили, в живой воде промыли и обратно засунули. Я даже физически это не только ощутил, оно и увидел, из глаз пропала желтизна, кожа порозовела, шрамы стали незаметнее. Появился аппетит, благо в холодильнике нашлись яйца, молоко и колбаса. Глазунья с пятью ярко-жёлтыми желтками, три бутерброда в два пальца толщиной, полная пивная кружка, только пива в ней не было. Считай, первый раз за неделю поел с удовольствием, и тяжести в желудке не обнаружил. Ещё вчера после такого количества жиров и углеводов поджелудочная мне бы устроила концерт на пару с печенью, а тут — ничего, никаких неприятных ощущений.

Так что физический труд на свежем воздухе только в радость пошёл, даже огромная собачья какашка на газоне не испортила настроения.

— Палыч, это Анохина из четырнадцатой, её псина, — мстительно стукнула на соседку бабка со второго этажа, свесившись чуть ли не по пояс. — Сказала, что чихала она на штрафы.

— Анохина, значит, — я достал из кармана бумажный пакет, аккуратно совком забросил туда вонючую колбасину, добавил для веса обломок кирпича. — Это та, которая с доберманом по утрам гуляет? Да, видел, не убирает за собой. Четырнадцатая квартира, говоришь?

— Она, она, — закивала бабка. И пальцем ткнула в соседнее окно.

Ну раз четырнадцатая, значит, четырнадцатая. Бросил камушек в стекло. Через несколько секунд створка распахнулась, и в окно выглянула Анохина, ухоженная женщина средних лет, продавщица из местного магазина.

— Я тебе покидаю, — предупредила она. — Хулиган. На пятнадцать суток сядешь.

Вместо ответа размахнулся, швырнул пакетик точно в неё, женщина инстинктивно

отклонилась, и посылка влетела в комнату. Окно тут же затворилось, но не до конца, слышны были крики, ругательства и обещание пожаловаться в местком — значит, Анохина до сюрприза добралась.

— В следующий раз собаку отравлю, — громко пообещал я, — шкуру получишь в отделении милиции. Квитанцию штрафную по почте пришлю.

Завёз тачку в дворницкую, полюбовался на странный агрегат в углу и в который раз пообещал, что как-нибудь с ним разберусь, вдруг это какой-нибудь важный игровой предмет. У выхода столкнулся с участковым, позади него маячили двое незнакомых людей, подумал было, что Анохина уж больно быстро всё организовала, и когда только успела.

— Лейтенант Гаспарян, — милиционер приложил руку к фуражке, придерживая портфель другой рукой. — Соболев Николай Павлович?

— Он самый, — отпираться было глупо, лейтенант отлично меня знал, а раз спросил, значит, порядок такой.

— Пройдёмте в квартиру.

Стоило мне открыть дверь, участковый меня придержал, достал из портфеля лист бумаги.

— Ознакомьтесь, гражданин Соболев, — сказал он. — Постановление о проведении обыска. Вот понятые, товарищи Зайкин и Усенко. Сами отдадите, или будем искать?

— Что искать-то? — не понял я.

Гаспарян вздохнул, и вытащил из портфеля вскрытую упаковку цианокобаламина с зачёркнутым названием, показал почему-то не мне, а понятым.

— Вот фамилия на обратной стороне — Соболев. Ваша фамилия, гражданин?

— Моя, — я подвёл лейтенанта к столу, показал на ящик, — всё здесь. Это витамины, гражданин начальник, Бэ-12, от пелагры и поражения печени.

Участковый спорить не стал, одну пачку, запечатанную, положил в пакет, другую раскрыл, пересчитал ампулы, продемонстрировал Зайкину и Усенко, эти двое закивали, оставили на планшете отпечатки.

— Пройдёмте в отделение, гражданин, — предложил лейтенант, — там продолжим.

Отделение находилось в соседнем с библиотекой здании, так что идти долго не пришлось. Понятые отсыпались по дороге, а мы с лейтенантом зашли в небольшую комнату, где на столе лежали картонные папки, набитые листами бумаги. Такие же папки аккуратными стопками лежали в шкафу, на шкафу, на подоконнике и в углу комнаты.

На предложение пройти в ближайшую аптеку лейтенант мне зачитал протокол допроса двух пионеров, которые во вторник с галлюцинациями попали сначала в больницу, а потом — в психоневрологический диспансер. Анализы никаких результатов не дали, и только сегодня эти двое пришли в себя и рассказали, что зашли в гости к своему однокласснику, похитили упаковку неизвестного лекарства, и в тот же день его попробовали.

— По одной ампуле на каждого, — строго сказал участковый. — Что в них, гражданин? Какой-то наркотик?

Вот даже если бы я знал, не сознался. Повторил Гаспаряну ту же версию, что и соседу, про секретную лабораторию, которая делает для бывших космонавтов специальные составы от последствий космических болезней.

— Как оно действует на детей, не знаю, возможно, что и галлюцинации, и бред вызывает, но вы поймите, товарищ лейтенант, это лекарство узкой направленности, оно для других может и вредное, там ведь не просто так именно моя фамилия написана. Я когда из

больницы пришёл, в моей квартире соседи рылись, они, наверное, и взяли.

— Что-нибудь ещё взяли? — деловито спросил участковый, заполняя протокол.

— Вроде нет. Может, продукты из холодильника, но я не обеднею, новые купил.

— Хорошо, тогда про кражу писать не буду, — лейтенант провёл пальцем по экрану. —

Что касается этих ампул, то мы их отправили на экспертизу, результаты будут только завтра утром. Так что придётся вам, товарищ Соболев, ночь провести в отделении. Раз состав секретный, я сообщу куда следует, чтобы отнеслись со всей серьёзностью. С контингентом мы вас сажать не будем, есть у меня запасной вариант, в восемь ноль-ноль жду вас здесь с вещами. Но если ты мне, Николай Павлович, соврал, учти, по всей строгости.

И он постучал кулаком по столу.

В реальной жизни я бы к восьми ноль-ноль был уже за сотни километров от этого города, и вполне возможно, что в другой стране. В полицию, она же милиция, попадать не рекомендуется, это мне мой отчим много раз говорил, а он в специфике своей организации шарит. Ну а здесь посмотрел телевизор, покатался на велосипеде, пообедал и поужинал, в общем, неплохо провёл день. Пятничные страдания не повторились, хотя лёгкий мандраж присутствовал — ампулы-то теперь мусора подобрали, но на удивление всё прошло гладко, словно раз, и выздоровел. Подумал было, что неплохо бы зайти к доктору Брумель, повторить осмотр, только в субботу поликлиника была закрыта, а телефона пассива Соболева я не знал. И записной книжки его так и не нашёл.

Появился в милиции без пяти восемь, выбритый, свежий и с пакетом чистой одежды. Участковый, увидев меня, крикнул одобрительно.

— Ты, Палыч, как на парад собрался, а не в кутузку. Телефон с собой взял? Молодец, если что, звони, мой номер на тумбочке.

Тумбочка в камере стояла рядом с панцирной кроватью, из удобств были раковина и персональный унитаз, и вообще, если бы не зелёная масляная краска, покрывающая стены, тут было бы уютно. Замок закрылся, я улёгся на податливый матрас, заложил руки за голову и закрыл глаза. В сон провалился мгновенно, и выбросило меня из него тоже мгновенно, ровно в три часа ночи с субботы на воскресенье.

(8). Сторона 1. 19 апреля, воскресенье

(8). Сторона 1. 19 апреля, воскресенье.

— Куприн, что с тобой? Эй, отзовись! Маша, зови Прохорова, быстро! И Медведчуку позвони, кажись, парень мозгами поехал!

Димку били по щекам, совали под нос нашатырь, потом, не добившись внятного ответа, вкололи карбамазепин, и уложили под капельницу. Молодой человек и рад бы был ответить, но не мог, голова разрывалась от боли, руки и ноги не слушались, мышцы хаотично сокращались, челюсти свело, а глаза словно провалились внутрь, он вообще их не чувствовал. Он не понимал, кто на самом деле — то ли Куприн Дмитрий Сергеевич, две тысячи второго года рождения, то ли Николай Павлович Соболев, почти в два раза старше. С Соболевым было легче, воспоминания недельной давности ложились на недельную же память самого Дмитрия, и тем не менее, он потерялся. Мозг не мог переварить раздвоение личности, фельдшер или отставной майор, молодой человек или пенсионер, Оксана или одиночество.

Хотя чего там, через поток чужих для Димки воспоминаний прорывались и свои собственные, ещё в субботу вечером, несколько часов назад, он со школьными друзьями жарил шашлыки, разливное пиво в пятилитровом баллоне быстро улетучивалось, на запах жареного мяса подтянулись соседи с бутылкой вина из черноплодки, вышла со стаканом Светлана Вадимовна, а потом и Вика подтянулась вместе со своим смартфоном, они отлично провели время. Друзья у Димки были большей частью люди семейные, кое-кто даже с детьми. Мишка Сосницкий, чтобы, по его словам, хозяин не скучал в одиночестве, кроме жены и двухлетнего спингрыза приволок на буксире симпатичную кареглазую девушку по имени Алиса — она с Сосницкой занималась в одном тренажёрном зале. Стоило вспомнить её, и судороги пошли по пятому или шестому кругу, одна женщина наложилась на другую, голова пухла от метаний между двумя личностями.

Он очнулся только в начале девятого, рядом сидела медсестра из терапии и примеривалась, как половчее подсунуть утку.

— Не дамся, — предупредил молодой человек.

— Смотри-ка, ожил, — медсестра обернулась, — Семён Семёныч, Куприн вроде в себя пришёл. Даже разговаривает нормально, и не кусается больше.

— Да, юноша, задали вы нам задачу, — дежурный реаниматолог согнал медсестру со стула, уселся сам, — миоглобин в сорок раз подскочил, давление чуть ли не до нуля, думали всё, инфаркт, а сейчас анализы переделали, эхо сняли, чисто. Даже то, что раньше так себе было, в норму пришло. Надо тебя подержать денёк, может, диссертацию наконец допишу.

— Не, не могу я, Филина подменить надо.

— Федьку-то? Не беспокойся, его Василич за шкуру к шести притащил, прокапал, сейчас как огурчик. Точнее, как баклажан, такой же синий, но работать может.

До двенадцати Дмитрия пытались лечить, точнее, выясняли, что же такое произошло. Но и нагрузочные тесты, и щелевая лампа, и узи, всё показало — с физической точки зрения он абсолютно, даже неприлично, здоров. А с ментальной медицина была бессильна определить, штатный психотерапевт ради простого фельдшера являться в больницу в свой

законный выходной не пожелал.

(9). Сторона 2. 19 апреля, воскресенье

(9). Сторона 2. 19 апреля, воскресенье.

Я проснулся ровно в три ноль-ноль от жуткой боли в груди и голове. Левую сторону лица парализовало, руки и ноги не слушались, перед глазами плавали радужные пятна. Хуже всего, что я не знал, где очутился, какая-то зелёная комната со стальным унитазом, дверь в заклёпках, белый потолок с одинокой лампочкой за металлической сеткой и электронные часы на противоположной стене. Первые несколько минут мне было не до окружения, от страха смерти прошиб холодный пот, я пытался позвать на помощь, но горло тоже словно замёрзло. Инсульт плюс инфаркт, сладкая парочка, два тромба одновременно.

А потом в мозг хлынул поток информации. Не то чтобы сильный, все воспоминания за неделю сплетались друг с другом, всплыла фамилия участкового и физиономия тёти Светы, которую я встречал на пустом перроне, таксист почти слился с соседом Борькой, образы одних людей наползали на других, события перемешивались, так продолжалось, наверное, чуть меньше часа, и только когда я попытался кое-как рассортировать чужие и свои воспоминания, заметил, что боль утихла, а подвижность вернулась, вместе с ней вернулась и способность соображать.

Сложить один и один было нетрудно, ночь с субботы на воскресенье, три утра, всё, как было написано на листочке под холодильником. Значит, синхронизация — это вот такой процесс, неприятный, моё здешнее тело получило мои воспоминания начиная с того дня, когда я получил его. Если не считать прокусанных губ, разбитого о стенку локтя и потёков крови из носа, процесс прошёл почти без последствий, пульс выровнялся, пятна перед глазами исчезли, я мог нормально улыбаться и левой стороной лица, и правой.

Главной новостью было то, что никакой алкаш Соболев моё настоящее тело не захватил. Я прожил целую неделю своей жизнью, не подозревая, что моё сознание, словно паразит, пробралось в другого человека. Настоящего или нет — ответов не было, я всё ещё предпочитал думать, что нахожусь в какой-то виртуальной симуляции. В данный конкретный момент — в симуляторе КПЗ.

На мои хрипы и подёргивания никто не прибежал, телефонная трубка валялась на полу, с отлетевшей панелью, я попробовал нажать кнопку, но гудка не было. Оставалось только ждать, когда участковый наконец появится, и выпустит меня на волю.

Гаспарян появился в восемь утра, и сразу повёл меня на выход. На том месте, где сидел дежурный милиционер, теперь расположился неприметный мужчина в сером костюме и с короткой стрижкой. При нашем появлении он встал, кивнул, и лейтенант сразу заперся у себя в комнате.

— Здравствуйте, Николай Павлович, — мужчина протянул мне руку. — Капитан Запольский, рад знакомству. Пройдёмте, нам надо поговорить.

На улице нас ждала чёрная машина, я как был, с надорванным рукавом и разбитым телефоном в кармане, уселся на пассажирское сиденье, а Запольский — на водительское. Он достал из кармана красную книжечку, протянул мне.

На лицевой стороне было написано «Комитет государственной безопасности СССР». Внутри кроме фотографии, были только имя и звание. С комитетом госбезопасности я сталкивался только один раз, когда несколько лет назад играл в шутер про свихнувшихся

роботов и альтернативный Советский Союз. И вроде бы раньше, при советской власти, эта организация заменяла ФСБ или ГРУ, но точно я уверен не был, а надёжный источник информации от меня отделяла вся следующая неделя.

— Проедем, побеседуем на месте, — Запольский завёл машину, двигатель тихо загудел.

Дизайн транспорта в этой реальности подкачал, он был однообразный и скучный, никаких изогнутых фар или агрессивных обводов. Вот и этот автомобиль, который мчал нас по направлению к чёрному кубу, был похож на старую тридцать первую волгу, которую мой сосед хранил в гараже на чёрный день. Чуть современнее, внутри много электроники, но внешне — очень похожи. Всю дорогу капитан молчал, изредка на меня поглядывая, но поездка вышла недолгой, уже через несколько минут мы заехали на территорию таинственного завода, который на карте обозначался как «Объект № 20923 Министерства среднего машиностроения СССР», и припарковались в торце, возле проходной. Но в саму проходную не пошли, дверь немного левее открывалась от звонка.

— Что вы так смотрите, Николай Павлович? — поинтересовался мой новый знакомый, пропуская меня внутрь. — Атомную станцию никогда изнутри не видели? Вы же топливные элементы раньше наверняка получали, должны знать.

Я кивнул, значит, вот куда мы приехали. И вот для чего все эти таблетки в аптеках и дома.

Капитан далеко меня не повёл, ближайший коридор с табличкой «Отдел № 2» перегораживался постом с человеком в форме. Военный отдал честь, изучил служебное удостоверение Запольского, убрал его в ячейку и открыл проход.

— Садитесь, Николай Павлович, — капитан завёл меня в комнату, сам сел за стол, а мне предложил кресло напротив. — У меня для вас две новости. Да не смотрите на меня так подозрительно, майора Бойко, который вас курировал, перевели на другое место, теперь я за него.

— Так что за новости?

— Одна хорошая, другая — плохая. Выбирайте.

— Давайте с плохой, — решил я. Тут большинство новостей было так себе, значит, средний уровень невысокий, а плохая должна быть настолько ужасной, что я поседею и повешусь, и чем раньше, тем лучше. Гейм овер.

— Просьбу вашу отклонили. Штат уже сформирован, пилоты назначены, и мы не сможем объяснить, почему подполковник Соболев, которого разжаловали в майоры и уволили из вооружённых сил, внезапно восстановлен на работе и включён в прорывной полёт к Марсу. К тому же наши зарубежные друзья, которых вы спугнули, потеряют к вам интерес, поймут, что их за нос водили, а значит, могут попытаться просто ликвидировать.

Похоже, Соболев тут наворотил дел, вот только каких, я не знал. Капитан говорил так, словно я должен был сразу понять, о чём речь. Пришлось загадочно улыбнуться.

— Но это хорошо, сейчас не время для контактов, — правильно понял мою улыбку Запольский. — В экспедицию мы вас всё же включим, в другую, ваш бывший тесть сделает вид, что похлопотал за бывшего же любимого зятя, как-никак, внучка-то никуда не делась. Левон Геворкович идею поддержал, уж больно ему ваш преемник не нравится. Не обижаетесь?

— Мне кажется, — на ум пришла фраза из какого-то американского сериала, — капитан, вы ваши полномочия немного превысили.

— Да, извините, — смутился собеседник. — Конечно. Подробно вам всё в управлении

объяснят, вы ещё недельку-две здесь погуляйте, только не ввязывайтесь ни во что, а потом в выходной, скажем, на первую, приезжайте. С Савёловского вокзала позвоните вот по этому номеру с одиннадцати до четверти двенадцатого.

Он пододвинул мне листок бумаги с девятью цифрами.

— Прочитать, запомнить и сжечь? — пошутил я.

— Не обязательно, — шутку капитан проигнорировал. — По этому номеру вам ответит женщина по имени Зинаида Петровна, она же скажет адрес, куда вам нужно будет приехать в течение часа. Если не успеете, или ответит другой человек, возвращайтесь обратно, я вас найду. И ещё, Николай Павлович...

Он выложил на стол мои упаковки витаминов.

— Откуда у вас это?

— От верблюда, — рассердился я, копируя Натаныча, тот себя в обиду никогда не давал. — Капитан Запольский, вам не кажется, что вы слишком много вопросов задаёте?

Капитан покраснел.

— Да что ты себе позволяешь, — он приподнялся со стула. — Да я тебя в порошок.

Может, в другой ситуации я бы и испугался, всё же майором-то я был ненастоящим, но зря этот фээсбешник про тестя сказал, видимо, тот был крупной шишкой.

— В порошок тебя Левон сотрёт, который Геворкович, — веско ответил ему. — Ведите себя подобающе, капитан, мы ведь с вами не враги, а одно дело делаем. Это лекарство мне необходимо, чтобы полностью восстановиться, откуда оно, не скажу, можете сами у своих узнать.

— Мы дали добровольцам по дозе, — капитан подозрительно быстро успокоился, — один сейчас на стену лезет, гостайны выдаёт. А второй, который укололся, спит. И разбудить его не могут.

— Потому что это лекарство — индивидуальное, вы же видите, там моя фамилия написана. Генетически уникальный продукт, на других действует как транквилизатор. Если хотите, могу при вас уколиться, и ничего со мной не будет.

— А давайте.

Запольский снял трубку, распорядился принести шприц. А потом наблюдал, как человек в белом холате берёт у меня из вены две пробирки на анализ, а потом вводит лекарство, и ещё пятнадцать минут ждал, поддерживая пустой разговор, не начну ли я ему в любви изъясняться или дурным смехом хохотать. Но эффект с каждым разом слабел, если первая, в понедельник, вызвала чувство эйфории, то эта, восьмая по счёту — просто приятное тепло в животе и лёгкость в голове.

— Что вы сказали? — вдруг перебил он меня.

— Отравить хотели, от этого память даже терял. В больнице поставили алкогольное отравление, только симптомы они некоторые не учли.

— Так вот зачем вам нужен был учебник по токсикологии, и запросы ваши в библиотеке. Об этом, Николай Павлович, сразу надо было сообщить, а не заниматься самообразованием, — капитан нахмурился, — мы обязательно проверим все записи из больницы, только допросить никого не сможем пока. А вы припомните, кто у вас в близких отношениях находился перед этим случаем, может, в доверие втёрся, или случайный знакомый ни с того, ни с сего. Если вас действительно хотели убить, на этом не останутся, но, думаю, сделают перерыв.

— И что, мне просто ждать, когда кто-то подойдёт и треснет меня по голове?

— Ну зачем так. Надеюсь, бытовую выучку вы не растеряли, сможете дать отпор, а я человечка выделю, он за вами проследит незаметно. И вот это наденьте.

Капитан положил передо мной часы на кожаном ремешке.

— Один в один ваши наградные, из лунного метеорита. Внутри передатчик, он ваши координаты будет мониторить постоянно, в случае опасности выдерните заводную головку. До начала мая постарайтесь продержаться, вечером — домой, дверь на замок, днём — только проверенные маршруты, в сомнительных местах не ешьте, продукты на рынке не покупайте. А кровь вашу мы проверим, если яд ввели, следы найдутся.

Обратно мы проследовали тем же путём, чёрная машина с надписью «Волга» довезла меня до милицейского участка, там, во внутреннем дворе, дежурный при виде удостоверения капитана вытянулся, и побежал за Гаспаряном, который проводил меня обратно в камеру.

— Велено до обеда подержать, — сказал он. — А ампулы у нас вчера изъяли, вы у этих товарищей сами получите.

— Уже, — я вытащил из кармана одну из пачек.

Все три пачки были вскрыты, в той, что была запечатана, не хватало двух ампул, а в той, которую Гаспарян отобрал у соседей — четырёх. И ещё одну капитан вытащил из почти пустой, там после моего марафона и перфоманса на атомной станции одна штука всего осталась. Секретное лекарство на глазах расходилось по рукам, и хорошо ещё, что мне поверили, или сделали вид, а то сейчас бы колол обычный витамин. Он, конечно, полезный, но недостаточно.

В два часа дня дверь каталажки распахнулась, и я с чистой совестью откинулся на свободу. По дороге зашёл в дежурную аптеку рядом с больницей, купил две упаковки точно такого же витамина, а когда домой пришёл, переложил новые ампулы в старые пачки. бросил в стол, а те стекляшки, что по мне по 800 единиц за штуку обошлись, перепрятал. Подумал, что так надо было сразу сделать, но мы все задним умом крепки.

(10). Сторона 1. 21 апреля, вторник

(10). Сторона 1. 21 апреля, вторник.

Будильник играл тихую мелодию, на телефоне высветилось 5:45. Дима осторожно, чтобы не шуметь, оделся в заранее приготовленную одежду, и на цыпочках спустился вниз. В доме стояла тишина, такая бывает только под утро, когда ещё никто не готовит завтрак, не стриёт газон, не строгает доски и не бурит лунки под столбы, а петухи через два дома напротив уже оторались от души, пожрали и спят. Или кур топчут.

Бутылка воды, несколько бутеров с колбасой, три варёных яйца и огурец — всё пошло в рюкзак, он застегнул молнию, подхватил лямку и уткнулся нос к носу в Вику.

— Ты кое-что забыл, — заявила девушка.

— Вика!

— Я не ем колбасу, — она подошла к холодильнику, достала две бутылочки йогурта и ещё одну поллитровку воды, приподняла их, кивнула на рюкзак. — И как будущий врач, тебе не советую.

— Тебе не понравится.

— Димочка, мы ещё вчера обо всём договорились. И вообще, я иду не с тобой, а с Вадиком.

С Вадиком гостя познакомилась на шашлыках в субботу, он отслужил после срочки три года по контракту, и теперь работал в полиции, одновременно пытаюсь получить высшее юридическое. Вадик был старше Димки на год. Об этом молодой человек Вике напомнил.

— Мелкая ты для него слишком.

— А это уже не тебе решать, — Вика достала телефон, демонстративно с силой нажала на экран. — Вадичка, это Вика. Я уже собралась, ты приедешь?

— Собралась она, — Дима усмехнулся, спрятал йогурт в рюкзак.

Вика надела голубые джинсы в обтяжку и кроссовки, топик оставлял открытой большую часть живота, хорошо хоть дутую куртку взяла, а не модное пальтишко.

— Мы на рыбалку собрались, а не на гламурную вечеринку.

Девушка продемонстрировала свою сумку, а потом вытащила оттуда плащёвые штаны.

— Ты меня совсем за дуру держишь, да? Удочка у тебя запасная есть, рыболов-спортсмен?

У Димки были и запасные удочки, и наживка, и сачки, и подставки, и даже отличное кресло, которое он по случаю выкупил на стадионе у сторожа — на нём какой-то тренер любил сидеть прямо на поле. Девушка выбрала спиннинг, взяла первый попавшийся набор блёсен, всё это полетело в полицейский уазик, который уже дымил возле ворот. Пока снасти грузились, Вика уселась на переднее сиденье, рядом с прапорщиком, Дмитрию ничего не оставалось, как занять полностью заднее.

— Мишка заберёт Стаса и его жену, а Воронцовы сами доберутся, — Вадик нажал на газ. — Погнали, окунь заждался.

Речка протекала прямо по границе города, но ловить здесь рыбу никто не решался — мало ли что сольют многочисленные шиномонтажи и автомойки. Подходящее место для рыбалки компания давно уже облюбовала в трёх километрах севернее, там и рыба водилась, и вода была почище, и песочный плавный заход имелся, для купания в сезон. В апреле,

естественно, никто не купался, зато можно было в болотных сапогах отойти метров на десять от берега. Дальше дно уходило резко вниз.

Когда узик подрулил к месту ловли, там уже стояли две машины, пикап Воронцовых и Нива Сосницких, оттуда доносился детский плач.

— Планшет разрядился, — объяснил Мишка, — ничего, сейчас зарядится чуток, и мелкая уснёт. Ну что, по маленькой?

— Я тебе дам по маленькой, — его жена высунулась из машины. — Ты у меня на корм рыбам пойдёшь.

— Ну нет так нет.

Рыболовы разбрелись по берегу кто куда, рядом с машинами остались только Димка, и Вадим — фельдшер пытался приспособить катушку, а полицейский остался без рыболовного обмундирования, Вика отобрала у него высокие сапоги и камуфляжную куртку, прихватила спиннинг и мужественно зашла в воду.

— Какая девушка, — Вадик восхищённо вздохнул. — Ты не знаешь, она на охоту ходит? Вика, ты охоту любишь?

— Заткнись, — Вика размахнулась, и забросила спиннинг горизонтальным сбоку метров на пятьдесят.

— Женюсь, — решил полицейский.

— Ей восемнадцати ещё нет.

— Но ведь будет, — резонно заметил Вадик. — Ты смотри, как ведёт. И подсекла!

Действительно, Вика кого-то поймала, леска заходила из стороны в сторону, девушка то отпускала чуть катушку, то снова наматывала, и меньше чем через минуту вытащила жереха. Небольшого, сантиметров на тридцать, приказала себя сфотографировать, и отпустила.

Через сорок минут у неё в садке уже плескались несколько крупных окуней и одна щучка, а вот остальным везло меньше. Плотва ловилась вяло, Мишка подсёк сомика, но тот сорвался. Глаза Вики горели торжеством, негромкие, но отлично слышные комплименты с берега лились рекой — Вадик на рыбалку забил, забрал Димкино кресло и атаковал бутерброды. Очередной бросок вышел неудачным, что-то массивное плыло по руслу реки, аккуратно в той точке, куда летела блесна. Вика попыталась отдёргнуть удилище, но опоздала, и крючок застрял в мишени.

— Сом, килограммов на пятьдесят, — подошедший Воронцов пошутил, оценив натяжение лески. — Выдержит?

— Наверяд ли, резать придётся. Блесну жалко, неплохая, я за неё двести рублей отдал.

Но Вика не сдавалась, подтягивая добычу на мелководе.

— На бревно похоже, — Вадик вздохнул. — Эй, погоди, я помогу. Что не сделаешь ради друга и его очень ценной блесны.

Он отобрал у Мишки сапоги, и полез в воду с багром-телескопом, ощупывая перед собой дно.

— Здесь край, — крикнул он, — давай, красавица, тащи потихоньку.

Девушка закусилла нижнюю губу, наматывая леску сантиметр за сантиметром, прапорщик вытянул руки, высматривая добычу. Вздрогнул, и выругался матом.

— Что там? — Димка привстал с кресла.

— Лучше вам не видеть. Вика, давай сюда спиннинг, — Вадик перехватил удочку, доставая из кармана телефон. — Дежурный? Это Сомов, да. Кидаю тебе координаты, у меня здесь утопленник, только быстро, держу его на леске. Да не шучу я, трезвый, давай уже.

Фотку прислать? Ты не оборзел? Трезвый, сказал же.

Пойманный предмет подплыл достаточно близко, прапорщик примерился, вытянул руку вперёд, цепляя крючком что-то в воде, и потащил на себя. Из воды показался ботинок, носок непонятного цвета, а в них — синюшная человеческая нога.

(11). Сторона 2. 22 апреля, среда.

(11). Сторона 2. 22 апреля, среда.

Странно, но среда здесь была нерабочим днём. Точнее говоря, не каждая, а именно эта, мир-симулятор отмечал день рождения Ленина. С утра потоком шли фильмы о вожде мирового пролетариата, как его здесь называли. На улице вывесили красные флаги, и мусора у дома прибавилось — праздновать местные начали ещё во вторник вечером. Но в свой законный выходной я чистить двор не собирался, в этом мире перед трудовым кодексом все были равны, и дворник, и товаровед, и директор завода, и даже капитан КГБ, который наверняка собирался этот день провести с пользой для себя, а не только для своей страны.

— В Подмоскovie облачно, на севере возможны дожди, ветер южный, три-семь метров в секунду, — ведущая прогноза погоды бодро улыбалась мне с экрана телевизора. — В южных областях Украины и Молдавии прогнозируются пылевые осадки с повышенным радиационным фоном. Рекомендуемая профилактическая доза ферроцина — по одной таблетке один раз в день.

На лицо ведущей набежало облачко грусти, но тут же рассеялось.

— А сейчас перед вами выступит вокально-инструментальный ансамбль «Машина Времени» с песней об Ильиче...

Я выключил телевизор, и начал собираться. Тренировочные штаны, майка хэбэшная, рабочая куртка — в ней было столько карманов, что для них вещей не хватало. Пакет с шоколадными батончиками и фляга с водой, в магазинах пластиковых бутылок меньше, чем по литру не было, и те полагалось сразу после употребления сдавать в переработку. На руки кожаные перчатки, на ноги польские кеды, к ремню — топорик, на голову строительную каску. Специальные велошлемы продавались в спорттоварах, но от каски отличались в основном ценой, против бесплатного инвентаря дворника — шесть рублей сорок копеек.

Велосипед зашелестел шинами по асфальту, солнце сразу припекло. Вот уже неделю я потихоньку осваивал окрестности, дороги подсохли, и если не заезжать в лес или на поле, а держаться шоссе, можно было посетить рядом лежащие посёлки и даже небольшой городок Кимры, стоящий на Волге. А когда грязь сменится летней засухой, то и в Дубну через лес скатать.

Улица Столетия революции упиралась в бульвар Александра Костерина. Суровый молодой человек в бетонной кожанке смотрел на прохожих сверху вниз с постамента, сжимая в кулаке каменную газету. Я на минуту остановился, чтобы поправить цепь.

— Николай Павлович!

Обернулся, в нескольких метрах от меня стояла доктор Брумель, и не одна, а с каким-то мужиком.

— Здравствуйте, Оксана Леонидовна.

Мужик недобро на меня посмотрел. Низкий лоб, приплюснутый нос, одно ухо изломано, на толстых пальцах — сбитые костяшки.

— Гена, — сказала ему докторша, — сходи, купи мне мороженое.

Гена хмыкнул, побренчал в кармане мелочью, и широкими шагами направился к ближайшему киоску. При ходьбе он переваливался.

— Это ваш муж? — просто из вежливости спросил я, и тут же обозвал себя идиотом,

Соболев наверняка знал о своём враче такие подробности.

— Знакомый, — Оксана стрельнула глазами. — Ухаживает. Ревнуешь?

— Ещё как.

— Он отвалит сегодня ближе к вечеру, ты мне перезвони, ладно? — она повела плечами, углядела своего спутника, тот уже расплатился и нёс два стаканчика. — Пломбир с орешками? Геннадий, ты меня балуешь. А вы, Николай Павлович, далеко собрались?

— Нет, покатаюсь часика два-три, и обратно, телевизор смотреть.

— Это хорошо, что вы из дома выбрались, физические нагрузки вам показаны. До свидания.

Я тоже попрощался, Гена что-то буркнул, засовывая вафельный стаканчик почти целиком в рот. Соболев ему не нравился, мне он — тоже. И доктор Оксана тут была совершенно не при чём.

Пока велосипед исправно глотал километр за километром пути, я потихоньку составлял список того, что мне другому предстояло найти в Википедии и вообще в сети, раз уж двойное сознание сливалось, или, как говорилось в инструкции, синхронизировалось раз в неделю. Выходило не так уж много, то, что было актуально в том мире, в этом не особо котировалось. И, надеюсь, я всё же догадаюсь спросить у Чурова, чем меня потравили.

В половине первого, когда до точки назначения оставалось ещё километров семь, дорогу преградил мотоциклист.

— Далеко собрались, Николай Павлович? — он продемонстрировал мне красную книжечку.

— В Кимры заеду и обратно.

— Вы сами посудите, товарищ Соболев, — лицо моего собеседника было скрыто затемнённым забралом шлема, — после больницы да ещё в коме побывали, а теперь бодро педали крутите. Нельзя так себя подставлять. Разворачивайтесь, и езжайте обратно. Сейчас скорость наберите побольше, а километра за полтора до Устинова сбросьте, пот выступит, лицо покраснеет, будете на нормального больного человека похожи. А в Кимры, если захотите, мы вас вертолётom доставим. Договорились?

Тут, конечно, человек из органов был прав, мне полагалось в кровати лежать и не вставать, а я тут рассекаю, спорить не стал, развернулся, выставил шестую скорость, чтобы усилие было побольше, и двинул к дому. Уже на бульваре Костерина я еле крутил педали, у подъезда с облегчением сполз с седла и вытер рукавом лоб.

— Что, Палыч, умаялся? — сосед свесился в окно, докуривая сигарету. Хотел было бросить окурок вниз, но вовремя смутился и спрятал за спину. — Куда ездил-то?

— На озёра.

— Рыбку решил половить? А удочки?

— Приглядеться пока.

— Ну да, — Борька выдвинулся так, что чуть не упал. — У меня сетка есть, Палыч. Вот такая! Двадцать пять метров. Как надумаешь, мы с тобой по зорьке её поставим, а потом на следующий день съедем, только чтоб никто ни-ни. Плотвичка сейчас отнерестится, а после майских можно. Навялим, и с пивком.

— Подумаю. А с тебя штраф.

— За что, ёпт!

— За окурок, думал, я не увижу? Насобираешь за это мешок.

Всё-таки дворник в этом мире стоял на более высокой социальной ступени, и Борька вышел через десять минут с бумажным пакетом, и Анохина с совочком ходила за своей шавкой. А я запикивал вещи обратно в шкафы. Пока дышал вольным сельским воздухом, кто-то забрался в мою квартиру, и хорошенько в ней порылся. Ордена, сберкнижка и пачка денег никуда не исчезли, а вот две распечатанные пачки витамина из ящика стола как испарились. Холодильник тоже отодвигали, матрас на кровати лежал неровно. Ампулы, которые лежали россыпью на дне бачка унитаза, нашли и вытащили, все четырнадцать.

Зато пузырёк с глазными каплями никого не заинтересовал. А зря, всё содержимое ампул теперь хранилось там. Ждать следующей синхронизации я не стал, промежуточный укол в это утро ничего плохого не принёс, зато хорошего — вон сколько, и на велике летел как гонщик, и гирию двухпудовую сорок раз почти не напрягаясь поднял. Хотя это скорее заслуга моего персонажа была, он, несмотря на алкоголизм и беспорядочную жизнь, за собой следил.

Тут я напомнил себе, что за телом своим Соболев, может, следил хорошо, а вот за окружением — плохо, и поэтому превратился в труп.

(12). Сторона 1. 23 апреля, четверг

(12). Сторона 1. 23 апреля, четверг.

За ночь Димке удалось поспать часа два, не больше — к полуночи привезли тяжёлого, и его пришлось интубировать, а потом, в три часа, уже другого тяжёлого, откачивать. Не сравнить со сменой в субботу, когда волной шли любители пикников, кто с печёночными коликами, кто с рваными ранами, но работы хватало.

В девять утра молодой человек снял халат, расписался в журнале и по дороге зашёл в патотделение.

— Что, жмурика своего решил проведать? — Чуров в этот день был за главного. — Вон он, в десятом ящике, открывай и любуйся. Отпечатки наша доблестная милиция сняла, выясняют, кого вы там поймали. Как там Светкина дочка, всё ещё бледна и нездорова?

— Да вроде оклемалась.

— Вот, хотела девка в медицинский, считай, боевое крещение прошла.

Вику вытаскивали вместе с трупом, при виде синей ноги она хлопнулась в оборок, не утонула, но воды нахлебалась. Вадик чуть было жмура не упустил, метался от дамы сердца к служебным обязанностям, смог спасти и то, и другое. После этого девка, как её обозвал Василич, заперлась в своей, то есть в гостевой комнате, и оттуда вышла только на следующий день — поесть, после чего её стошнило, и она снова закрылась.

— Пётр Василич, вот скажи, если бы тебе человек с такими симптомами поступил, — Дима перечислил то, что вычитал в больничной выписке Соболева, — а потом впал в кому, ты бы что подумал?

— В анализах и желудке только спирт и производные? — Чуров даже задумываться не стал. — Скополамин вполне подойдёт. Никто его в моче искать не будет, если синяк попадётся. Ты что, травануть кого хочешь?

— Нет, это я так, для общего развития.

— Ты смотри, Куприн, не в том направлении развиваешься, — строго сказал врач. — Я на вскрытии всё равно найду, и точно теперь буду знать, кто это сделал. Так что даже не вздумай, пока ординатуру не закончишь, а то вы, недоучки, первыми и попадаетесь. Всё, иди с глаз долой, если кто очочурится, я позвоню.

Едва Димка добрался до дома, ему и вправду позвонили, только не Чуров, а отчим.

— Новость послушай, — сказал Леонид Петрович. — Знаешь, кого моя племяшка поймала?

— Нет.

— Сынка Нефёдова, младшенького. Я тебе чего звоню, ты его рожу-то помнишь?

— Откуда?

— Ну и хорошо. Спрашивать тебя следак будет, первый раз в жизни видишь и слышишь, что на рыбалке случилось, отвечай на вопросы, ничего от себя не приплетай и не утаивай, но если чего не спросит, это его проблемы. И ещё, ты ведь, Димон, не дурак, про отца-то и его тёрки с Кириллом в курсе, так вот, забудь, а то впутают, потом не отвяжешься. Ну всё, отбой, дела у меня.

Молодой человек бросил телефон на кровать, пытаясь стащить джинсы. То, что произошло между Нефёдовым-старшим, младшим и Сергеем Куприным, никто кроме них

самих не знал. Сергей с Кириллом учились в одном классе и дружили, не только в школе, но и после того, как Куприн из армии вернулся. Бабушка рассказывала, что Нефёдов тогда его водителем взял, но, видимо, не простым, потому что батя Димкин из старого домика хоромины двухэтажные отгрохал, и ездил на Крузаке, потом вместе с этим Крузаком и пропал, машину сгоревшую нашли, а тело — нет. Был в этом Кирилл замешан, не был, следствие не установило, но младший Нефёдов сразу после пропажи сбежал, сначала в Германию, оттуда в Америку, и приезжал сюда, в город, только один раз лет десять назад. А Нефёдов-старший отстегнул солидную сумму в валюте, на которую Димкина мать купила квартиру, где они вместе с отчимом сейчас и жили. Бабка от денег отказалась, плюнула депутату в лицо, и тот утёрся — опять же по её рассказам, потому что Димка тогда только и мог, что в пелёнки гадить да слюнявые пузыри пускать.

В разговорах с матерью эта тема вообще была из разряда табу, один раз Дима попробовал с ней поговорить — лучше бы не пытался, до сих пор крики в ушах стоят. Но на мать он не обижался, что было, то было, и на квартиру не претендовал.

— Дима! — тётя Света вернулась с рынка, и вовсю гремела кастрюлями и сковородами, — ты пока спать не лёг, посмотри, что с холодильником.

Холодильник подтекал, давно надо было его почистить, но всегда находились другие, более важные дела. В этот раз улизнуть не удалось, отчаянно зевая, Димка вытолкнул комок слизи из трубки, съел два пирожка, и завалился на кровать, придавив телефон ногой.

Проснулся он ближе к вечеру, когда уже начало темнеть, отоспался на неделю вперёд, шея от неудобной позы затекла, а на телефоне висели два десятка сообщений и несколько пропущенных звонков. В доме было тихо — на холодильнике висела записка от Светланы Вадимовны, мол, она в гостях, Вика затаилась и даже свет выключила. Хотя нет, в одном из сообщений прислали фотографию, где она сидит на коленях у Вадика, бодрая и весёлая, с бутылкой пива в руках. Друзья предлагали присоединиться. Димка хмыкнул, ехать никуда не хотелось. Он разогрел макаронны с котлетами, навалил миску квашенной капусты, уселся за комп, погонял монстров часа полтора. Игралось не очень, рассол пролился на клавиатуру, двигая мышкой, он локтем задел чай, и тот разлился по полу, в общем, не попёрло. Дима собрался было снова лечь спать, но словно что-то в голову ударило — полез в подвал, и вытащил из тайника планшет. Рядом со стеллажами стоял табурет, на него парень и уселся, вставил монету в разъём.

В этот раз кружочек с непонятным символом был активным, более того, он пульсировал, словно требуя, чтобы на него нажали. За иконкой скрывалось целое приложение, с выпадающим меню и вкладками. Парень полюбовался на статистику синхронизаций, там была всего одна запись, зато с датой, временем и уровнем загрузки — 76/59. Что это значит, тут же и расшифровали, именно такой процент от воспоминаний о произошедшем за неделю Димка передал своему альтер эго и получил от него. Неравноценно, и что-то важное могло пропасть.

Здесь же, в приложении, был мессенджер с пустой адресной книгой, неактивные дополнительные услуги и раздел «Страхование». В нём Димке предлагалось купить базовый пакет за 2 тысячи единиц в год на случай, если с обеими оболочками что-то случиться. Слово «обеими» корябнуло взгляд.

— Оболочка, значит?

Димка вывел показатели состояния тел, его собственное оценивалось в 95814 единиц, а тело Соболева в 7740, как было указано — «на текущий момент». Странно, может, память и

не вся передалась, но молодой человек помнил, что здоровье Соболева от уколов значительно улучшилось. А по сравнению с начальной стоимостью — наоборот, упала цена у оболочки. Оставалось ждать воскресенья, тогда, если Соболев не потеряет к тому времени память и здоровье окончательно, можно будет разобраться, в чём дело. Молодой человек порылся в настройках, но нигде эти цифры не расшифровывались, зато опций, которые теоретически менялись, было множество. В том числе — частота синхронизации, ползунок свободно ходил от единички до трёхсот, цена тоже менялась, но в обведённом жирной линией прямоугольнике всё равно стояли цифра 7 и число 25. Наверное, это означало — раз в неделю по 25 единиц. И длительность можно было менять, от пятнадцати минут до шести часов, Димка оставил час, если работает, лучше не вмешиваться в настройки.

Баланс всё так же составлял 1575 единиц, их, наверное, можно было на что-нибудь потратить, но с богатством Дима решил разобраться позже. Его больше интересовало мессенджер и возможность, а точнее, невозможность с кем-либо связаться. Он был готов задать вопросы таинственным координаторам, или другим участникам программы, да чего там, подписаться на чей-нибудь канал, но при попытке ввести номер или логин выплывала экранная клавиатура с двадцатью символами — четыре ряда по четыре, и четыре символа по бокам. Произвольный набор знаков ничего не дал, более того, высветилось количество допустимых ошибок — пять, и сообщение, что за шестую с него снимут сто двадцать единиц.

— Где-то я эти закорючки видел.

Димка напряг память, но ничего на ум не приходило. И только когда он вытащил монету, чтобы убрать планшет на место, понял — вот же они, три штуки, прямо на ней. Молодой человек сбегал за телефоном, и попытался сфотографировать экран планшета, но ничего не получилось, на снимке вместо экрана появлялся чёрный прямоугольник. Пришлось взять лист бумаги, ручку, и зарисовать клавиатуру, а заодно и закорючки с монеты. И баланс из приложения, он и цифры на монете наверняка совпадали.

(13). Сторона 2. 25 апреля, суббота

(13). Сторона 2. 25 апреля, суббота.

— Очнулись, Николай Павлович?

Голос был мне не знаком. Я приоткрыл правый глаз и никого не увидел. Потом то же самое проделал с левым — прямо по центру маячило чьё-то лицо, а за ним капитана Запольского разглядел.

Обстановка в этот раз была попримечательнее, вместо каталки — кровать с подлокотниками и наклонной спинкой, люминисцентные светильники прожекторской исчезли, уступив место приглушённому свету, идущему со всей поверхности потолка. Я лежал в белоснежной комнате, опутанный трубками и проводами, рядом с кроватью издавал ритмичный писк врачебный монитор, что там на экране у него показывалось, я не видел, но пульс был ровным и нормальной частоты. Запольский вышел, а незнакомец остался.

— Какой сегодня день?

— Вот это правильный вопрос, — мужчина улыбнулся. На вид ему было лет сорок-сорок пять, короткая стрижка, чисто выбритый массивный подбородок и тонкие хищные губы, — суббота сегодня, товарищ Соболев, двадцать пятое апреля две тысячи двадцать шестого года от рождества Христова. В бога верите?

— Пока не знаю.

— А он вас точно охраняет, приехай скорая на десять минут позже, и всё, рядом с вами сейчас апостол Пётр бы сидел, а не я.

— Может вы и есть апостол, мы ведь не знакомы?

— Конечно, — мужчина сдержанно кивнул. — Звание моё полковник, а фамилию вам пока знать не надо. Так и зовите — товарищ полковник. Или просто Сеня, мы ведь с вами одного возраста.

— Вы коммунист, товарищ Сеня?

— Конечно.

— Понятно, почему вы не в курсе. Апостол Пётр встречает тех, кто попал в рай, а мне это не грозит.

— Уели, Николай Павлович. Но знаете, я рад, что вы живы, и что форма ваша физическая никуда не делась. Четверых разбросали, как котят, если бы не пятый, с ножом.

Оставалось верить полковнику на слово.

После того, как меня обнесли, похитив фальшивые элексиры, я сходил в спортивный магазин и попытался купить охотничье ружьё, на всякий пожарный. Но оказалось, что для этого мне нужно записаться в районное отделение общества охотников и рыболовов, год поехать на заготовки сена для лосей и другие добровольно-принудительные работы, и только потом, когда совет этого общества сочтёт меня достойным, мне разрешат выдают охотничий билет и разрешат купить оружие. При этом продавец вариант «сначала самое дорогое ружье, потом билет» сразу отмёл. А ведь раньше доверял, вон, велик забесплатно отдал.

С ружьём не вышло, зато с докторшей всё отлично получилось. Поначалу. На новой телефонной трубке, обменянной в жилконторе на раздолбанную старую, я набрал номер Оксаны Леонидовны, выкупленный за две шоколадки у дежурной медсестры в поликлинике,

пожилая женщина сначала отказалась, но потом всё-таки с недовольным видом продиктовала девять цифр. С доктором Брумель мы посидели в кафе, где она не пыталась меня отравить, потом сходили в кино на какой-то скучный немецко-польский детектив с дешёвыми спецэффектами, и переместились к ней домой. Жила Оксана на бульваре Костерина за вокзалом в небольшой двухкомнатной квартире, уютной и хорошо обставленной. Хорошо — по моему мнению, это значило, что все шкафы в квартире были встроенными, а из отдельностоящей мебели выделялась широкая кровать с упругим матрасом. Соболев дважды продемонстрировал, что он кое на что годится, несмотря на преклонный возраст, но в третий раз проделать это ему, ну и мне тоже, не дали. В дверь позвонили.

Оксана, накинув халат, пошла открывать, и вернулась не одна, а со своим приятелем, который должен был уехать, но вместо этого держал её за горло. Ноги женщины едва касались пола, а лицо немного посинело. Я попытался отнять доктора у её приятеля, получил кулаком в глаз, и вот после этого момента уже ничего не помнил.

— Приходько товарищи допросили, — «Сеня» истолковал моё молчание по-своему, — но ничего не добились. Говорит, ему позвонили, и сказали, что его женщина, пока он работает в поте лица, занимается непотребством со своим пациентом. Звонившего мы установили, как думаете, кто им оказался?

— Ей, наверное. Медсестра из поликлиники?

— Bravo, Николай Павлович, с вашей дедукцией вам надо в нашу контору перевестись. Именно она, приходится двоюродной тёткой вашему сопернику. Так этот Приходько один побоялся почему-то против вас идти, взял четверых своих приятелей, среди которых оказался слесарь из его бригады Гонтарь, ранее судимый за тяжкие телесные, и только после этого отправился с вами разбираться, благо завод-то совсем рядом от вокзала. Клянётся, что хотел припугнуть, но после того, как вы его вместе с его дружками разделали, Гонтарь вас пырнул несколько раз.

— Сильно я их разделал?

— Прилично, три сотрясения, два перелома, синяки я не считаю, мастерство, как говорится, не пропьёшь. Брумель уже дала показания, правда, она мало что помнит, её как головой об косяк приложили, так она и отключилась, милиционеров бдительные соседи вызвали. Приходько и его дружков под подписку о невыезде отпустили, Гонтаря в КПЗ, судить будут.

— А меня?

— С вас-то какой спрос, самооборона. А что с лечащим врачом у вас интимные отношения, ну поругают её на собрании, может быть премии лишат. Как сами думаете, доктор Брумель не могли подослать?

— Не знаю, — я рассказал полковнику о попытке ограбления, он внимательно выслушал, а об отравлении уже знал, — вот в тот же день, стоило её встретить, и обнесли.

— Нет, — мой собеседник задумался, потом помотал головой, — не стали бы они так палиться. Ну что, Николай Павлович, осталось шесть дней продержаться, я распоряджусь, чтобы вас в Лётный городок вернули, якобы на обследование, а там посмотрим. Останетесь в больнице? Давайте, полежите недельку, восстановитесь, не всё же метлой махать.

— А степень повреждений соответствует?

— Официально — лёгкие ранения в мягкие ткани, не угрожающие жизни, так что ответ — нет, фактически пять тяжёлых, одно из них — в селезёнку, еле спасли орган, ещё

разлитой перитонит, дырка в лёгком, другой бы на погосте лежал, а вы вон бодрый и почти здоровый. Потом видеозапись посмотрите, обеспечу, чтобы показали.

Я вытащил иглу из катетера, отлепил электроды, встал, медленно и нерезко помахал руками. Тянуло несильно в животе, при попытке потянуться закашлялся. Судя по тому, что мне сейчас наплёл капитан, я действительно должен был в лёжку лежать, вот что эликсир творит. А собеседник мой что-то темнит, порезали меня от души, и тут раз — прошло всё, должен был бы подозревать, но нет — улыбается. Хотя из меня знаток работы наших органов безопасности, как балерун, только по сериалам бандитским, да по разговорам отчима могу судить.

— Домой пойду.

— Хорошо, — легко согласился полковник. — Только, товарищ Соболев, просьба. До поездки в Москву в контакт с Брумель старайтесь не вступать. Капитан Запольский в пределах своих полномочий действует, с ним не откровенничайте, дождитесь пятницы. И вот ещё, с лекарством вы хорошо придумали, держитесь этой версии, пусть гадают, оно помогло, или не оно.

Больница, где я лежал, находилась всё на том же секретном объекте, помеченном на всех картах. Транспорта мне не дали, до центра города ходил автобус, только судя по расписанию, ждать его предстояло полчаса, это если вовремя придёт. Поднял руку, и через минуту рядом затормозила машина, водитель, молодой парень, молча довёз меня до дома, так же молча взял рубль и уехал. Полковник Сеня что-то темнил, или он знал про чудесный эликсир и был из этих, которые меня сюда реплицировали, или в жизни Соболева была ещё одна тайна, до которой мне пока не добраться. Но вопросы задавать я не собирался, как любила говорить моя бабушка, у человека два глаза и два уха, и только один рот.

Глазные капли никуда не делись, никому они не приглянулись, я набрал кубик в шприц, воткнул в ягодицу — мало ли что туда попало, когда всё смешивал, по вене такое лучше не пускать. Улёгся на пол. Может, я и изображал, что бодрячком, но в сон клонило основательно. Закрыв глаза, и уснул.

(14). Сторона 1. 25 апреля, суббота

(14). Сторона 1. 25 апреля, суббота.

Сколько раз Дмитрий с девушками встречался, никогда ему ещё ни одна не звонила сама после первого свидания. А Алиса — позвонила, и даже первая пригласила провести время вместе. Вот только место это было в городской прокуратуре, и Алиса не лежала рядом без одежды, а сидела напротив, в кителе с погонами старшего лейтенанта. Следователь Нестерова — так она представилась по телефону в четверг, точнее, уже почти в пятницу. Куприн на допросе вёл себя так, как учил отчим, на вопросы отвечал прямо и по факту, без собственных рассуждений, встречные не задавал, вёл себя скромно, но с достоинством. Нестерова тоже не особо давила, правда, временами то, что она говорила, пролетало мимо Димкиных ушей, потому что со следователем они совсем недавно целовались.

— Дмитрий Сергеевич, — Алиса понизила голос, — хватит на меня уже так пялиться. Сами понимаете, неделю назад совсем другая ситуация была, а теперь у нас чисто официальные отношения, договорились?

— Ага, — Дмитрий кивнул, — так и есть.

— Ну всё. Вот здесь пишите, что с ваших слов записано верно, подпись, число. Давайте сюда пропуск, я подпишу, и можете идти.

— А когда всё это закончится?

— Что?

— Ну расследование, тогда у нас могут быть не чисто официальные отношения?

— Посмотрим, — строго сказала девушка и покраснела.

От отчима Димка узнал, что Алиса закончила областной институт три года назад, и здесь работает по распределению, досиживает, так сказать. Нестерову ждал перевод в город покрупнее, или вообще в столицу, и это дело ей, по словам Леонида Петровича, который комитетчиков не любил, дали, чтобы она его благополучно профукала. Потому что ходили слухи, что хотят его спустить на тормозах и замять. И к этому были все основания, у Нефёдова-младшего следов насильственной смерти не обнаружили, умер он ещё до похорон отца, записок, правда, никаких не оставлял, но на ладонях нашли остатки того же вещества, которым старшего траванули, и такие же таблетки было в пузырьке, который достали из кармана куртки утопленника. По одной из версий следствия, которая на ладан дышала, выходило, что сынок своего папашу пришил, а потом с горя утопился, вот только мотив отсутствовал напрочь.

От Куприна требовалось, чтобы он рассказал, в каком состоянии нашёл старика и его дочь, и что конкретно делал в квартире. Что он и сделал, скрывать там особо было нечего.

Хоть и пыталась доблестная полиция держать в тайне улов Вики, но слухи постепенно расходились по городу. К субботе даже приезжие на рынке и гастробайтеры, высаживающие кусты в городском парке, знали, что Нефёдова-старшего, его сына и дочь убил один и тот же маньяк, дочка, правда, успела спастись, но заперлась в квартире и на звонки не отвечала, значит, и до неё добрались. Сюжет об утопленнике даже по местному телевидению промелькнул почти незаметно, зато кто-то выложил ролик в сети, как прапорщик полиции багром цепляет синюю ногу Кирилла Нефёдова, и этой кому-то, а точнее, Марии Сосницкой, очень сильно влетело и от прапорщика, и от мужа.

— Затаились покойнички, боятся на воле помирать, — Чуров гонял на экране служебного компьютера какого-то монстра, поглядывая на часы. — Ах ты сука, получай! Так вот, ни одного вызова за три дня, когда такое было. А у меня, между прочим, машина в кредит.

— Василич, а ты хотел бы жить в СССР?

Димка уселся рядом с чашкой горячего чая, ухватив свободную минуту. Может, за стенами больницы горожане и не мёрли, а вот внутри — очередного жмурика ждала пила в прозекторской.

— В Союзе? Не-а, — врач-лаборант-судмедэксперт наконец завалил босса, и сгребал лут. — Ты сам посуди, Димка, при коммунистах дали тебе оклад и премию, сиди и радуйся.

— И что, по-другому никак?

— Ну почему никак, выкручивались как могли, — Чуров вывел на экран чьи-то анализы. — Дежурства вот как сейчас брали, а ещё халтурили и калымили, иначе как семью-то прокормить, врачи что при советской власти, что при антисоветской, всегда мало получали, но хорошо зарабатывали, только делать это приходилось тайком.

— Значит, хуже тогда было?

— Вот ты достал. Хуже, лучше, у каждого свои понятия. Я про себя говорю, дурень, другому может и лучше бы жилось, работяге какому-нибудь или учёному, а чиновники, эти при любом царе найдут, где нахапать. Понял?

— Не-а.

— Молодой ты ещё, Дмитрий Сергеич, жизни толком не видел. Иди лучше в лабораторию, там сейчас новенькая лаборантка сидит, второй день, а косячит, как будто всегда тут работала, схвати её за сиську, или нет — лучше сразу за две, сильно сожми и скажи, что если она ещё раз мне такое пришлёт, я её вместо трупа препарировую.

— Ага, уже иду. Чьи анализы?

— Лямфельд Семён Львович, всё не откинется никак. От печени один жир остался и киста, вот что бывает, когда водку вместо воды пьёшь и жирной пищей закусываешь. Заруби себе на носу, но потом, а сейчас бегом в лабораторию.

Новая лаборантка сиськами подкачала, не было их почти, зато татуировок, пирсинга и разноцветных волос хоть отбавляй. Голос у неё был высокий, мелодичный и грубоватой внешности не соответствовал.

— Пусть твой Чуров идёт и делает, — сказала она. — Гуревич налажал, козёл, а я крайняя получаюсь, в вашей больничке бардак — такого ещё поискать. Подождёт до понедельника, некому сейчас биопсию брать, в отделении пустота, вечер субботы, между прочим. И вообще, к чему такая спешка?

— Чуров, — Дима пожал плечами. — Он такой, если в голову чего вбил, не слезет. Сможешь мне помочь?

Куприн не только не имел права трогать аппарат УЗИ, он и пункцию без врача не должен был брать, и ключи от кабинета. Лямфельд, пожилой неряшливый мужчина, противно рассмеялся, когда ему намазали гелем живот, и завизжал по-бабьи при виде длинной иглы. Образование было с ровными краями, лаборантка уселась на ноги больного, и пообещала ему, если тот дёрнется, повторить обрезание, только уже под корень, а потом на каком-то иностранном языке выдала фразу, будто прохрипела, Лифлянд её понял и затих. Лаборантка забрала шприц с мутным содержимым, убежала, а Дима повёз больного обратно

в палату.

— Хорошая девочка, — вдруг сказал старик, — выглядит плохо, но хорошая. Ты чего на меня уставился?

— Скажите, — фельдшер остановил каталку возле лифта. — Мне тут визитка попалась странная, «Лифлянд, Коган и партнёры». Это не ваша?

И оттолкнул старика, который чуть было не вцепился ему в горло.

— Откуда ты её взял? — Лифлянд обессиленно упал обратно, рывок, похоже, все его силы израсходовал. — Стой, подожди. Тебе передали монету? Парень, я старый человек, при смерти, не ври мне пожалуйста.

— А что вы про них знаете?

— Пустяки, ценная вещь, но не очень. Она золотая, хочешь, я у тебя её куплю? Дам десять тысяч. Долларов!

Двери лифта отворились, Димка попытался завести туда каталку, но старик упёрся ногой в стену.

— Двадцать тысяч. Пятьдесят. Сколько на ней единиц?

— Каких единиц?

— Ой, не надо так, послушай, просто ответь. Там есть хотя бы сто тысяч?

— Нет.

— А хотя бы десять? Я верну, мамой клянусь. Монета останется у тебя, ты только одно сообщение пошлешь, я продиктую.

— И десяти нет, извините, — непонятно почему молодой человек почувствовал себя неловко.

— Ой-вей, — Лифлянд закашлялся, и только через несколько секунд Димка понял, что тот смеётся. — Послушай, парень, Дмитрий, да? Димочка, послушай старого глупого еврея, никогда никому не говори, что у тебя есть монета и терминал, первый раз оштрафуют, а потом — всё. Мне-то уже плевать, они меня списали. погоди, я сейчас.

Он зашарил по карманам больничной пижамы.

— Нет, ну где же. Вон, где медсёстры сидят, принеси мне бумагу и ручку. Пожалуйста, — и получив клочок бумаги и карандаш, начал вырисовывать на листике закорючки. Точно такие же, какие были на клавиатуре планшета. — Ты ведь не знаешь, что это? О, наверное, первый раз, я тоже был таким молодым и глупым. Что там, я три раза был молодым и глупым, знаю, о чём говорю. Набери эти значки на терминале.

— И что произойдёт?

— Ты получишь восемьсот семьдесят две единицы, это всё, что у меня есть, клянусь. А моя дочь получит весточку от старого папы. Сделаешь это для меня? Ты хороший мальчик, поможешь старику, правда?

— Постараюсь.

— А ты очень постарайся, — Лифлянд крепко сжал его руку. — Не веришь мне, да?

Он написал несколько слов на обороте.

— Отнеси бумажку Нефёдову, его тут все знают, он даст тебе тысяч триста за хлопоты, этот шимазл мне сильно должен. И потом сделай то, что я попросил. Всё, вези меня в палату.

Под конец голос Лифлянда звучал всё тише, договорив, он закатил глаза и отключился. Дима передал его дежурной медсестре, получив от неё втык за кражу больного, посмотрел на часы — до конца смены в морге оставалось ещё около часа, а потом начиналась смена в

травме. Никакие закорючки в планшет он вводить не собирался, решил, что принесёт его сюда, покажет издали этому Лифлянду, и вытянет из того всё, что старик знает. Заодно и про Нефёдова расскажет, триста штук с мертвеца не получить. Но всё это не сейчас, в воскресенье ближе к обеду, потому что работа, она в реальном мире, а эти монетки, единицы и прочее — в непойми каком.

Вторая синхронизация прошла намного спокойнее, прожитая Николаем Соболевым неделя записалась на подкорку за несколько минут, вызвав головокружение и тошноту, которые прошли. Димка позавидовал своей бурной сексуальной жизни на той стороне — воспоминания воспоминаниями, а ощущения всё равно немного терялись, и решил пока ничего не предпринимать. Когда вернулся из туалета, в кабинете сидел пациент, а врач разглядывал на экране рентгеновский снимок.

— С тобой всё в порядке? — дежурный травматолог вопросительно посмотрел на фельдшера.

— Да, что-то нехорошо стало, — Димка намочил сложенный гипсовый бинт, и привычно сформировал лангету на руке очередного бедолаги, упавшего с крыльца на локоть.

— Ты десять минут сидел, в одну точку глядел, а потом на толчок пошёл. Я уж думал, всё — превратился Куприн в зомби-засранца окончательно. Вот здесь подожди. Ну что, Савушкин, три недели походишь, а потом можешь снова падать со своих крыш. Раньше нельзя.

После четырёх поток людей с переломами, ожогами и рваными ранами резко пошёл на убыль, все, кто хотел себе навредить, это сделали, остальные пошли спать. И Дима тоже прилёг в ординаторской, провалившись в тяжёлый сон.

В восемь появилась следующая смена, молодой человек вышел на улицу покурить, когда вернулся, поднялся в терапию, где лежал Лифлянд. Всё-таки про Нефёдова следовало сказать, глядишь, и выпалит на нервах старик что-нибудь ещё. Но в палате юриста не было.

— Перевели его в неврологию, — дежурная медсестра зевала, пытаясь сбить сон кофейным напитком из автомата, её сменщица ещё не появилась. — Мозгами поехал.

— В смысле?

— Да сегодня в четыре утра как заорёт, я прибежала, а он сидит на кровати и в одну точку смотрит, и бормочет что-то непонятное. Я его спрашиваю, он не отвечает, словно нет меня. Прислушалась, а он тихо так — «Программа завершена, память очищена». И повторяет это из раза в раз, хохма, да?

— И что тут смешного? — не понял Димка.

— Куприн, ты тупой? Он же этот, адвокат бывший, а стал вроде как программистом. А, ладно, чего с тобой говорить, нет у тебя чувства юмора.

— Есть, — обиделся молодой человек. — Галь, так чего с ним?

— Медведчук его смотрел, говорит, на почве алкоголизма синдром Корсакова, осложнённый чем-то ещё, в общем, полный распад личности, себя и других не узнаёт, но про то, как надо в туалет ходить и ложку держать, помнит хорошо. В психушку определяют, он и так-то долго бы не протянул, а там его доконают. Тебе от него чего надо было?

— Пункцию у него брал вчера для Чурова, хотел посмотреть, как он.

Медсестра огляделась, наклонилась к Димке.

— Куприн, ты свихнулся? Опять за свои штучки взялся? А я где была?

— Вахтёр сказал — в магазин ушла. Или не в магазин?

— Так. Забыли про субботу и этого Лифлянда, я была здесь, а тебя тут не было. Договорились?

— Лаборантка ещё, мы с ней вместе.

— Новенькая, плоская которая? — Галя выпятила внушительную грудь. — Сам с ней разберёшься. У тебя смена начинается? Димочка, красавчик, подмени, а? Вот позарез надо на часик домой сбегать, ты посиди здесь.

Лаборантки в планах у Димы не было, была следователь Нестерова. И планшет. И сон — сутки в больнице выматывали, словно неделю кирпичи таскал.

— Спускаешься в подвал? — Светлана Вадимовна опять что-то готовила.

Димка всерьёз опасался за своё здоровье и размер талии — обычно он ел, когда был голоден, но в последнее время начал замечать, что рука тянется к пирожку или куску паштета просто так, потому что это есть.

— Картошку посмотрю, давно лежит, как бы не начала гнить.

— Правильно, заодно мне пакет набери, наделаем драников. Любишь драники со сметаной?

Парень вздохнул, обречённо кивнул, затворил люк, и полез за планшетом, а когда достал, принялся рыться в тайнике. Монеты не было. Ни в терминале, ни в самом тайнике, ни на полу. Пришлось подняться наверх, посмотреть запись с камеры. Она стояла под углом, и включалась, когда зажигался свет.

С четверга подвал посещали три раза, и все три — гостя из деревни. К тайнику она не подходила, зато вынесла четыре банки огурцов, воровато оглядываясь. Судя по тому, что в холодильнике стояла только одна, ещё три пропали бесследно.

— Вот так, приюти у себя жуликов, без штанов останешься.

Димка перемотал записи несколько раз туда и обратно, но никто его сокровища не трогал, если, конечно, не сделал этого в темноте, с фонариком или наощупь. По-хорошему, камеру надо было настроить на движение, но раньше в этом необходимости хозяин дома не видел, а теперь поздно было — монету кто-то украл. Он повертел в руках планшет, и тот внезапно включился сам.

Кружочек с непонятным символом стал больше, и опять пульсировал, вместо меню сразу появился мессенджер, а в нём одно новое сообщение без обратного адреса:

«Напоминаю, что обсуждение программы с участниками и посторонними лицами запрещено. Содержание беседы проанализировано, нарушение признано незначительным. Штраф — 15000 единиц.»

Внимание! Ваш баланс перешёл в отрицательную зону, срок погашения долга — двадцать пять недель. Если отрицательный баланс сохранится, участие в программе будет прекращено, неиспользованные средства вернутся на счёт, за вычетом обычной комиссии и расходов на погашение долга.

При отрицательном балансе вы не можете — оставлять сообщения другим участникам программы, изменять частоту синхронизации, оплачивать страховку, покупать дополнительные опции и оболочки, получать вознаграждение в исходном слое, а также пользоваться терминалом и накопительным жетоном.

Координатор».

На страничке баланса сумма в 13424 единицы светилась жирно-красным. Через несколько секунд экран планшета погас, но сумма долга осталась, к ней прибавился ещё один набор цифр — 24:6:18:47:05. Последние две цифры менялись, и когда дошли до нулей, предпоследняя пара уменьшилась на единицу. Димка догадался, что идёт обратный отсчёт, только от этого ему холоднее не стало. Впрочем, и теплее тоже, то, что через несколько месяцев он не будет одновременно двумя людьми, его не расстраивало, подумаешь, легко пришло — легко ушло, есть и игры и поинтереснее, чем в алкаша и спецслужбы. Куда больше молодого человека занимала мысль о том, что хорошо бы следователь Нестерова поскорее закрыла дело, и снова стала просто девушкой, которую можно на свидание пригласить. Эта знакомая ему нравилась гораздо больше, чем та, в другой реальности.

(15). Сторона 2. 30 апреля, четверг

(15). Сторона 2. 30 апреля, четверг.

— Один мой товарищ, он тоже был героем, — напевал я себе под нос, держась за рукоятки шайтан-машины.

Агрегат, стоявший в углу дворницкой, оказался уборочным комбайном производства ГДР, причём достаточно свежим, позапрошлогоднего выпуск. По сути, это был модернизированный промышленный пылесос, заглатывавший в себя мусор, который внутри прессовался в аккуратные брикеты из собачьего дерьма, бутылочных осколков, окурков и обёрток от мороженого, надёжно скрепленных порошковым клеем и водой. По замыслу инженеров компании Мультикар, такие брикеты вполне могли использоваться для строительства небольших немецких домиков с черепичной крышей, но в Советском Союзе своего кирпича хватало. А нужного клея — не было вообще, точнее, он был где-то на складе, но до рядового дворника не добирался. Поэтому брикеты получались рыхлые и ненадёжные, из таких ничего путного не построишь. Мой предшественник, настоящий Соболев, механизм слегка модернизировал, добавил тумблер, который направлял сжатый воздух в обратном направлении — желателью, в мусорный бак. Компрессор в немецком девайсе стоял мощный, его хватало, чтобы в турбо-режиме запустить снаряд аж на крышу. Или в нарушителя общественного порядка.

— Анохина, — крикнул я, — опять твоя шавка насрала на газоне, а ведь я тебя предупреждал по-хорошему. Анохина, ты дома?

Анохиной дома не было, она в это время в магазине покупателей обсчитывала и обвешивала, зато доберман выглядывал в окно, а его дерьмо лежало на земле. Подвёл сопло, втянул, перевёл тумблер в нейтральное положение, направил сопло на окно, щёлкнул переключателем сначала на компрессию, а потом на очистку — давление в агрегате резко подскочило, и подарок ушёл на второй этаж прямо к псу-изготовителю.

После странного разговора с сумасшедшим Лифляндом я понял, что всё в этой жизни временно. Не в той, в которой настоящий я, а в этой. В себе я пока что был уверен, и точно знал, что на просьбу старика не поведусь, но на всякий случай увеличил количество уколов — готовился к неожиданностям. Вторник, четверг и суббота, чётные дни недели, к тому же внутримышечно лекарство действовало хуже, состояние эйфории практически не появлялось, да и бодрости прибавлялось значительно меньше.

Зато появилось определённое беспокойство, похоже, у меня начинало развиваться раздвоение личности. В теле Соболева я чувствовал себя взрослее и свободнее, даже вёл себя по-другому, неосознанно копируя своих знакомых среднего и пожилого возраста — Чурова, Натаныча и отчима. А когда сознание сливалось, понимал, что за мной, молодым дураком, в реальном мире нужен глаз да глаз, но сделать ничего не могу, потому что я сам в это время нахожусь совсем в другом месте. Или наоборот? С определённого момента перестал я сам себе доверять на сто процентов, жизнь на два тела, возможно, для кого-то была весёлым приключением, а для меня источником стресса.

Одна из причин стресса с сумками наперевес направлялась в мою сторону — после схватки с работягами доктор Брумель решила, что я её спас, хотя на самом деле это сделали рефлексы Соболева, соседка и наряд милиции. Теперь Оксана Леонидовна при каждой

возможности склоняла меня к сексу. Не то, чтобы это было неприятно, но с такой решительностью и оглянуться не успею, как буду стоять перед регистраторшей в ЗАГСе, а оркестр сыграет марш Мендельсона — намёки с её стороны проскальзывали совершенно недвусмысленные. Прикольно, конечно, но обзаводиться семьёй в то ли игре, то ли симуляции, а может быть даже в настоящем параллельном мире, не хотелось, это ж дальше только унылое домашнее существование и полное отсутствие приключений. А если по сюжету дальше зомби-апокалипсис, то одиночество — логичный и самый разумный выбор.

— Николай, я иду готовить, а ты заканчивай через пятнадцать минут, и поднимайся обедать, — Оксана чмокнула меня в щёку и плавной походкой ушла к подъезду, покачивая шикарными, тут уж ничего не поделаешь, бёдрами.

Готовить доктор не умела, даже магазинные пельмени получались у неё плохо — или недоваренными, или разваренными в кашу, но Оксану это не смущало, потому что если не удались пельмени, то вместо них предлагались сосиски, жареная рыба из кулинарии, котлеты оттуда же или болгарские фаршированные перцы из банки. Несколько штук стояли на полке в ожидании чёрного дня вместе с банками югославского горошка и венгерской кукурузы. На другой полке лежали женские мелочи, в ванной появился ещё один стаканчик с зубной щёткой, Брумель потихоньку обживалась в однушке Соболева, ещё не догадываясь, что в пятницу наши отношения могут закончиться навсегда.

— Какая женщина, мечта поэта, — сосед Борька проводил докторшу восхищённым взглядом. — Палыч, ты чего, жениться решил?

— Слышь, поэт, ты чего не на работе? — ушёл я от ответа.

— Так эта, Палыч, болею я, — сосед старательно покашлял, — ангина или скарлатина, врачи ещё сомневаются.

— Нет проблем, вон она, — я ткнул на дверь подъезда, — тоже врач, осмотрит тебя, вылечит и пинком к станку.

— Вот ты зверь стал, когда трезвый, — Борька обиделся, — понял я, не лезу в чужие дела.

На обед мне предложили биточки из кулинарии и салат из парниковых овощей, местная электростанция обеспечивала теплом большое тепличное хозяйство. Биточки Оксана старательно обуглила, зато овощи нарезала идеально ровными кусочками. Пока я жевал, она сидела на стуле, выпрямив спину и пожирая меня томными глазами, тарелку забрала, стоило наколоть на вилку последний ломтик.

— Скажи, Коля, тебе нравится твоя работа? — спросила она.

— Ну да, — я отхлебнул сок из стакана, — свежий воздух, график свободный, опять же, жильцов к порядку приучаю. Один тут решил при мне окурочить мимо урны бросить, так я его заставил пальцами все бычки по территории собирать. Но исключительно силой убеждения. Почти.

— Это хорошо, — почему-то обрадовалась врач.

— Ты почему спрашиваешь?

— Да так, — она вздохнула, — данные твои запросили. Мы ведь карты у себя храним, когда кто-то из спецконтингента на новую работу переходит, в другой район, или на повышение, забирают все документы подчистую. Или, если с работы сняли, в соседнее здание, к обычным пациентам. Позавчера просто копии ушли, и непонятно кому, но главврач аж побледнел. Такое было, когда по Нарышкину из райкома решали, то ли в ЦК

инструктором взять, то ли послать местным театром руководить, и всю подноготную проверяли вплоть до детских прививок. Вот и я подумала, уж не собрался ли ты куда-нибудь?

— Куда?

Оксана подняла глаза вверх.

— Туда. Думаешь, я не знаю, кем ты раньше был? Только если соберёшься исчезнуть, ты хоть меня предупреди.

— Хорошо, только зачем мне, — я вдруг почувствовал, как язык начал заплетаться, словно спирта неразбавленного хряпнул, — дворник... ик...

По телу разлилось оцепенение, рука со стаканом бессильно рухнула на стол, пальцы разжались, и томатный сок некрасивой красной лужей пролился на скатерть. Я попытался найти взглядом Оксану, но глаза тоже не слушались, смотрели в одном направлении, всё расплывалось.

Докторша нашла сама, она деловито постучала меня по груди, пальцами раздвинула веки, пощупала шею, потом достала из сумочки телефон.

— Он готов, приезжайте.

Минут пятнадцать я сидел, тупо глядя в стену. Хорошо хоть не в окно, потому что зрачки, похоже, расширились, и свет доставлял дискомфорт. Оксана шуршала в комнате, я слышал стук открываемых ящичков, шорох перебираемых вещей, внутри поднималась злость. Эта тварь меня чем-то опоила, и одного только секса не хватит, чтобы теперь со мной расплатиться, дайте только пошевелюсь. И тогда моя месть будет такой ужасной, что все сдохнут. Всё, пацифизм закончился, бензопилу в руки и в рейд.

— Ты только не подымай раньше времени, — моя подруга погладила меня по голове, — Колюня. Всегда такой доверчивый, аж жалко тебя. Проходи.

Это она сказала не мне, а кому-то ещё.

— Он в сознании? — спросил мужской голос.

— После такой дозы? Нет, он ничего не слышит и не видит.

— Жучки есть на нём?

С руки, которая всё еще держала стакан, сняли часы, положили рядом. Перед глазами появился предмет, похожий на теннисную ракетку, им поводили возле лица, периферическим зрением я кое-как видел, что и с остальными частями тела проделывают то же самое.

— Хорошо. Взяли!

Меня взяли и понесли. Похитителей, включая докторшу, было четверо. На улице врач-убийца сказала любопытным, что у меня сердечный приступ, но ничего серьёзного, а больницу везут на обследование, проверить на аппарате МРТ. Соседи ещё восхищались, как хорошо, что у Палыча дама сердца — врач, и вовремя его спасла. То есть спасает.

В машине скорой помощи Оксана уселась рядом со мной, а обладатель мужского голоса, блондин в очках, рядом.

— К чему такая спешка? — спросила докторша.

— Ты была права, забирают его. Завтра бы отправили на Урал, в спецклинику, нам туда не добраться. Ты уверена, что осколок у него внутри?

— Конечно. После той дозы, что я ему дала три недели назад, любой бы скопытился, а этот выжил. Колол себе витаминки, якобы секретной разработки, чтобы внимание отвлечь, но вы ведь их проверили?

— Да, обычный В12, без добавок. Как мы его найдём? Пропустим через рентген?

— Нет, на рентгене ничего не нашли, и на МРТ тоже, только недавно просвечивали. Придётся по частям отрезать и смотреть, проявится осколок или нет, — Оксана поёжилась, — а для этого он по возможности должен быть живым. Вы же понимаете, что мне теперь нельзя обратно на работу?

— Новые документы готовы, доберётесь до Читы, а там через закрытую зону вас проведут к базе. Всё, приехали.

Меня снова подхватили, вытащили на улицу. Участок, обнесённый высоким забором, одноэтажное здание с окнами, забранными решётками.

— Он вроде дёрнулся! — забеспокоился очкастый.

— Не говори глупостей, — голос у Оксаны звучал совсем не так, как раньше, в нём чувствовалась сталь, — хочешь, я тебе столько же налью, а потом посмотрим, как ты будешь бегать и прыгать.

— Ладно-ладно, верю, — примирительно сказал мужчина. — Так, давайте, кладём его на стол.

Более-менее чётко я видел только стену — положили меня почему-то на бок. По виду комната была похожа на операционную, или даже на прозекторскую, когда меня кантовали, я заметил на столе раковину с краном. На столике неподалёку разложили инструменты, там, среди скальпелей, секционных ноже и пил, лежали молотки и топорики. Похоже, Соболева собирались разделать на части.

Подошла Оксана, сменившая лёгкое пальто на синий халат и дермантиновый фартук, она бросила сумочку на стул рядом со мной, подошла к инструментам, и начала в них копать.

— Где датчик излучения? — спросила она.

— Уже везут, — очкастый тоже переоделся, — будет через полтора часа.

— Ты идиот? Зачем тогда такая спешка, я могла его и вечером подготовить, а теперь весь дом видел, как мы его увозили.

— Мозгами пошевели, курица, — не остался блондинчик в долгу, — днём народу меньше, чем вечером, да и скорую эту только к ночи хватятся. Пролежит он полтора часа?

Оксана пропала из поля зрения, и появилась с капельницей, игла вошла мне в вену, и голубоватая жидкость капля за каплей начала уходить из подвешенного баллона.

— Если убьёшь его, с тебя шкуру живой снимут, в прошлый раз пронесло, а в этот и не надейся, — предупредил её поделщик.

— Без тебя знаю, — огрызнулась докторша. — Хочешь, вон, привяжи его.

— А надо?

— Ну ты же мне не доверяешь. Капельница рассчитана на сорок минут, потом вторую поставлю.

Очкастый плюнул, попав мне на ногу, и заткнулся. Через несколько минут они вышли, и уже за дверью продолжили переругиваться, постепенно голоса стихли.

Странно, но от капельницы хуже не становилось. Даже наоборот, минут через десять я смог подвигать шейю, плечом, левой рукой, сначала только верхней частью, а потом целиком. На этом, правда, мои успехи закончились, ноги я вообще не чувствовал, а правую руку, на которой лежал и в которую воткнули иглу, ощущал ребром — локоть туда вдавился. В пределах досягаемости не было ничего, чем бы я мог себя защитить. Разве что в сумочке Оксаны Леонидовны что-нибудь полезное лежало, я дотянулся до стула, стараясь не

скрипеть, подтянул его к себе поближе. Не знаю, что я хотел найти, пистолет или хотя бы нож, но наощупь там были только цилиндрики и плоские коробочки. Помада и тушь. А ещё бумажник и телефон.

Набирать номер одной рукой, стараясь не выронить трубку, было тяжело, но я справился.

— Зина? — спросил я, услышав мужской голос, поинтересовавшийся, кто его беспокоит.

Мой собственный был хриплым и почти неразборчивым. Собеседник на том конце попытался сказать, что таких там нет.

— Слушай сюда, Зина. Я — Соболев, меня похитили, сейчас держат в какой-то глуши и собираются резать на куски. Не знаю, с кем ты свяжешься, но если ваши люди здесь не будут через час, от меня только обрезки останутся. Понял?

— Да, — коротко ответил незнакомец, и положил трубку.

Из последних сил засунул телефон обратно в сумку, отодвинул стул, начала накатывать тошнота, сознание словно разделилось — вот лежу я, Дима Куприн, в теле майора Соболева, и вот кто-то ещё. Совершенно чужой, нечеловеческий, монстр какой-то. Мозг словно обдало холодом, тошнота стала сильнее, меня вырвало пережаренными котлетами в томате с гарниром из тщательно пережёванных огурцов. Если бы лежал на спине — захлебнулся, а так постарался, чтобы и до сумочки долетело.

Оксана вернулась, когда раствор почти закончился. Она поменяла капельницу, посветила мне в глаза фонариком, проверила отсутствующие рефлексy. Потом вытащила из ряда инструментов секционный нож, примерилась.

— Куда он впитался, интересно, — заговорила докторша сама с собой. — Соболев, может ты скажешь, какого размера этот осколок, миллиметр, или как булыжник? В прошлый раз ты разговорчивее был, всё про жену свою рассказывал и её нового мужа, про дочку, я аж всплакнула. Все вы, мужики, идиоты, вам лапшу на уши, вы в ответ слюни распускаете. Эдик, ну что?

— Скоро будет, — появился в поле зрения блондинчик, — этих я успокоил, они ведь больше не нужны?

— Идиот! А кто будет отсюда выносить все эти куски?

— Сама дура, ты что, собралась за собой прибираться? Сожжём всё, делов-то. Ну что, приступим? Шеф приедет, а мы уже кое-что для него подготовим.

— Да, — Оксана оглядела меня с ног до головы, — давай с предплечий начнём, перетягивай жгутом чуть выше локтя. Алгоритм простой, отрезаем кусок, ждём пять минут, если излучение пропало, осколок в этом куске.

— А если он в голове? Что будем делать?

— Мне откуда знать, — докторша раздражённо дернула плечами, — распилим голову на куски, я вообще не знаю, что это и как выглядит, пусть у начальства голова болит. Скажет отрезать — отрежу, а остальное не моя забота. Погоди, стучат вроде.

— Это он, — очкастый направился к двери, — ты пока сама жгутом.

— Козёл ленивый, — отреагировала Оксана. — Как думаешь, Коленька, мне это приятно, живьём тебя кромсать? Вы, мужики, эгоисты, только о себе и заботитесь. Сказал бы, где и что искать, и не мучился, а теперь всё, поздно.

Она приложила нож к локтевому суставу — я его не видел, но почувствовал холод и разошедшуюся от разреза кожу, потом передумала, и взяла со стола пилу, примерилась.

— На вашем месте я бы этого не делал, — раздался голос со стороны двери.

Брумель долго не раздумывала, она попыталась ударить меня пилой в горло. Закруглённый край упёрся в хрящ, Оксана напрягла руку, продавливая стальную полосу дальше. Раздался выстрел, она покачнулась и медленно свалилась со стула.

Перед глазами появился полковник, он помахал рукой.

— Эй, Соболев, слышите меня?

Я кивнул.

— Отлично. Вовремя вы позвонили, где часы?

В хрипе навряд ли что-то можно было разобрать, но это полковника не расстроило. В комнате появились люди в форме, меня снова подхватили и понесли. И я не был уверен, что моё положение улучшилось.

(16). Сторона 2. 3 мая, воскресенье

(16). Сторона 2. 3 мая, воскресенье.

Говорят, что человек склонен себе всё прощать. Не знаю, я, когда оставался на той стороне без моего присмотра, был, похоже, тем ещё дебилом. Вот за каким хреном я полез к Лифляндю с расспросами? Теперь на мне висит долг, который неизвестно как отдавать, я не могу следить за состоянием своей оболочки здесь и настоящего тела там. А ещё наверняка тот Дима Куприн, который жил в реальном мире, думал то же самое обо мне. Повёлся на женское тело и недоваренные пельмени, если так подумать, кто имел доступ к медкарте и всем данным Соболева? Доктор Брумель Оксана Леонидовна.

Её до конца не убили, пуля попала в плечо и раздробила сустав, от болевого шока, наверное, сознание потеряла. Когда меня грузили в одну машину, её относили в другую, в пластиковых стяжках. А потом я тоже потерял сознание, и очнулся только в воскресенье утром. Как я это узнал? Лежал и проживал вторую жизнь, точнее, первую.

А вообще, с этим раздвоением надо было что-то делать. Самый простой вариант — синхронизироваться ежедневно, тогда объем передаваемой памяти будет меньше, и не придётся гадать, что же такое скрывалось в тех процентах, которых не хватало до ста. Стоил этот процесс вроде бы недорого, всего 10 единиц за раз, но светило мне такое счастье, если верить инструкциям координаторов, не раньше нового года. И то, если я долг закрою, иначе вместо одного Димки Куприна станет двое — уже навсегда.

Перевернулся со спины на бок, пытаюсь разглядеть хоть что-то в кромешной тьме, и задел что-то на тумбочке. Это что-то упало и разбилось, через несколько секунд в темноте появился освещённый прямоугольник, а в нём — чей-то силуэт.

(17). Сторона 1. 3 мая, воскресенье

(17). Сторона 1. 3 мая, воскресенье.

— Ещё раз меня пихнёшь, в лоб дам, — пообещали с другого края кровати. — Ты чего такой беспокоющийся?

Димка не ответил, поднялся и пошлёпал в туалет. Майя, так звали новую лаборантку. С короткой разноцветной стрижкой, пирсингом в пупке и левой брови, татуировками по всему телу и маленькой грудью. Он добрался до унитаза, опёрся рукой о стену. Алкоголь — враг организма.

И правительство. Вот кто им посоветовал сделать длинные выходные на май? Новый год ещё как-то можно пережить, народ тренированный, готовится заранее, и погода холодная, особо на улице не посидишь. А тут — весна, солнышко, листья распустились, травка упругим плотным ковром подпирает надувной матрац, костёр весело трещит под казаном, а в нём и мясо, и катрошечка, и перчик. Если пиво в покрытых капельками ледяной воды бутылках, это если эстет, или в пятилитровой баклажке, когда важно количество, а не содержание и форма.

Первого, в пятницу, все вроде как дома разгонялись, а второго собрались большой компанией на большом участке. Воронцовы принесли домашнее вино, сосед достал очередную бутылку черноплодки, и понятно, что пришлось выяснять — чьё лучше. Две семилитровые бутылочки на тринадцать человек, разве это много, по весне да под закуску в самый раз. А вот пиво было уже лишним. Димку, как самого трезвого и вообще хозяина дома, послали в магазин, там он Майю и встретил, девушка орала на продавщицу. Та решила, что лаборантке ещё нет восемнадцати, и вообще она засланный казачок, из проверяющих, поэтому сигареты продавать без паспорта отказывалась. Пришлось помочь — Димку-то знали хорошо, местный, продавщица за кассой стояла, когда он под стол только ползал. Слово за слово, к компании прибавился четырнадцатый участник, Майя от пива гордо отказалась, и пила только самогон, который у Дмитрия стоял уже второй год в погребе, всё никак не заканчивался.

Корм для унитаза закончился, молодой человек спустился вниз, на кухню, открыл и закрыл холодильник. Тётя Света, уезжая, всего наготовила на неделю, но вчера до последней крошки подмели, даже пельмени и пирожки из морозилки. Два яйца, молоко, по запаху — прокисшее, и полбатона хлеба.

— Я бы сейчас тоже пожрала, — раздался сзади голос. — Чего тут? А в морозилке? Может у тебя ещё один холодильник есть?

Всё это Майя говорила, обшаривая кухню.

— Нет, другого нет.

— Слышь, скорострел, дама кушать желает, — лаборантка икнула. — И вообще, у меня отходняк от твоей спиртяги, ты когда в следующий раз гнать будешь, хвосты тщательнее отсекай.

— И откуда ты такая умная взялась, — Димка вздохнул, и пошёл к двери в подвал.

Майя увязалась за ним, а когда спустилась в полутёмное помещение, присвистнула.

— Ого, да ты, оказывается, не такой уж лох, как на первый взгляд. Чего тут, огурчики? А

это сало, да? И лечо! А вот это что за хрень?

— Баклажаны острые.

— Ага, сойдёт. Не, тушёнку не хочу, это надо макарошки варить, а мне лень.

Она подхватила четыре литровые банки, и быстро, словно кто-то отбирал, полезла обратно. И когда Димка вернулся на кухню, уже эти банки открыла. Парень взбил яйца, кинул кусочки сала на сковородку и сел ждать, когда они поджарятся.

Лаборантка ждать не собиралась, она напилела жирную просоленную свинину толстыми ломтями, и заедала её баклажанами.

— Ты сам это делал? — прочавкала она.

— Ага.

— Никому не говори, особенно девке какой-нибудь, тебя любая вокруг пальца обведёт и на себе женит. Кстати, кто такая Оксана?

— Какая Оксана?

— Тебе лучше знать, ты всё там кряхтел — Оксана, нет, не надо, Оксана, — девушка кое-как изобразила бормочущего дебила. — А потом язык вывалил и слюну пустил.

— Не знаю, приснилось что-то, — Димка покраснел.

— Ого, да ты по ночам просто жеребец, — Майя засмеялась, подавилась, и еле откашлялась. — Я так сдохну от этой жрачки. А это что?

Она подцепила жирными пальцами повестку от следователя, валявшуюся на столе в коробке с квитанциями.

— Да следователь вызывал.

— Чего ему от тебя нужно-то?

— Тут один старичок то ли сам помер, то ли грохнули его, а я труп забирал. Вот и прицепились ко мне. Нефёдов.

— А, знаю, дедулька мой, — лаборантка посмотрела на лечо, на живот, вздохнула и полезла ложкой в банку. — Сдох, сука.

— погоди, — Димка опешил. — А второй, которого из реки вытащили...

— Дядя Кирилл? Тоже тот ещё козёл, и тётя Лена — сучка. Вся эта семейка друг друга стоит, ну кроме папашки моего, единственный приличный человек. Хорошо, что ты этого старого засранца только мёртвым видел, он, гад, бабушку мою со света сжил, дядя бандитом стал, отец от него сбежал, едва школу закончил, а женился — взял фамилию матери.

— А мой отец у него водителем работал, — зачем-то сказал молодой человек, выкладывая яичницу с салом на тарелку. — Пропал без вести, как под землю провалился. Я не родился ещё тогда.

Майя как сидела с открытым ртом, так и замерла. Потом вытерла губы салфеткой, встала, с лица исчез румянец.

...! — сказала она. — Ты — Куприн.

— Ну да.

— Вот я дура, сразу не сообразила. И мы с тобой трахались. И целовались!

— В другом порядке. И что, сама так захотела.

— Ты дебил? — лаборантка взяла банку, явно собираясь швырнуть её в молодого человека, но усилием воли вернула на стол, — твой отец — Киря, то есть дядя Кирилл, то есть... Мля, это получается, я со своим братом двоюродным. Меня сейчас вырвет.

— Какой ещё Киря?

— Ты тупой, Дмитрий Куприн? Твоя мамашка и мой дядя, того, шпили-вили, вашу

маму. То есть твою. Мне отец рассказывал, мол, у дедульки внучок под боком растёт, а тот его игнорирует. А я вот... Очешуешь!

Она бросилась из кухни наверх, и через минуту буквально спустилась, злая, одетая и с сумкой.

— Ничего не было, родственничек, заруби себе на носу. Ни-че-го!

Димка хотел было её остановить, но Майя пулей вылетела из дома. Молодой человек пожал плечами, доскрёб вилкой тарелку и пошёл досыпать — после еды кровь, приливающая к желудку, провоцировала сонливость. Ещё одна тайна прошлого раскрылась невовремя.

(18). Сторона 2. 8 мая, пятница

(18). Сторона 2. 8 мая, пятница.

Довелось мне однажды поехать в санаторий неподалёку от нашего города — не по своей воле, бабушка там социальную путёвку осваивала, и я её вещи привозил. Санаторий этот когда-то, при советской власти, был для блатных — обслуживал местное коммунистическое начальство, а потом его несколько раз перепродавали, прежде чем наш социальный фонд его приобрёл. Ремонт там, конечно, делали, но косметический, с прежних времён сохранились скрипучие лифты, пыльные ковровые дорожки на линолеуме, неказистая обстановка номеров и санузлы в белой квадратной плитке. Зато территория с тренажёрами из швеллеров и труб, такой же детской площадкой, дорожками, отсыпанными мелким гравием, и деревянными беседками, была огромной, почти настоящий лес.

То место, где я оказался после предательства практически дамы сердца, не сильно от того санатория отличалось. Длинное трёхэтажное здание, в левом крыле располагались врачебные кабинеты, а в правом жили отдыхающие. Их я почти не встречал — еду мне приносили в одноместную палату, на прогулку выпускали ранним утром, когда остальные ещё спали, в бассейн и на процедуры — по ночам. В соседнем номере, за дверью, сменяли друг друга охранники, их всегда было трое, они играли в карты, тихо ругали начальство и постоянно пытались проверить, что я делаю. Первый день я ещё кое-как терпел, а потом пригрозил, что уйду, и проверки прекратились.

Режим не менялся с воскресенья, в семь утра я ложился спать, и просыпался в три или в четыре часа дня, обедал, пытался почитать местную прессу — в основном газеты «Правда» и «Известия», или журнал «Наука и жизнь», потом у меня брали анализы, и до восьми вечера предоставляли самому себе. В восемь я ужинал, в десять — шел на процедуры. Там врачи выкачивали из меня кровь и другие жидкости, заставляли крутить педали тренажёра, облепливали проводами, крутили в центрифуге, погружали в воду и не давали всплыть, в общем, развлекались как могли. В пять утра я плавал, в шесть — выходил на улицу подышать воздухом, и в семь опять отправлялся на боковую.

Доблестные органы этого мира обо мне словно забыли. До вечера пятницы.

В семнадцать ноль-ноль вместо ужина появился мужчина в штатском, с короткой стрижкой и надменным лицом, с собой он принёс ботинки, костюм и тёмно-синюю рубашку.

— Одевайтесь, — приказным тоном сказал он

— Нет, — я лежал на кровати, отгадывал кроссворд в «Вечерней Москве» и никуда ехать не собирался.

— Мне что, вас насильно одеть, гражданин Соболев?

— Попробуй, верблюду.

— Что?!

— Верблюду. Корабль пустыни из семи букв, — я показал газетный лист. Собеседник и вправду на этого верблюда смахивал, толстыми губами и приплюснутым носом. — Эй, за стенкой.

Послышался шорох, звук отпираемого замка, в створ двери просунулась голова.

— Это из вашей конторы фраерок? Борзый он больно.

— Сейчас проверим, Николай Павлович, — голова втянула в комнату мощное тело, которое заграбастало удостоверение гостя такой же мощной лапшей. — Майор, оставьте вещи и ждите внизу.

Майор в штатском попытался было возразить, но ему под нос сунули такую же красную книжечку.

— Из пятки, — сказал охранник, — они там все на голову звезданутые. Вы не торопитесь, по инструкции один из нас должен с вами ехать.

— В следующий раз решишь пошутить, я тоже пошучу, — пообещал ему. Наверняка этот майор мимо охраны не прошёл, и эти сволочи сидели за стенкой, развлекались за мой счёт.

— Понял, не дурак, — согласился охранник, и скрылся в соседней комнате. Оттуда послышался его голос, — слышали, космонавт какую кликуху Мамулову дал? Верблюд! Пряма в масть!

Внизу стояла чёрная машина с наглухо затонированными стёклами, мой сопровождающий открыл заднюю дверь, согнал с сиденья майора и сам уселся рядом со мной. Майор Мамулов только челюсти сжал от злости, но ничего не сказал.

— На шестой объект, — распорядился охранник, — только сначала товарища завезём по дороге.

Водитель посмотрел на майора, потом на красную книжечку моего сопровождающего, кивнул, машина вылетела на шоссе через открытый шлагбаум. Изнутри обзор был таким, словно стёкла оставались прозрачными, я повертел головой, пытаюсь определить, где мы находимся, но быстро сдался.

Мамулов сдался через десять минут.

— Пожалуйста, объясните мне, товарищ Сайкин, что происходит, — сквозь зубы произнёс он.

— Это ты у начальства узнаешь, — добродушно ответил Сайкин. — Николай Павлович — лицо важное, но секретное, поэтому у меня приказ вам с водителем выколоть глаза, чтобы вы не могли его опознать. Да шучу я, Мамулов, как распорядились, так и выполняем. Нашето с тобой дело маленькое, но если ты любознательный, можешь начальство потрясти.

— Так и сделаю, — пообещал майор. Как раз в этот момент машина остановилась, и он вышел, хлопнув дверью.

За стеклом возвышалось какое-то стеклянное здание, рядом брнчал трамвай, немногочисленные пешеходы в сумерках неторопливо прохаживались по тротуару. Мы выехали на набережную, потом на какое-то шоссе, заехали в гараж, пересели из одной машины в точно такую же другую, и через двадцать минут снова оказались за городом. Ещё через десять минут машина свернула в лес, и остановилась у шлагбаума. Постовой с автоматом проверил у Сайкина документы.

Новый водитель, женщина, всю дорогу молчала и свою книжечку красную не доставала. Зато, когда мы подъехали к группе двухэтажных строений и припарковались на площадке, она вышла первой и, не оглядываясь, зашла в дом. Сайкин завёл меня туда же, женщина сидела в кабинете, с канцелярскими шкафами и столом из дсп, и что-то писала в планшет.

— Задержанный Соболев доставлен, — доложил Сайкин нашему водителю. Или водительнице?

— Присаживайтесь, Николай Павлович, — женщина кивнула на стул.

Ей было лет сорок, некрасивое плоское лицо с тяжёлым подбородком и почти

бесцветными глазами. Рыжие волосы забраны в хвост, на носу очки в тонкой оправе, надела она их только в кабинете.

— Полковник Ланская Софья Николаевна

Женщина протянула мне руку, крепко сжала ладонь. Пальцы у неё были тонкие и сухие. Некоторое время она сидела и смотрела мне прямо в глаза.

— Если это всё, я пойду.

— Куда?

Вопрос не застал меня врасплох.

— Домой.

— Метлой махать и какашки собачьи швырять в окна? — проявила свою осведомлённость женщина-полковник.

— Хоть бы и так. У нас, — вспомнил я какой-то старый фильм, — любой труд в почёте.

— Это верно. Знаете, что тут у меня? — она приподняла планшет. — Два документа. Один, по которому вы, товарищ Соболев, сговорились с иностранной разведкой, и только вовремя проведённая операция второго управления сорвала ваш план. А второй, то, что ваше похищение было делом заранее спланированным, и вы в этой операции участвовали смело и решительно, не щадя жизни, проявили мужество и гражданскую сознательность.

— А если без пафоса?

— Без пафоса, — Ланская достала сигарету, прикурила от золотой зажигалки, — облажались наши сотрудники. Вон сколько времени вас Брумель пасла, а они ни слухом, ни духом, да и остальные тоже расслабились. Так что, если я отмечу, что вы по глупости или из-за мести с ней пошли, полковнику Смирновскому несдобровать, как и кураторам вашим, Запольскому и Бойко. А если по договорённости, получается, вы — герой, прямо хоть очередной орден вешай на грудь. Ну так что решим, герой вы или предатель?

— Один не решу, посоветоваться надо.

— С кем? — удивилась женщина.

Одно имя я выучил наизусть, здесь оно почему-то играло роль палочки-выручалочки.

— С бывшим тестем моим, Левоном Геворковичем. Он, знаете ли, тоже должен знать, кто тут предатель. Я, простой дворник и космонавт, или специально обученные люди, которые врага проворонили.

Полковник внезапно рассмеялась. На этот звук в кабинет заглянул Сайкин, повертел пальцем у виска и снова исчез.

— Я вас именно таким и представляла, товарищ Соболев, — сказала Ланская, аккуратно вытерев слезу. — Не сомневаюсь, товарищ Аграмян даст отличный совет. Ладно, герой, значит герой. Непонятно только, как вы убедили Оксану Брумель, что у вас внутри осколок, сколько раз мы вас обследовали, и ничего, а они как с цепи сорвались, всю резидентуру сдали только ради этого.

— Значит, нет осколка? — уточнил я.

— Если только где-то очень глубоко он запрятался. А он нам нужен, товарищ майор. Очень нужен. Жак Легран так и не рассказал ни нашим, ни своим, где эта пещера, вы тоже ничего не помнили, может быть, сейчас что-то промелькнёт в памяти? Нет? Американцы всю округу обыскали, ничего не нашли, и мы тоже.

Я сидел и сдержанно улыбался. Соболев, похоже, куда-то крупно влип, а теперь мне за него отдуваться. И где здесь безопасность на девять тысяч единиц? За неполный месяц со мной что только не делали, и травили, и резали, и ножом тыкали, вот включится планшет, то

есть терминал, всё туда напишу, пусть возвращают.

— Что?

— О чём задумались, Николай Павлович?

— Зарплата у меня была вчера, — первое, что пришло в голову, сказал я. — Сто шестьдесят рублей минус подоходный и алименты.

— Насчёт денег не беспокойтесь. Завтра возвращаетесь обратно, в Устинов, — полковник достала из стола папку, похлопала по ней. — Больничный мы вам сделали, отравление, уважительная причина. Сайкин вас утром до станции довезёт, до пятнадцатого свои дела закончите, уволитесь, расчёт получите. Не нужно, чтобы разговоры раньше времени пошли, скажете, родственник ваш, брат троюродный, на заработки зовёт в закрытую зону, хорошие деньги обещает.

— Но ведь я туда не поеду?

— Не торопите события, Николай Павлович, мало ли что случится. Вечером ещё раз посмотрите данные об экспедиции, попытайтесь вспомнить что-то ещё, хотя надежды мало, а потом, скорее всего, придётся вам снова вылететь на объект 36, и попытаться найти этот метеорит и пещеру, куда он провалился. Так что, товарищ Соболев, поздравляю, вы возвращаетесь на Луну, как и хотели. Довольны?

Не знаю, какой реакции ожидала от меня собеседница, на всякий случай изобразил на лице радость. А в мыслях, честно говоря, тоже порадовался — наконец-то у Соболева, то есть у меня, начнутся настоящие приключения, не всё метлой махать да собачников воспитывать, к звёздам пора двинуть. *Per aspera ad astra.*

(19). Сторона 1. 10 мая, воскресенье

(19). Сторона 1. 10 мая, воскресенье.

— А это Море спокойствия, — Димка ткнул пальцем картинку, на которой висела убывающая луна. — Представляешь, там есть место, где всё время от пятнадцати до двадцати градусов тепла.

— Врёшь?

— Сама в интернете посмотри, — именно этих слов не хватало Диме в другом мире.

Здесь — любая информация, хочешь про Луну, хочешь про торкальную хирургию, там — информационный вакуум, и главное, никто не возражает, читают газеты, смотрят восемь каналов по телевизору и играют в шахматы и домино во дворах. Зато летают в космос как в другой город, атомные станции по всей стране разбросаны и колбаса вкусная.

Следователь Нестерова, а теперь просто — Алиса, недоверчиво посмотрела на монитор, подключённый к телескопу. Хотя и подержанному, но довольно мощному, с линзой 75 мм, Димка сегодня с утра совершенно случайно прибарахлился. Умер владелец, пожилой астроном-любитель, и наследники ждать не стали, пока завещание найдут, устроили срочную распродажу. Так что Куприн вместе с телом в чёрном полиэтиленовом мешке погрузил в труповозку и телескоп. Толстая тяжёлая труба с компьютерным интерфейсом обошлась в три тысячи — и это ещё не включая слов благодарности от бухих безутешных родственников. С одной стороны, покупка бесполезная, всё можно на сайте НАСА или Роскосмоса найти, а с другой — он теперь вроде как космонавт, пусть даже не в этой жизни. Ну и сам телескоп обошёлся едва ли в десятую часть цены.

Соболев, точнее он сам в теле Соболева, реабилитировался перед самой синхронизацией, выщарапал-таки у тамошнего ФСБ очень ценную информацию.

Объект 36 находился в Море Спокойствия, как раз в одном из таких мест, или колодцев, где из-за тени сохранялась постоянная температура выше нуля. Исследовательскую станцию построили на глубине шестидесяти метров, туда почти не проникала радиация, а в двух десятках километров нашлись богатые залежи астероидного льда. Постоянно на объекте находились двое, начальник станции Самохин и инженер-исследователь Михай Бабиц. Очередной буксир должен был привезти им углеродные стержни для растений, материалы для исследований, и замену двум временным сотрудникам, проторчавшим на этой станции уже год.

Буксир на ядерном двигателе перемещался от орбитальной околоземной станции «Заря-2» до окололунной станции «Луна-2», оттуда исследователи спускались на одном из шести лунных модулей, вмещавшем 18 человек или 4 тонны груза. База 36 не была единственной в этом районе, в сорока трёх километрах к северо-востоку, в таком же колодце, находилась американская станция «Эндевер».

Почему именно подполковник Соболев пилотировал обычный буксир, в материалах, которые оставила Ланская, не было сказано. В восемь часов по Москве, двадцатого февраля 2024 года, он забрал груз и восемь пассажиров с орбиты Земли, и меньше, чем через сутки доставил их к Луне. Пассажиров должно было быть девять, но один из них, сменный пилот лунного модуля, внезапно заболел, и его эвакуировали на Землю ближайшим рейсом.

Когда Соболев довёз груз до Луны-2, оказалось, что спускать один из трёх свободных

модулей некому — пилот, которому везли смену, выработал своё время и лежал в реабилитационной капсуле. Соболеву приказали доставить на поверхность двух исследователей, что он и сделал, за освободившимися учёными он должен был вернуться, когда сменщики передадут друг другу дела — обычно это занимало неделю-полторы. За это время подполковник перевёз материалы исследований на орбиту, вернулся к Земле с большим пилотом, забрал ещё одну группу людей, для другой лунной базы — на Южном полюсе, доставил их на место, и 1 марта вылетел на базу 36 с дополнительным грузом материалов и оборудования.

3 марта из-за сильной солнечной вспышки, часть оборудования вышла из строя, и связь с базой прервалась. Её восстановили только 5 марта, и обнаружили, что база не подаёт признаков жизни. На примерно одинаковом расстоянии между американской и советской базами появился новый кратер от удара метеорита, вызвавший небольшое лунотрясение. Разрушения зафиксировали и у американцев — автоматический зонд сломался по пути к базе «Армстронг-1», застряв в расщелине, но информацию посылал постоянно..

Димка, кстати, проверил — в интернете об этом метеорите почти ничего не было, только на страничке НАСА короткая информационная сводка, да, упал третьего марта 2024 года в море Спокойствия, неподалёку от места, где когда-нибудь появится лунная колония. Американская.

Но это в его мире, а в мире Соболева, 6 марта с Земли вылетели сразу две спасательные экспедиции — советская и американская, советскую возглавил полковник Велесов. Челнок с дополнительным блоком двигателей прилунился рядом с базой, зафиксировал разгерметизацию шлюза и американский луноход возле спуска в колодец. В переходном помещении спасатели обнаружили сотрудника станции «Эндевер» Жака Леграна в бессознательном состоянии, и подполковника Соболева, тоже без сознания. Легран был вооружен пистолетом Соболева, проход в лаборатории заблокировали два тела — начальника станции Самохина и одного из исследователей, прибывших на замену, как показало вскрытие, их пристрелили именно из этого пистолета. Остальные члены команды пропали бесследно, их тела не нашли.

У Жака Леграна обнаружили запись, датированную 5 марта, на которой он расстрелял своих коллег, потом перевёл реактор в режим затухания, и покинул базу «Эндевер» на луноходе почему-то вместе с Соболевым. Луноход шёл на юго-запад, к базе 36, но примерно на полпути, возле нового кратера, запись обрывалась.

Француза пришлось отдать, американцы пригрозили взорвать базу 36 вместе со спасателями, Велесов совершил какой-то героический поступок, и спас всех, а пиндосы улетели практически ни с чем. В чём состоял героизм генерала, Димка не понял, в материалах этого не было. Кажется, он зажал луноход с «Эндевера», который потом всё равно пришлось вернуть, но после того, как наши разобрали его до винтиков.

У Леграна обнаружили на отдельном носителе ещё одну запись, сделанную днём раньше, которую он пытался уничтожить, но сделал это только программно, и чип восстановили. Сотрудники базы «Эндевер» передавали друг другу кристаллы ярко-синего цвета, судя по их репликам — с метеорита, и те исчезали. Впитывались в кожу без следа. Такие же кристаллы он и Соболев рассматривали, сидя в вездеходе. Из трупов эти кристаллы тоже достали, только в изменённом виде — на костях образовались прозрачные тёмно-синие участки, у каждого из мертвецов в разных местах. Анализ ничего не показал — обычный корунд с примесью титана, как он заместил кость, практически идеально повторив

утраченный участок, учёные объяснить не могли. Корунд этот легко определялся на рентгене, никакими чудодейственными свойствами не обладал, и больше никуда не впитывался.

Зато с Леграном начали происходить форменные чудеса. Когда его обвинили в измене и пытали, тосломали руку, и она зажила в два раза быстрее. В военной тюрьме ему разбили голову, через несколько дней рана исчезла без следа, даже рубцов не образовалось. А дальше кому-то из врачей пришла в голову блестящая идея, француза начали разбирать на части, одновременно фиксируя все виды излучений, и когда отрезали голень, поймали всплеск в определённом диапазоне, идущий из бедренной кости. Только они ошиблись, отрезали остаток ноги, и получили точно такой же корунд, как и у остальных. И бесполезный труп француза.

Ланская, когда забирала документы сказала, мол, Соболева тоже пытались на части порезать, но обломались, заживало на подполковнике всё так же, как и раньше — неторопливо, и поэтому его оставили в покое. Понизили в звании, перевели в штаб бумажки переключивать. Как Соболев оказался дворником, Димка на той стороне, понятное дело, спрашивать не стал. Хорошо хоть предателем не объявили и не расстреляли, хотя и могли.

— Не думаю, что это осколок, — Ланская поморщилась, пытаясь раскурить сигарету. — Никто не думает. Совпадение. А вот наши друзья из-за бугра решили, что раз вы так быстро оклемались, то он проснулся, поэтому и бросили все силы, какие у них были. Ну и вы им, конечно, помогли, с этой докторшей закрутили по-серьёзному. Вы же советский офицер, Николай Павлович, должны понимать, что болтун — он находка для шпиона. А для дурака вроде Запольского ну совсем не помощник.

— Разжалованный офицер, — напомнил ей тогда Димка, на что полковник ничего не сказала и быстренько смылась.

В общем, жизнь в симуляции потенциально была куда круче, чем в реальном мире. Потенциально, потому что Димку в теле Соболева пока только к метле подпускали и к докторше-предательнице, а Димку в теле Димки — к телу следователя Нестеровой.

— Чего лыбишься, — Алиса подозрительно посмотрела на молодого человека.

Он кое-как отшутился, рассказал бородатый анекдот.

«Из дневника марсианина:

1 августа прилетели японцы. При помощи нанотехнологий захватили наш пост охраны за 12 часов и раздали всем суши. Было вкусно, но хватило не всем. Сожрали японцев.

2 августа прилетели американцы. При помощи переговоров захватили наш бункер за 6 часов и раздали всем печеньки. Было вкусно, но хватило не всем. Сожрали американцев.

3 августа прилетели русские. При помощи лома и какой-то матери захватили наш штаб за 15 минут и раздали всем звездюлей. Было невкусно, но хватило всем.»

Алиса вежливо улыбнулась, но юмор не оценила. Пришлось лезть в подвал за тушёнкой, потом варить макароны, соусом он случайно капнул на одежду девушки, и в итоге до еды дело так и не дошло.

(20). Сторона 2. 11 мая, понедельник

(20). Сторона 2. 11 мая, понедельник.

Что-то быстро прокуратура дело закрыла о смерти Нефёдова, отчим сказал, что вещество, следы которого нашёл Чуров, это был какой-то сильный транквилизатор, и его старик покупал по фальшивым рецептам, потому что давно уже кукухой двинулся. И лечил его, опять же неофициально, наш Медведчук, больничный психотерапевт, лекарства он прописывать права не имел, зато в таких болезнях неплохо шарил. По словам врача, таблетки он только порекомендовал, посоветовавшись обратиться в психдиспансер или к частному психиатру, и вообще Нефёдов не был опасным сумасшедшим, а что до суицидальных и садистских наклонностей, то у кого их не бывает. Обвинить Медведчука могли только если за то, что он не заполнял карту пациента и брал деньги мимо кассы, но заниматься этим должен был не следственный комитет, а Минздрав и налоговая, поэтому дело у Нестеровой забрали и отдали в следственный отдел полиции. Что, собственно, и вернуло отношения двух молодых людей в нормальное русло, то есть в романтическую плоскость.

Я ещё пару раз вжикнул метлой, уселся на скамейку, закурил. Синхронизация давала прожить целую неделю за какой-то час, и полнота ощущений терялась. Первый раз — он был потрясающий, но такой бури эмоций я больше не испытывал. Да, я прекрасно помнил, какими духами пахла Алиса Нестерова, и какой наощупь была её кожа, но не оставляло чувство, будто смотрю кино или сериал про свою собственную жизнь. Иногда я даже злился на себя, Дмитрия Куприна, потому что на той стороне он поступал не так, как, по моему мнению, должен был. Но пока что до раздвоения личности не дошло, я всё так же оставался одним человеком, живущим в двух мирах. Смущала только очерёдность событий, вроде как прожил пятницу, субботу, а потом блямс, и снова предыдущее воскресенье.

И появилась идея. Как только доступ к планшету восстановят, точнее, если восстановят, надо будет до трёх часов, а лучше — до пяти, увеличить длительность процесса, может, слишком быстро информация в память передаётся, и из-за этого все проблемы.

— Палыч, ты чего, уснул? — бабка со второго этажа стояла передо мной, уперев руки в бока, — Лившиц мусор мимо бака выбрасывает, а ещё академик. Куда глядишь-то.

— Он его потом и собирает.

— Всё равно, беспорядок. Вон паразит этот с ведром идёт!

Похоже, старушке просто нечем было заняться.

— Мурашкина, — я встал, опёрся на древко метлы, словно на посох, — скажи, кто у нас старший по подъезду?

— Чавось? — не поняла бабуля.

— Старший по подъезду вашему кто? Кто за порядком следит? Супервайзер?

— Нет у нас такого, прости господи, — Мурашкина перекрестилась. — Слова-то чудные говоришь, Палыч, матерные, что-ли?

— Короче, — не стал я вступать в пререкания, — ты, Вера Семённа, совсем не следишь за событиями. Тебя же назначили старшей, приказ городской администрации. Я что, простой дворник, поделаться с нарушителями ничего не могу, а ты можешь. Выше — только участковый.

— Гаспарян что-ли?

— Он самый.

— А я значит, его заместитель? — бабка хитро улыбнулась, — и главное тебя?

Такие наезды надо было пресекать сразу, старушкам только дай на шею сесть, они в покое не оставят.

— Мурашкина, пожилая женщина, а такие глупости говоришь. У Гаспаряна звание какое? Лейтенант. А я майор. Вот и подумай, кто главнее. Если я дворник, не значит, что погоны сняли. Теперь, пожалуйста, займись-ка своими прямыми обязанностями, вон Лифшиц, паразит, сейчас ведро опрокинет, а мусор мимо. А ведь он в твоём подъезде живёт, если что, участковый с тебя спросит.

— Сволочь, — моментально отреагировала бабка, и двинулась наперерез тучному мужчине с пышной кудрявой шевелюрой, который неторопливо шёл по двору, размахивая мусорным ведром, — щас я ему мозги вправлю, мигом всю науку усвоит.

Хотел было сказать «фас», но сдержался. Наводить порядок мне здесь оставалось недолго, пять дней, а потом вместе с вещами — на выход. В коммунистической симуляции частных квартир не было, все — служебные, и через неделю в однушку заселится другой дворник, а я перемещусь в другую локацию, вполне возможно, что не на этой планете.

Мурашкина догнала Лившица и орала на него так, что стёкла тряслись. Вот ведь, девяносто лет бабуле, а бодрая, как будто догоняется каждый день чем-то. Хотя почему как будто, может и догоняется, а значит, и мне пора. Прожив неделю без инопланетного допинга, я решил, что буду колоть «глазные капли» каждый день. Неизвестно, что потом произойдёт, остаться совсем без оплаченного элексира не хотелось, а с собой брать рискованно, могут отобрать.

Как почти врач, я был против такого режима приёма лекарств, а как игрок — только «за», когда бегаешь с шотганом, пузырьки эти и аптечки везде валяются, только успевай подбирать, зато когда их нет, одна дорога, на респаун.

Решив, что бабка прекрасно справится без меня, убрал инвентарь, и поднялся в квартиру. Эта неделя обещала быть спокойной и тихой — врагов схватили наши доблестные органы, внутри себя эти органы пришли к согласию. Что будет дальше, я старался не задумывать, когда ещё выпадет шанс слетать на Луну. Мне, а не Соболеву, тот вон, как таксист, туда-сюда шастал, а простому российскому фельдшеру на спутник Земли только в телескоп и любоваться.

Напевая песню из здешнего телевизора, вышел из ванной — как есть, без трусов, зато с полотенцем на голове, и уткнулся взглядом в женщину, которую видел один раз в этой жизни и ни разу — в другой.

— Здравствуйте, Дмитрий, — сказала незнакомка.

Она сидела в кресле, при виде голого Соболева покраснела, но глаз не отвела. Прямо упёрлась ими в середину организма.

— Добрый день, — я не стал доводить гостью до потери сознания, перекинул полотенце с головы на талию. — Чем обязан?

— Как церемонно, — женщина улыбнулась. — Я к вам по делу, точнее говоря, по двум. Во-первых, тридцать суток адаптации закончились, странно, что вы мне ни разу не позвонили, вопросы-то должны были возникнуть, не каждый день, наверное, перебрасывает из реальности в реальность.

— Позвонить? Может, в мессенджер написать, или на почту? Я даже не знаю, как вас зовут.

— Вы инструкцию прочитали? За холодильником?

— Да.

— На обороте был мой номер телефона.

Странно, я ничего такого не помнил. Прочитал, сложил вчетверо, убрал в карман, потом перепрятал — засунул за оббивку двери снаружи, в дырку в дерматионе возле замка. Там этот листочек и лежал с тех пор. На бумагу налипла какая-то грязь, но текст сохранился. Я развернул листок, перевернул чистой стороной.

Действительно, в углу мелко-мелко были написаны десять цифр и имя — Ирина. Карандашом.

— Ирина?

— Да.

— У меня есть вопросы. Дохрена вопросов.

— Дмитрий, — гостья покачала головой, — у вас на это было тридцать суток. Контракт проводника закончился, мне, знаете ли, не улыбается платить штраф только за то, что ваше любопытство удовлетворила. Давайте ко второму вопросу перейдём.

— Подождите, — я вспомнил Лямфельда, — а если я заплачу? Ну и вам, и штраф?

— У вас отрицательный баланс, товарищ Куприн, мне, как проводнику, информация приходит постоянно. Точнее, приходила. Или вы за последние три часа заработали два-три десятка тысяч единиц? Нет? — она достала планшет, такой же, какой был у меня в подвале на другой стороне, только к этому ещё какая-то коробочка была прицеплена. — Шесть тысяч новый контракт, плюс двести единиц в день сопровождение, минимум десять дней. Дешевле заплатить справочной службе.

— И такая есть?

— Всё у вас в терминале, Дмитрий Сергеевич. Будет доступ, уделите время, разберётесь. Ну что, с этим закончили?

— Да.

Ирина посмотрела на меня с жалостью, вздохнула.

— Ладно, один вопрос, только он не должен касаться деталей программы, которые вы можете использовать для погашения долга, и не входит в перечень запретных для обсуждения. У вас три попытки, попробуйте угадать.

— Значит, такой перечень есть? И как его получить?

— Две попытки вы использовали, осталась одна.

Я сплюнул. Сначала мысленно, а потом физически, слюной на пол.

— Так и знал, что на какого-нибудь юриста наткнусь. Хорошо, что такое страховка и зачем она нужна?

— Формально это два вопроса, ну ладно. Надеюсь, меня не накажут, — женщина лукаво улыбнулась. — Сейчас вы живёте в двух мирах, в двух оболочках, одна из них умрёт раньше, другая позже, это естественный процесс, и его не остановить. Что вы будете делать, когда останется одна, а единиц на следующую может не хватить, или вы не захотите жить на две стороны одновременно?

— Не знаю.

— Страховка. Платите каждый год, и когда единственная оболочка умирает, вы получаете новую, в зависимости от выбранной суммы. Очень выручает, если смерть — неожиданная, или не хочется зря тратить единицы на двойное существование. И вообще, она, эта двойная жизнь, очень утомительна, первые два-три раза ещё куда ни шло, а потом лучше

без всех этих волнений.

— Разве не в этом смысл программы? — я удивился.

— Если вы искатель острых ощущений или новичок — да. Но в основном обходятся одной, а вторую берут в конце жизни, это, так сказать, почти бессмертие. С ограничениями, о которых вы узнаете сами, потому что я на ваш вопрос ответила.

— Спасибо. Так что за второй вопрос?

— У координаторов для вас задание, — Ирина достала из сумки листок, протянула мне. — Стоимость — сорок тысяч.

Я развернул листок, на нём были написаны координаты.

— Что это?

— Место, которое вы должны найти на Луне. Полость начинается под слоем породы, примерно восемь метров, пробурите ход, проберётесь и уничтожите носитель.

— Что?

Женщина вздохнула.

— Дмитрий, я вам сейчас как попугай повторяю то, что мне передали, а сама ни слова не понимаю. Синие кристаллы, которые вы нашли на Луне, не выживают без материнского, он находится по этим координатам. Основная примета — полость будет изнутри полностью покрыта этими синими бульжниками. Вы понимаете сами, о чём речь?

Я кивнул.

— Отлично, потому что я — нет. Итак, среди этих кристаллов будет один, другого цвета. Красный. Вы его сразу увидите, по крайней мере мне так сказали. Висит в воздухе, размером примерно в метр, гладкий. У вас ещё осталось лекарство, в ампулах?

— Да, — с сомнением протянул я.

— Надеюсь, что осталось, потому что доставка ещё одной партии влетит, как тут говорят, в копейку. Не позднее чем за час до контакта, а лучше сразу перед ним, вколете себе десять кубиков.

— Позвольте! — я сразу почувствовал, что меня хотят, как говорится, поймать, к тому же в флаконе с глазными каплями как раз эти десять миллилитров и остались. — За курс я заплатил, и это лекарство моё. Если координаторы пожелают, могут выкупить, ну скажем, по пять тысяч за кубик.

Ирина уставилась на меня так, словно я что-то очень умное сказал.

— Значит, отказываетесь? — уточнила она.

— Нет, но эти десять кубиков я хочу получить. А лучше двадцать, чтобы наверняка.

Женщина спорить не стала, провела пальцем по планшету, и что-то начала набирать на высветившейся клавиатуре. Знаков там было гораздо больше, чем на моей, штук пятьдесят, не меньше, со своего места я их разглядеть чётко не мог, но знакомые уловил, они шли отдельно, в двух верхних строках.

— Хорошо, — наконец сказала гостья. — Координаторы согласны. Более того, они одобряют вашу инициативу, примете двадцать доз, половину за час, половину — перед контактом. Можете не колоть, а выпить.

Она отковырнула боковую крышку коробочки, прицепленной к планшету, достала маленький тёмно-синий флакончик с синей резиновой крышкой. Внутри был насыпан светло-кремовый порошок.

— Здесь двойная доза, добавьте доверху любую жидкость, лучше — спирт, но можно и физраствор, смотря как будете использовать. Хранится не больше года, — Ирина поставила

склянку на стол. — Теперь кристалл.

Она снова залезла пальцем в коробочку, достала синий камушек на цепочке.

— Это одновременно и компас, и оружие, Дмитрий Сергеевич. Он обнаружит носитель в пределах ста километров, и будет отклоняться в его сторону. А когда найдёте, просто поместите этот кристалл на поверхность большого, красного.

— И что произойдёт?

Моя собеседница набрала что-то на планшете, подождала, пока придёт ответ.

— Координатор говорит, что это вирус. Не для людей, а для носителя — достаточно заразить, и через три-четыре часа тот кристалл, большой, для людей станет безопасен, и заодно повредит другие, которые с ним связаны. На Луне вы будете без поддержки координатора, никто вам не поможет, так что постарайтесь не провалить задание. У вас на это целый год, третьего шанса может и не быть.

— Что это значит?

— Не знаю. Я передаю только то, что получила от них, — женщина встала. — Да, ещё, как я поняла, у вас скоро закончится срок до выхода из программы из-за штрафа. Ситуация критическая, его продлят, но терминал всё равно будет недоступен. Мой вам совет, личный — не наделайте новых глупостей, другого шанса может и не быть.

Ирина взялась за ручку двери, когда я её окликнул.

— Если что-то изменится, я могу вам позвонить?

— Нет. Этому телу осталось немного, может быть, неделя или две, а потом меня здесь не будет.

— У меня ещё есть лекарство, — зачем-то предложил я. — Оно ведь поможет?

— Я уж испугалась, что вы его всё вкололи, от отмены такая ломка, что можно умереть, — женщина печально улыбнулась. — И нет, спасибо, но это глупая идея. У меня отличный страховой полис

Она вышла, аккуратно защёлкнув замок. А я остался сидеть с флаконом лекарства непонятно из какой реальности, ювелирным украшением и слегка отвисшей челюстью. Вот эта фраза, про ломку, была очень неприятной, к нам в больницу привозили наркоманов — они очень не любили свой организм, и врачам приходилось его чинить. Не всегда получалось сделать это вообще, и очень редко — за день-два. Остальные что только не делали, чтобы добыть новую дозу, начиная от банальной взятки медсестре и заканчивая попыткой взлома металлического шкафа с лечебной дурью. Ну а если не удавалось, то мучились они очень сильно и громко. Мне бы так не хотелось.

— Доза в неделю, — пообещал сам себе. — Нет, по одному дню буду прибавлять. Со среды.

Со среды, потому что чувствовал я себя после недельного перерыва ну очень хреново, и даже субботний укол не очень положение поправил. Сел с календариком, начал рисовать кружочки, десятый выпал на второе августа. Отличный день для того, чтобы завязать с инопланетным коксом. Но потом вспомнил про ударную дозу, и пять уколов решил оставить про запас.

(21). Сторона 1. 13 мая, среда

(21). Сторона 1. 13 мая, среда.

Димка припарковал скутер возле потрёпанного Логана, и решил перед сменой перекурить. Он уселся на парапет, покачивая ногами, погода стояла солнечная, с еле заметным ветерком, и тёплая — до лета оставалось рукой подать. Парковка медленно заполнялась, те, кто побогаче, стоматологи всякие, проктологи и приближенные к главврачу, высаживались из личного транспорта, кто победнее — шли пешком или на велосипедах добирались. Зарплата медиков шикавать особо не позволяла. Завхоз, дядя Паша, одетый полетнему — в шортах и майке, шкрябал метлой по асфальту. На дядю Пашу заглядывался весь медицинский персонал женского пола, особенно средних лет. Димка автоматом отметил, что фигура у него похожа на соболевскую, такая же подтянутая и мускулистая. Лицо в многочисленных шрамах, с повязкой на одном глазу, и повязанная на голову косынка делали завхоза похожим на откинувшегося с корабля старого пирата. Или на бывшего военного.

Чуров приехал, когда Димка давил окурок в урне, махнул рукой, мол, подожди, защёлкнул пультом двери своего Аутландера и не торопясь дошёл до двери.

— А ну пошли со мной, — мотнул головой врач-лаборант, и чуть ли не пинком пропустил Куприна вперёд.

— Ты чего, Василич, охренел? — Димка дёрнулся, чтобы пробить двоечку, но вовремя остановился.

— Идём, — пенсионер решительно двинулся в сторону лаборатории. — Привет, девочки, а где Кудельман?

— Так не вышла сегодня, — доложила медсестра, сортируя баночки с анализами. — Заболела.

— Понятно, — Чуров открыл кабинет завлаба, дождался, когда Димка зайдёт внутрь, и захлопнул дверь. — Садись.

— Так в чём дело-то?

Врач внезапно смутился, опустил в кресло завлаба, крутанулся.

— Такое дело, Дмитрий, — сказал он, — ты с лаборанткой Кудельман в каких отношениях?

— С кем?

— Ну с Майей.

— А, с этой. Да уже ни в каких.

Василич приподнял кулак, чтобы грохнуть по столу, но опустил его аккуратно, и звук получился тихий и неубедительный.

— В общем так, девчонки болтают, что увольняется она из-за тебя, потому что ты ей голову закрутил, а потом бросил.

— Да пошла она, — Димка не чувствовал за собой никакой вины. — Вообще, что вам всем за дело до моей личной жизни. И это, Василич, ты чего здесь, а не в патологии? Повысили, что ли?

— Дурак, какое это повышение. Ну да, временно. И чего я тебе объясняю, мал ещё вопросы задавать. Ладно, ты знаешь, что Майя — внучка Нефёдова?

— Угу.

— Жопой по лугу. Отец её, Мишка Кудельман, Нефёдова сын, очень просил меня за дочкой своей присмотреть, потому что она любимого дедушку потеряла, дядю опять же, и вообще, хорошая девочка. Тут ты впёрся со своей пиписькой наперевес, задурил голову, и она вон всё бросить решила.

— Темнишь ты, Василич, — изобразил Димка майора Соболева.

Хорошо получилось, с прищуром, Чуров аж вздрогнул.

— Так и быть, — сказал он, — лучше от меня узнаешь. В общем, было у Нефёдова два сына-дебила и дочка-потаскуха, та ещё семейка. Жили они дружно, сволочи, а другим не особо давали.

— Мне Майя сказала, что её отец уехал отсюда сразу после школы, — осторожно заметил Димка.

— Ага, как же. Здесь он после школы учился, в ферме, а потом у нас в больничке лекарствами барыжил. Свалил отсюда, когда милиция его за жопу взяла, в столицу умотал, там народу много, не найти. В общем, твой отец, он с моей дочкой встречался.

— Да ну!

— Хрен загну. На рубеже тысячелетия это было. Папашка твой из армии откинулся, и к Нефёдову шоферить пошёл, моя Зинка только школу закончила, ну и они встречались. А потом Мишка Нефёдов на неё глаз положил, и у отца твоего отбил. А отец твой твою мамашу — у его брата. Короче, вся эта Санта-Барбара к чему, Мишка в столицу сбежал, там женился, взял фамилию жены, аптеку себе купил сначала одну, потом еще парочку, в общем, не бедствовал. А Серёга Куприн через два года сгинул, ну ты в курсе, земля ему пухом, как и почему, никто не знает.

— Чудеса, — Димке, по большому счёту, на всё это было наплевать, кто там с кем переспал, отца он никогда не видел, а мать с восьми лет — только эпизодически. — Я-то тут при чём?

— Погоди. Нефёдов помер, Мишка на похороны приехал, увидел Зинку, и тут у них старая страсть разыгралась.

— Через тридцать лет?

— Двадцать пять, но всё равно, идиоты — они до старости мозгом двинутые, не лечится этот гормональный дисбаланс. В общем, с Германом мы теперь вроде как на разных сторонах, и смотреть в глаза ему мне неудобно. А Кудельман этот вон, Майю в больницу пристроил, и ему тоже отказать неудобно, дочь всё-таки.

— Его?

— Моя, дебил, за любовника своего переживает.

— Так это ты, Пётр Василич, виноват. А не я, — Димка обрадовался, — из-за тебя всё, то есть из-за дочки твоей, Зинаиды Петровны Чуровой Я ей тортик куплю на счастье.

— Ты, трахарь-террорист, не возбуждайся так раньше времени. С делами нашими покойническими можешь попрощаться, если с Майей не разберёшься, Зинка тебя уволит. Хотя чего тебе, ипотеки нет, жены тоже, проживёшь как-нибудь.

— Ну уж нет, — Димка встал, — не дам благому делу пропасть. Поеду выручать тебя, Василич.

— Угу, — судмедэксперт достал лист бумаги, зачиркал карандашом. — Беги, герой. Только смотри, Кудельманов на радостях не заделай десяток, жалеть потом будешь, потому что вся их семейка на голову тронутая. Вот адресок.

Майя жила в кирпичной пятиэтажке в квартире 13. Район электромеханического завода был из средних, совсем дурной славой не пользовался, и престижным его бы никто не назвал, здесь обитали обычные работяги и их непутёвые потомки. Машины у подъездов стояли старые, мусорка у Пятёрочки на углу была переполнена, и Димка уже инстинктивно подобрался, собираясь найти виновных, но вспомнил, зачем сюда приехал, и в каком мире находится.

Тринадцатая квартира находилась на пятом этаже, молодой человек взлетел по лестнице, заодно помог старичку занести сумку на четвёртый.

— К Нефёдовым? — старичок воткнул ключ в скважину.

— Как вы узнали?

— Так весь этаж ихний. Раньше этот старый козёл сдавал квартирки-то, житья не было, а теперь вроде как внучка поселилась, тихая, только на гитаре играет иногда. А ты чего, друг её?

— Нет, по работе. В больнице вместе работаем.

— Это хорошо, — старик толкнул дверь, — дело благородное. Спасибо за помощь, не буду задерживать.

Димка ему тоже был благодарен — за короткое прощание, про больницу он сболтнул зря, обычно люди, когда узнавали, где он работает, тут же начинали жаловаться на болезни, требуя, как минимум, консультации, а лучше — лечения на месте.

Дверь в тринадцатую квартиру была потрёпанная, почти как у Соболева и его соседей. Дима постучал, подождал, потом нажал кнопку звонка, ещё раз постучал. Открылась не эта дверь, а соседняя, Майя стояла с веником и совком в руках, вся пыльная и злая.

— А, это ты. Чего припёрся?

— Поговорить надо.

— Всё уже обсудили.

— Да погоди ты, — Димка протиснулся в квартиру, поелозив по небольшой женской груди. — Ответь на вопрос. Ты из-за меня уволиться собралась?

— Слишком ты много, Куприн, о себе думаешь.

— Ладно. Вот, держи, — он вытащил из кармана лист бумаги, протянул.

— Что это? — Майя подозрительно посмотрела на листок, но не взяла.

— Это чтобы между нами не было недопонимания, — дипломатично ответил молодой человек. — Ты, Майя Михайловна, пожалуйста прочитай. Минута, и я уйду.

— Ладно, — девушка бросила веник и совок на грязный пол, взяла такими же грязными пальцами бумажку, развернула, пробежала глазами. — Теперь объясни.

— В общем, Кирилл Нефёдов мне не отец. Я эту справку у бабушки в документах нашёл, уже когда она умерла. На дату посмотри.

— Две тысячи десятый год.

— Да, мне тогда восемь лет было, она тест ДНК сделала, у деда взяла образец, и из отцовых вещей, а потом меня к себе забрала. Значит, тоже сомневалась, родной я ей или нет.

— На принтере напечатал? — Майя повертела лист со всех сторон. — Нет, вроде настоящий, я эту лабораторию знаю, до сих пор работает. Ладно, но это ничего не меняет, точнее, для нас. Между нами всё кончено.

— Договорились. Только ты уж, пожалуйста, выйди на работу, а то меня твоя будущая мачеха со свету сживёт, — Димка сделал жалобное лицо. — Ну и я тебе здесь помогу, всё равно у Чурова на три часа отпросился.

— Так уж и быть, — девушка рассмеялась. — В честь того, что мы не родственники. Но будешь мне должен, одной уборкой не отделаешься.

(22). Сторона 2. 15 мая, пятница

(22). Сторона 2. 15 мая, пятница.

Я огляделся — комната была чистой и пустой. Вещей набрался большой рюкзак, мебель, как оказалось, почти вся принадлежала ЖЭКу, Соболев только матрац новый себе купил и кресло. Кресло я продал Лифшицу вместе со столом за сто сорок пять рублей, из них сорок ЖЭК забрал за стол, по балансовой стоимости. А матрац оставил новому жильцу, пускай шикует. Только, чувствую, не будет порядка больше в этом доме, новый дворник, который приходил вчера, дышал перегаром и одет был неряшливо. Мирошкину я насчёт него предупредил, чтобы приглядывала, раз она старшая, а он совсем не майор.

Гаспаряну моя идея со старшим по подъезду понравилась, лейтенант обещал подыграть при случае, а бабке выписал справку.

— Уезжаешь, значит, за длинным рублём? — спросил он.

— Не такой уж он и длинный.

— Ну не говори, в зонах этих зарплаты в два, а то и три раза больше наших, только пропадает народу много, ты уж поберегись. И извини, что алкашом тебя называл.

— Замяли, — я встал, подхватил рюкзак одной рукой, а велосипед — другой. — Ключи отдаю вам, товарищ лейтенант, потому что контингенту здешнему доверия мало.

— Удачи, товарищ майор, — милиционер пожал руку, запер за мной дверь.

До нужного мне места предстояло крутить педали километров тридцать, после позавчерашнего укола — только в удовольствие. Рюкзак почти не оттягивал плечи, опираясь на багажник, титановая вилка глотала небольшие выбоины в асфальте без судорог, солнце светило в левое ухо, настроение почему-то было замечательное. Машин на дороге почти не было, изредка приходилось съезжать на обочину, пропуская автобус или случайную легковушку, меня обгоняли другие любители двухколёсного транспорта — на мопедах и мотоциклах, пешеходы на остановках смотрели с завистью. А что тут завидовать, не надо лениться, конечно, проще дать кондуктору гривенник, и сидеть на дермантине сорок или пятьдесят минут или стоять, вцепившись в поручень, чем глотать дорожную пыль.

Я поправил платок, повязанный вокруг лица, и тёмные очки. Продавец в спортмагазине очень удивился, когда с утра получил полную сумму за кредитный транспорт, и отрегулировал мне тормоза и цепь. В кармане лежали ордена, сберкнижка, документы и два флакона, без которых мне себя самого не увидеть, есть такой нехороший шанс.

В полутора километрах от Волги шоссе, идущее вдоль канала, делало поворот к железнодорожным путям, а прямо за ними начинался забор, идущий вдоль лесополосы. Путь преграждал шлагбаум и два поста охраны.

— Документы.

Сержант подождал, пока я вытащу из кармана красную книжечку, ушёл в будку, висящую на металлоконструкции, и вернулся минут через пять. За это время мимо проехала чёрная машина, её пропустили через первый пост, а на втором остановили, проверяли не только документы, но и багажник, вокруг автомобиля прошёлся солдат с каким-то прибором, а водитель расписался в журнале.

— Придётся ещё педали покрутить, товарищ майор, — он отдал мне военник и откозырял. — Прямо перед кладбищем поверните налево, и ещё через двести метров будет

КПП-11, там вас встретят. А сейчас подъезжайте к следующему посту.

У соседней будки уже стоял солдат с сапёрной лопатой, точнее, прибором, похожим на лопатку. Он поводил её вокруг меня и велосипеда.

— Вытяните руку вперёд. А теперь вправо. Ждите.

Неожиданная заминка потихоньку превращалась в боевик, из будки вышли двое солдат с автоматами, и взяли меня на прицел. Руки поднимать не требовали, но лица у бойцов были решительными и недружелюбными. Из-за их спин выглядывал старший лейтенант с пистолетом. К первому посту подъехала машина, её остановили, с заднего сиденья вылез толстяк в чёрном костюме и белой полотняной фуражке, при виде группы захвата он ойкнул и быстро-быстро залез обратно.

Еще через несколько минут у будки притормозила машина всё того же чёрного цвета, как будто другой краски на автозаводе нет, оттуда выскочил Сайкин, ткнул лейтенанту в лицо красную книжечку. Тот вытянулся.

— Отбой, — распорядился он

Солдаты занялись толстяком, который, увидев, что войны не будет, подъехал поближе, а Сайкин пожал мне руку.

— Здравия желаю, товарищ майор. Что же вы шпионское оборудование с собой провозите?

— Какое? — удивился я. Из оборудования у меня был только велосипед.

— Часы, — Сайкин похлопал меня по левой руке. — С датчиком. Где взяли?

— Ваши коллеги подогнали.

— Из двойки, наверное? Плохо у нас налажено взаимодействие между отделами, ещё со времён Феликса Эдмундовича. Вы, Николай Павлович, оставляйте двухколёсного друга и вещи здесь, их привезут, а мы с вами поедем оформляться, — сказал он, усаживаясь за руль, и делая приглашающий жест в сторону пассажирского сиденья. — Кстати, где вы такой велик отхватили? Большой дефицит, в Москве днём с огнём не сыскать. Титан, бескамерная резина, многие бы душу в придачу к деньгам отдали.

— В Устинове в магазине стоял, почти год. И спросом не пользовался.

Сайкин рассмеялся.

— Вот дела, — он покачал головой, — чего только в глубинке не найдёшь. А второго там такого не было? Нет? Жаль, я бы сыну купил, он, оболтус, гоняет как чёрт, сталь тяжёлая, а алюминий лопается.

— Гоняет, значит? Давайте отдам вам это чудо по себестоимости, — предложил я.

Велосипед, по большому счёту, мне нужен был, чтобы в Устинове кататься. По закрытому городу, а потом по Луне, на двух колёсах с педалями особо не поездишь.

— Вы серьёзно? — Сайкин повернул голову в мою сторону, одновременно поворачивая в другую.

— Абсолютно. На других планетах он мне без надобности.

Сайкин остановил машину в десятке метров от КПП.

— Если не шутите, возьму. А сами что, пешком?

— Почему пешком, мотоцикл возьму, только прав у меня нету, — сказал я для красного словца. Просто в памяти всплыл красный драндулет из магазина спорттоваров. Который, как и велосипед, по большому счёту мне здесь не сдался.

Сами понимаете, просто так права я вам выписать не могу, — Сайкин отнёсся к моим словам серьёзно. — Но в городе есть профсекция экстремального вождения для сотрудников

института, мы вам по возвращении экзамен устроим без очереди. Идёт? Если не секрет, какой мотоцикл присмотрели?

Я описал ему Яву из спортмагазина. Сайкин заржал, при его комплекции это выглядело страшно.

— Товарищ Соболев, вам бы снабженцем работать, — отсмеявшись, заявил он. — Этот мотоцикл — тоже жуткий дефицит, на него запись даже у космонавтов. В том же магазине, да? Это не Устинов, а Клондаик какой-то, всё, договорились. Я распоряджусь, чтобы завтра же доставили, часть денег заплачу в счёт велосипеда, а остальные уж вы сами как-нибудь. Потянете? Ну и отлично. Вот на нём и будете сдавать на права.

(23). Сторона 1. 17 мая, воскресенье

(23). Сторона 1. 17 мая, воскресенье.

— С чего это ты решил категорию А открыть? — Леонид Петрович обедал вместе с пасынком.

Димкина мать готовить умела, но борщ, какой надо, насыщенно-красный, с кусочками чуть поджаренного мяса, кислинкой от томатной пасты и сладостью от свёклы, получался только у отчима. Майор полиции в выходные, если работа позволяла, вставал к плите, ставил на одну конфорку семилитровую кастрюлю, на другую — чугунную сковородку, и на два часа запирал кухню. С тёплыми пирогами, магазинной сметаной, домашним салом и молодым китайским чесноком борщ улетал за два дня, и это если гостей не было. Ну не считая Димки и других любителей пожрать.

— Хочу мотоцикл купить, скутер — как-то не очень уже, вроде не пацан, — молодой человек набрал из стеклянной банки рыночную сметану, и аккуратно опустил ложку в тарелку. — Думаю взять что-нибудь не очень мощное, но всё равно, даже на такое нужны права.

— Не очень мощное — это сколько?

— Двести пятьдесят кубиков. Максимум триста.

— Ну раз решил, дело твоё, — отчим очистил дольку чеснока, кинул в рот, закусил маленьким стручком острого перца, — молодец, что не стараешься леваком получить, на курсы записался. А то этих, с купленными правами, мы каждый день оформляем. Ну ты сам знаешь.

Димка знал — после аварии многих привозили к ним, кого — в травму, а кого и сразу к Самойлову. Но на самом деле курсы нужны были даже не ему самому, точнее, не ему здешнему, а тому Дмитрию Куприну, который обосновался в другой то ли реальности, то ли симуляции. Поступки того Димы иногда этого Диму раздражали — вроде заслуженный майор, человек и космонавт, зачем, спрашивается, сболтнул про мотоцикл, теперь кататься по площадке под дулами автоматов, или как там, в этом зоопарке для людей, занятия проходят. Хотя чего гадать, узнает, так сказать, из первых рук.

— Чего задумался? — отчим достал из холодильника новый шмат сала, — ты, главное, вождение сдай, покажи, что между ног можешь удерживать, а насчёт остального порешаем. И вот ещё, не моё дело, но слухи ходят, что ты со следователем комитетским встречаешься, с Нестеровой.

— Ага.

— Что ага?

— Есть такое.

— От ты прыткий. И как, жениться не надумал?

Димка аж поперхнулся.

— Ты чего, дядя Лёня?

— Я-то ничего, нет так нет, ваше дело молодое. Тут, Димка, странная ситуёвина с Нефёдовым образуется. Вроде и самоубийство, и младший утонул сам по себе, колёс наглотался, только почему-то комитет этих двоих нам отдал, а сам интересуется постоянно, контролирует. Если эта Нестерова тебя невзначай выпрашивать начнёт, от того, что раньше

говорил, ни на миллиметр не отступай. А то начнут старые дела ворошить, там такое дерьмо, что один раз окунёшься, до конца жизни вонять будешь. Да и мне до пенсии полгода осталось, уже рапорт подал, обещали вторую звёздочку дать по выслуге. Будут эксцессы — не видать мне ни подполковничьих погон, ни пенсии нормальной.

— Ладно, — Димка пожал плечами, примерился. Ровно два куска сала ложились на квадрат бородинского, а если ещё пополам, то на каждую четвертинку ломтик маринованного огурца помещался. — Да она особо о делах не говорит, мы на звёзды смотрим.

— Звёзды — дело безопасное, — Леонид Петрович одобрительно кивнул. — Их к убийствам не пришьёшь. Представляешь, я тут ролик смотрел, оказывается, мы эти звёзды в прошлом видим, пока свет от них дошёл, их, может, и нет вовсе. В бинокль смотрите?

— Телескоп купил.

— Это, Дмитрий, серьёзно, раз вдвоём в один телескоп, — отчим посмотрел на пустую тарелку, на полупустую кастрюлю и на свой надутый живот, вздохнул, потянулся за половником. — Помню, когда ты малым совсем был, года три или четыре, всё хотел космонавтом стать, в мамкин халат кутался, в руках палка, утыкался в телевизор и мультики про космос смотрел. А из лодки хотел космический корабль сделать, чтобы им управлять.

(24). Сторона 2. 20 мая, среда

(24). Сторона 2. 20 мая, среда.

— Я всё понимаю, Коля, ты заслуженный пилот, но за штурвал тебя, так сказать, никто не пустит, — пожилой человек в генеральской форме вертел в руке карандаш. — После твоих выходов вообще чудо, что ты тут сидишь, а не в тюрьме. Это ж надо, в боевого товарища из пистолета шмальнуть, прямо по яйцам и при свидетелях. Хорошо, пуля вскользь прошла, нанесла только моральную травму.

По лицу генерала было видно, что поступок Соболева он одобряет. Его звали Фёдор Матвеевич Лихой, и должность он занимал высокую — заместитель начальника ракетных войск стратегического назначения. Вроде как и не ВВС, но всё, что касалось космоса и ядерных исследований, ему подчинялось. В том числе, частично, и этот городок, который я отыскал в интернете на картах — у нас его особо не огораживали, можно было на перспективы полюбоваться. Дубна, в ста двадцати километрах от Москвы, наукоград, население 75 тысяч человек по обе стороны реки Волга. Гигантский стул, творение местной мебельной фабрики, и пик Тяпкина, маленькая горка и одновременно достопримечательность. Новые микрорайоны, высотки и институт ядерной физики.

Это в настоящем, реальном мире. Здесь, в коммунистической симуляции, большая часть города располагалась под землёй, на случай очередной ядерной стычки.

— И что я, в виде багажа полечу? — я замер, надеясь на правильный ответ.

— Ты гонор-то свой умерь, полетишь бортинженером, а пилота тебе дадим тоже из проштрафившихся, есть у меня на примете один, как говорится, от бога, но характер — говно. За это и пострадал справедливо. Стартуете через несколько дней.

— Уже?

— А чего тянуть. Комитетчики требуют, чтобы ты полетел на Луну и что-то нашёл, значит, полетишь. Но у нас свои задачи, оборону Родины крепить, так что и задание у экипажа будет своё, от Министерства обороны, базу в колодце будем восстанавливать. А то американцы зашевелились, понимаешь, шастают как к себе домой, в этом районе уже всё облазили, африканцы тоже заинтересовались, как будто там им мёдом намазано, взять и отдать кусок Луны империалистам мы права не имеем. В общем, готовься, повидайся с кем нужно, с дочкой там, тестем бывшим, — генерал встал, — а мы с тобой после полёта поговорим, товарищ подполковник.

И подмигнул еле заметно.

Намёков я решительно не понимал, встречи с чужой дочкой слегка опасался, а бывшего тестя вообще не знал. Точнее говоря, в лицо-то видел, в энциклопедии секретарю Центрального комитета партии была посвящена небольшая статья на треть колонки, половину из которой занимала фотография. О том, чем занимался товарищ Аграмян до своего назначения на этот ответственный пост, не говорилось, что делают секретари ЦК, я понятия не имел. Секретарша нашего главврача, та в основном ногти полировала и трепалась по телефону, не думаю, что этот Левон Геворкович свой рабочий день так же проводил. Как найти общую тему для разговора с этим человеком, уровнем повыше нашего мэра, да что там мэра, министракакого-нибудь, не представлял совершенно. Не вращался Димка Куприн в

таких высоких сферах, среди сильных мира сего, точнее, того, не о рыбалке же с ними говорить и о бабах, наверняка темы для разговоров возвышенные.

С детьми, с теми проще — они заняты сами собой, на вопросы отвечают односложно и в основном в гаджеты втыкают, здесь с этим победнее, но приставки есть. Дочке Соболева исполнилось семнадцать, у девочки, наверное, одни парни на уме и косметика, да и по возрасту я с ней, если настоящего брать, довольно близок. Та же Вика, только чуть помоложе и в советском антураже.

И как вишенка на торте — бывшая жена, которая наверняка дочку одну не отпустит, Ирина Викторовна. Почему не Левоновна, задал я себе вопрос, и тут же на него ответил. Да пофиг. Может, здесь так принято, или дочка она только по названию этого Аграмяна, я эту женщину один раз видел, и второй уже что-то не тянет.

Значит, задача номер один — как можно побыстрее свалить с этой планеты, не отвлекаясь на друзей и родственников персонажа. А задача номер два — свалить с этой планеты как можно быстрее при помощи других людей, потому что сам я этого не сделаю. Не сумею.

Слово «бортинженер» звучало угрожающе. Одно дело давать разряд на электроды или гастроскоп в горло засунуть, и совсем другое — починить какой-нибудь ядерный двигатель.

— Не какой-нибудь, а ЭРДЯН-200 дробь 3, - борттехник Моисеев, мужчина моего возраста, встретил меня в понедельник в 8-00 на учебной базе, которая располагалась почти через стенку от казармы. Борттехник был одет в серый костюм и белоснежную рубашку, на пиджаке красовалась маленькая золотая ракета с номером 3126. — Электрический ракетный двигатель с ядерной накачкой мощностью 200 киловатт, третий выпуск. Починить, в принципе, можно, если в орбитальный док доставить, а потом спустить сюда, и если сам двигатель сломается. Ну а если батарейка, скажем, на Луне...

Он многозначительно замолчал.

— Что тогда? — не стал я мучить человека.

— Тогда надо отбежать на сорок километров и лечь так, чтобы не зацепило взрывной волной, — выдал борттехник.

Видимо, это была шутка, потому что он засмеялся, показывая прокуренные зубы, пришлось поддержать.

Многоцелевой космический челнок «Орёл-8», похожий на небольшой самолёт, с двумя разгонными блоками под крыльями, поднимали на границу мезосферы самолётом раз в десять больше, и там отстыковывали. Автоматически включались разгонные блоки, выводя космоплан в ближний космос, а там уже, на орбите, к нему на орбитальной станции цепляли те самые ЭРДЯН-200/3, которые разгоняли челнок для дальних полётов, или ионные двигатели — для очень дальних. Всё операции выполняла автоматика, пилоту оставалось сидеть и мечтать, чтобы ничего внештатного не случилось. Или наоборот — чтобы случилось, и тогда корабль переходил на ручное управление. Топливо, которое оставалось в разгонных блоках, позволяло прилуниться и взлететь минимум два раза, когда оно почти заканчивалось, в носовых частях оставался термоядерный заряд, способный разнести чужую космическую станцию. На всякий случай.

Для таких всяких случаев у челнока имелась лазерная пушка, питавшаяся от всё той же ядерной батареи, обычный крупнокалиберный пулемёт и сотня небольших управляемых торпед, а у экипажа — стрелковое оружие. Основной экипаж состоял из пяти человек —

единственного пилота, командира корабля, стрелка-радиста, десантника и бортинженера. В конкретном случае — меня.

Бортинженера ещё называли пассажиром, потому что ничего действительно важного он делать не мог — критические узлы защищались от взлома и взрывались, стоило в них залезть, а некритических узлов на космическом корабле почти не было. Поэтому бортинженер вёл журнал полёта, следил за космическим пейзажем и при необходимости мог заварить пробоину или подлечить одного из своих коллег. Ещё три места на челноке предназначались для боевой или спасательной группы, тут уж штатный десантник занимал место их командира.

Соболеву, а точнее — мне, повезло. Прежняя космическая программа, «Спираль-4», завершилась три года назад, началась новая, «Заря-1», космический флот меняли, убирая ненужный ручной труд, и всех космонавтов перечисляли, а точнее, отучали делать то, что они делали раньше.

С понедельника я занимался тем, что на модели корабля переставлял блоки, включал и выключал системы очистки и рекуперации, а так же пытался на тренажёре пристыковать челнок к станции, не подающей признаков жизни. Как это делается, я не знал, но стоило отвлечься — специально подумать о чём-то постороннем, и руки сами находили то, что нужно. То, что у тела Соболева есть мышечная память, это я понял, когда разбросал дружков героя-любownika доктора Брумеля. Тогда я отключился, и бил и калечил на автомате. Точно так же и с космическим кораблём.

«Не надо прислушиваться, как работает сердце», — говорил наш терапевт нервным пациентам, жалующимся на сердцебиение, — «оно прекрасно справится само, вы ему только мешаете.»

Я не мешал, думая об Алисе Нестеровой. Несмотря на предостережения отчима, у нас с ней всё развивалось, как и других нормальных пар. Сначала поругались, потом переспали, и теперь налаживали отношения. Тут помогли телескоп и интернет, что бы там женщины не говорили, они любят умных мужчин и романтику, а что может быть романтичнее, чем звёзды, и эрудированный молодой человек, рассказывающий о созвездиях.

— Ты уснул? — Моисеев в один из таких моментов, объясняя нехитрое, если для чайников, устройство электрического двигателя, подозрительно на меня посмотрел. — Майор Соболев, отставить витать в облаках.

Борттехник был на одно звание старше меня, и поэтому иногда себе такие вот выпадать позволял, а что, имел право. Тут я сам ступил, справедливо замечено, мечтать надо на тренажёре или в тире — стрелял Соболев лучше меня, хоть я и тренировался в полицейском подвале иногда.

В занятиях с борттехником было одно «но», Моисеев с нами не летел. А кто остальные члены команды, я не знал, мой круг общения ограничивался Сайкиным, который, получив велосипед, настойчиво тянул меня в сторону мотоклуба, соседом по комнате — капитаном, прилетевшим с Байконура за новой партией двигателей, и, собственно, вот этим подполковником инженерной службы. Выпускать меня выпускали, но просто так, без дела, по улицам закрытого городка днём никто не шастал, и вечером — тем более, работали в три смены, а отдыхали на другом берегу Волги, там, где располагался новый циклотрон.

Телевизор я и дома-то не смотрю, а тут, с двенадцатью каналами, по которым передавали почти одно и то же, смысла не было. Капитан, если появлялся, включал хоккей или бокс в записи, я лежал на кровати и листал на планшете бесконечные схемы, графики,

инструкции и описания. Обыденность полётов в космос слегка нервировала, если в обычной реальности для этого требовались специальная подготовка и долгие годы обучения, здесь, похоже, любой желающий мог сесть за штурвал, нажать кнопку и почувствовать себя героем галактики.

Приезд генерала удачно разбавил середину недели, Моисеев с утра мучил меня физическими терминами, которые на автомате руками не соберёшь, а к вечеру устроил целый экзамен, который я, к моему собственному удивлению, не провалил. И пристыковался, и заменил блок управления в запаянном контейнере — там главное полярность контактов было соблюсти, и попасть штырьком в выступ. И на этом моё обучение почти закончилось.

— Теорию, майор, подучишь сам, вряд ли она тебе понадобится, — борттехник впервые за три дня ослабил узел галстука, — а так, для пассажира, ты на нормальном уровне. Пошли, отметим это, бахнем по сто пятьдесят армянского.

— Я на тебя, Гриша, только полюбоваться могу, — ответил ему, — потому что сам знаешь, я в завязке, и развязываться перед полётом не рискну. Но лимонаду за милую душу выхлебаю хоть бутылку.

— Да ну тебя, Соболев, — Моисеев махнул рукой досадливо, — я ж пошутил, мне твой Сайкин, если узнает, причиндалы оторвёт, гэбист хренов. Кстати, он тоже курс прошёл, к полёту готов.

— К какому полёту?

— Ты чего, Коля, он же с тобой летит, его параллельно готовят. Ну, блин, развели таинственность, экипаж уже сформирован, приказ на подписи.

— И кто остальные?

— А это, — борттехник хитро сощурился, — на трезвую голову я тебе сказать не могу, поэтому терпи, казак, всё равно атаманом не будешь. Знаешь, что у казаков твоего чина не было? У них есаул, то бишь капитан, а потом войсковой старшина, как я — подполковник. Так что без вариантов, майор, не быть тебе атаманом. Иди вон, на звёзды полюбуйся, и я тоже. На пять звёздочек.

(25). Сторона 2. 22 мая, пятница

(25). Сторона 2. 22 мая, пятница.

От улицы Дзержинского, где находилось главное здание КГБ, до отделов ЦК было рукой подать. Всего-то выйти на площадь того же самого Железного Феликса, пройти по Новой площади, и пройти к дому номер 4 по Старой площади. Десять минут неспешным шагом.

Полковник Ланская ходила быстро, и путь от подъезда 5 дома 1 на улице Дзержинского до восьмого подъезда дома ЦК, где располагалось бюро пропусков, проделала за пять минут, ничуть не запыхавшись. В бюро она показала удостоверение, дождалась, пока дежурный, из их же конторы, свяжется с нужным человеком, и по лестнице поднялась на третий этаж. Помощник секретаря ЦК при виде полковника кивнул головой на дверь.

— Левон Геворкович вас ждёт.

В кабинете куратора космической программы было душно — кондиционер работал изо всех сил, разгоняя прожаренный солнцем воздух, наглухо закрытые окна были закрыты тяжёлыми портьерами, но это не спасало, солнце находило лазейки. Аграмян сидел за столом, перелистывая бумаги, казалось, жара его ничуть не беспокоила.

— Садись, — кивнул он на кожаное кресло с высокими деревянными подлокотниками. — Погоди, доклад подпишу.

Он перевернул предпоследнюю страницу, потом всю пачку бумаги вернул на место, поставил на первом листе размашистую подпись и передал папку возникшему словно из ниоткуда помощнику. Тот подхватил кожаный прямоугольник, и так же стремительно исчез.

— Резкий он больно, — пожаловался Аграмян, — когда перед глазами мелькает, укачивает немного. Ну ладно, давай к нашим баранам, то есть к одному барашку. Что скажешь?

— Я уже докладывала, — Ланская уселась поудобнее, думая, где бы раздобыть замену вееру, — до 11 апреля объект «Майор» никаких особых проблем не доставлял. Периодически срывался, пил, потом приходил в норму, работал дворником, никуда не лез. Второе управление сначала вело постоянное наблюдение, и это дало результаты — на Соболева два раза выходили представители иностранных разведок, шпионскую сеть благодаря этому накрыли.

— Да, я помню, парню за такое даже орден не дали.

— Ну он, так сказать, отрабатывал свою свободу. Но после второго раза, особенно когда он резидента чуть не пристрелил, контакты прекратились, и наблюдение практически сняли — из-за бесперспективности. Объект сначала вёл майор Бойко из второго управления, сейчас он в Новосибирске. В конце прошлого года вместо него назначили капитана Запольского, молодой сотрудник, на неплохом счету, мы его проверили несколько раз очень тщательно. Одиннадцатого апреля, в канун своего дня рождения, майор попал в больницу с алкогольным отравлением, выписался тринадцатого. Лекарство, которое он принимает, появилось у него, по-видимому, тогда же, вот из-за него мы снова наружку и ввели, параллельно со вторым управлением.

— Это я всё читал. Ты мне своё мнение скажи.

— Думаю, Левон Геворкович, Соболева подменили. На видеозаписях поменялось почти всё — манера разговора, движения, темп ходьбы, мимика. Сначала это списали на препарат,

который он под видом витамина колет, кстати, потрясающая штука, человек полностью растормаживается, до такой степени, что им можно манипулировать, как душе угодно.

— Состав выяснили?

— Нет, если что-то и сделано, то на уровне, который приборы не могут определить. Из оставшейся ампулы по капле забираем.

— Беда, — Аграмян стукнул карандашом по столу, — неужели советская наука не может докопаться? Вон, на Марс летим, рак лечим, и такое.

— Лучшие лаборатории Академии наук подключили, определяют обычный витамин.

— А что шпионы говорят?

— Брумель допрашивают, она утверждает, что ничего ему подобного не давала. Её шеф, как вы знаете, при попытке захвата принял яд, его мы уже допросить не можем, другие члены шпионской ячейки — все в отказ. Они тоже пытались похитить и исследовать препарат, вот только им достался настоящий витамин В12. Их Соболев провёл.

— Вот жук, — Аграмян сдержанно улыбнулся. — Да ты кресло подвинь правее, там ветерок дует. Значит, что он колет, мы не знаем?

— Нет. Перелил препарат в одну ёмкость, и теперь вводит внутримышечно. В остальном, как уже докладывала, объект знакомых людей не узнаёт, мы ему специально подсунили пару человек, и глазом не повёл, ведёт себя странно, сейчас, на обучении, новым оборудованием не интересуется, когда похитили, сам вызвал помощь и вообще демонстрирует полную лояльность.

— Сонечка, — секретарь ЦК встал, подошёл к окну, чуть отодвинул штору, — ты мне, старому человеку, мозги-то не пудри. Соболев это или нет?

— На видеозаписях, — Ланская вздохнула, — вот сейчас, из центра обучения — Соболев. Его движения, когда на тренажёре стыкуется или собирает утилизационный блок. Только взгляд отсутствующий. А как возвращается в сознание, опять другой человек. Мы предполагаем, что его пытались переписать, и посадить новую личность шпиона, но неудачно, пошло у них что-то не так, из-за этого старую личность почти уничтожили, а новая не прижилась.

— Предполагаете, или нет? — тихо спросил Аграмян. — У меня самолёт готов, и челнок, кого я в космос запускаю — нашего коммуниста, подполковника Советской армии, или американского шпиона? Или дебила, который двух слов связать не может? Ты понимаешь, Софья Николаевна, что будет, если враг среди нас? Мы эти записи, о которых ты говоришь, который раз пересматриваем, и с тобой согласны — не похож новый Соболев на старого. Но одно дело, если его пытались, как ты говоришь, просто переписать, и другое, если с определённой целью.

— Исследования и у нас, и у американцев уже давно ведутся, вы не хуже меня знаете, — Ланская поёрзала в кресле, подставляя шею под поток тёплого воздуха, — с тридцатых годов, ещё с Гайдара. Внушить человеку, что он — совсем другая личность, не проблема, особенно если ему, как Соболеву, препарат введут, который мы в анализах обнаружили. И амнезию ретроградную вызвать, чтобы прежние воспоминания стереть — тоже. Только, во-первых, это рискованно, девяносто девять процентов, что на выходе овощ получится. И во-вторых, процесс это не быстрый, новая личность просто так не прилипнет. А у Соболева это за один день фактически произошло. Может, американцы какую-то прорывную технологию освоили.

— Это, Софья Николаевна, не ты у меня, а я у тебя должен спросить, иначе чем там ваша

резидентура занимается. Ничего странного ещё не подметила?

— Да. Зачем пересаживать, так сказать, новую личность, если можно старой внушить всё, что угодно, просто в нужный момент программа включится. А тут мы его сразу по несоответствию вычислили. Может, внимание хотят отвлечь от кого-то другого? Мы на Соболеве сейчас сконцентрируемся, все силы бросим на него, а настоящий шпион ускользнёт.

— Ну на той стороне океана тоже не дураки сидят. Это раз. И второе, силы мы бросить не можем, имей ввиду, товарищ Ланская, полностью то, о чём мы говорим, знают всего четыре человека — ты, я, председатель КГБ и генеральный секретарь. Остальные только части общего должны видеть, то, что им положено, и детали не складывать. Соболев — он как ниточка, за которую потянешь, и выйдешь на настоящую проблему. Как там американцы этих людей называют, которые заразились?

— Зомби.

— Да, слово-то какое гадкое. Если камни эти действительно существуют, не в те руки попадут, и размножить они их попытаются, представляешь, что будет?

Ланской не надо было объяснять. Порошок, расплывённый над Москвой, миллионы сошедших с ума людей, волна живых мертвецов, растекающаяся по всей стране, да что там, по Азии и Европе, и заокеанский враг, отделённый широкой полосой воды, радостно потирает руки.

— Рабочая версия — неудачная подсадка личности шпиона, — сказала она. — Своих сдал, чтобы мы ему доверяли, это стандартный ход, мышечная память осталась, ничего особенного, он этим пользуется. Лекарство напоказ выставил, когда понял, что его раскрыли, наверняка и антидот есть, вводит себе заранее. Думаю, чтобы программа надёжнее легла, применяет. И в документацию секретную ему лезть незачем, если цель у его новых хозяев другая.

— Эх, Колька, Колька, — Аграмян вытер пот со лба платком, — хороший был парень, не семи пядей во лбу, но добрый и честный, что с ним сделали сволочи. Исправить это можно как-то?

— Пытаемся, но пока ничего не выходит. С ним в санатории несколько дней работали, и в кому вводили, и с мозгом что только не вытворяли. Ничего из прежней жизни не помнит, зато с 12 апреля — каждую минуту. Не боитесь его к себе?

— Боюсь, а что делать. Пусть посмотрит, как советские люди живут, дочку увидит, может всколыхнётся что в памяти. Ну а если нет, то и суда нет. Кто с ним летит, Сайкин? Лейтенантом молодым его помню, перспективный был. Какой приказ ему отдать, ты знаешь, лишних вопросов пусть не задаёт. А ты, Софа, помни, что тебе доверили, и делаем мы это не просто так. Сначала я генсека охранял, теперь вы меня, а потом, глядишь, и ты сюда переедешь, не в этот кабинет, конечно, но где-нибудь рядом.

— Куда мне, — Ланская сдержанно улыбнулась.

— Не зарекайся. На том и порешим, я с Лихим увижусь, с глазу на глаз переговорю, к генсеку за руку отведу. Генерал, когда узнает, разозлится, но поймет. Он мне ещё что-то про внучку Нестерова из ЦУПа говорил. Мол, пристроил удачно, первый настоящий полёт, и сразу важное задание.

— Летит с Соболевым пилотом. Хотя я против была, соплячка ещё, и о субординации только матом может сказать.

— Ох, — Аграмян рассмеялся, — ну и подсунули вы шпиону задачку. Он же повесится и

сам сдастся. Или наоборот. Хорошо, окончательный состав экипажа мне на подпись завтра пришлют, Сайкина вы сами туда включили, остальные тоже люди надёжные, если пилота не считать. А послезавтра пусть твои ребята наготове будут, мало ли что, внучка папку ждёт, а папки-то считай и нету больше. И на Луне чтобы смотрели, глаз не спускали! Упустят, я у вас такую кадровую встряску сделаю, все дворниками пойдёте, как Соболев, какашки собачьи в окна кидать.

В свой кабинет на улице Дзержинского полковник возвращаться не стала, вызвала машину из гаража, сама села за руль, и отправилась в Дубну — ещё раз на Соболева взглянуть. Предстоящая экспедиция вызывала вопросов больше, чем можно было на них получить ответов. Например — в материалах резидентуры, которые пока что Аграмян не видел, говорилось, что с Леграном тоже неладное творилось за год до вылета — авария на мотоцикле, потом реабилитация, потеря памяти. И главное...

Она остановила машину на обочине, уцепившись на проскользнувшую мысль, включила планшет. Вывела фотографии вещей, которые Соболев привёз с собой в закрытый наукоград, и предметов, которые обнаружили у француза на Луне. Два предмета выглядели идентично — тёмно-синие флаконы с синей резиновой крышкой. В том, что нашли у Леграна в кармане, рядом со шприцом, был физраствор. А у Соболева — кремовый порошок пентахлорфенолята натрия, обычный фунгицид. На антидот, который обезвреживает действие «лекарства», не очень похож, но и лекарство это не обычный витамин.

(26). Сторона 1. 24 мая, воскресенье

(26). Сторона 1. 24 мая, воскресенье.

— С чего ты вдруг решила пойти следователем работать? — задал Димка совершенно невинный, на первый взгляд, вопрос.

Они с Алисой лежали на берегу речки, не на том месте, где Вика мертвеца выловила, а выше по течению. Пологий песчаный пляж плавно уходил в воду, водоросли ещё не выросли, вода была чистой и прозрачной — возле дна сновали мальки и головастики, а метрах в шестидесяти, в заводи с глубоким омутом, там, где года три назад один из фермеров утопил трактор, плескалась рыба. Там сидели рыбаки, хорошо сидели, со старым пледом, уставленным ящиками и коробками, из которых торчали бутылочные горлышки. Купаться в том месте никто не решался, а вот на пляже таких идиотов было хоть отбавляй. Вот хотя бы товарищ прапорщик полиции, с диким гиканьем побежал в холодную воду.

— Отчим бывший у меня по полицейской линии, — Алиса закинула руки за голову и глядела на небо через полузакрытые глаза. Солнце шпарило изо всех сил, превращая и так загорелую девушку в шоколадку. — Он в девяностые на Дальнем Востоке за бандитами гонялся, а потом здесь, в области, осел, в институте преподавал. И мамашку мою с собой из Москвы привез.

— Ого, да ты столичная штучка, — молодой человек повертел в руках сигарету, но решил, что дымом можно испортить такую хорошую атмосферу, во всех смыслах.

— Ну да, — девушка говорила с ленцой, даже зевнула, — правда, мы не в Москве жили, а рядом, в Королёве, отец у меня, кстати, космонавтом был.

— Погоди, я ещё столицу не переварил.

Алиса улыбнулась.

— Ну как космонавтом, дублёром. Это дед мой раньше в центре управления полётами работал, пристроил сыночку, тот физически крепкий был, тренировался, даже в отряд вошёл, но на орбиту так и не попал, конкуренция, говорил, слишком большая. А потом ушёл в гражданские пилоты, оказалось, что прибыльнее за океан летать, чем в космос. Сейчас в Боинге работает.

— В Америке?

— Ага. Живёт где-то в Техасе, у него новая жена, двое детей и две собаки. Собаки хорошие, дети тоже ничего получились, мелкие пока, звонят мне по выходным.

— А дед?

— Дед умер давно, ещё до моего рождения, я только могилу его видела. Ему тогда едва пятьдесят исполнилось, у них запуск какой-то сорвался, его с сердечным приступом и увезли в больницу. А обратно уже не привезли.

— Прости.

— Да чего там, я ж его не знала. Бабушка зато жива, всё радуется, что я семейные традиции не поддержала, занимаюсь приличным делом.

— Это да, — Димка хлопнул по груди, отшвырнул слепня, — ну что, купаться?

Девушка pokrutila пальцем у виска, и снова откинулась на покрывало, а молодой человек встал, и пошёл к воде. Навстречу ему шёл синий, но бодрый и счастливый Вадик.

— Отличная водичка, прохладная, — сказал он, — а тебе, Димас, надо охладиться, вон

какая горячая шгучка тебе досталась. А то, если передумаешь, вон у той барышни подружка симпатичная.

И он кивнул в сторону блондинки, размахивающей бадминтонной ракеткой.

— Вика приезжает на этой неделе, — словно невзначай бросил Димка, — а на прошлой ей восемнадцать исполнилось, в колледж будет поступать. Угадай, что ей на день рождения подарили.

— Новый смартфон? — Вадик попрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха.

— Это ж твоя подружка, посмотри, она видос в сеть выложила. Ты что, не подписан на неё?

— Ну нафиг.

— Ружьё ей купили, уже какую-то птичку пристрелила, и сразу засняла, а птичка без головы. Так что, друг мой, берегись, узнает вон про них, — Дима кивнул всё на ту же блондинку, наклонившуюся за воланом и оттопырившую круглый зад в плавках-верёвочках, — она тебе яйца отстрелит. У Вики на тебя большие планы.

Он похлопал друга по плечу, и оставив того с задумчивым выражением лица, бросился в реку.

Вода и вправду была прохладная, градусов восемнадцать, не больше, даже на мелководье. А дальше, где дно плавно уходило вглубь, и вовсе студёная, нижнюю часть тела словно в кипяток бросили, но Димка мужественно стерпел первые мгновения температурного шока, и поплыл, загребая руками и стараясь держаться поближе к поверхности.

— На Луне холоднее будет, — сказал он сам себе, чуть подныривая.

Волосы намокли, и голова заодно словно на место встала. А с ней и воспоминания альтер эго.

В субботу Ланская с самого утра вызвала Соболева, и долго втирала ему про важность задания, про то, что его миссия — найти эти самые синие кристаллы, из-за которых две базы уничтожили, и тут же вызвать команду поддержки, которая будет ждать их на орбите Луны. И что, если всё закончится благополучно, получит Соболев свои вторые звёздочки на погоны обратно, а может быть, и третьи. Заодно в партии восстановят, старое дело окончательно закроют, и вообще, станет Николай Павлович снова уважаемым военным пенсионером, а то и гражданским пилотом. Потому что обратно, в военно-воздушные силы, его никто не возьмёт, но вот в гражданскую космическую программу, которая в последние три года бурно развивается, хоть на Луну, хоть на Марс, да даже в пояс астероидов с удовольствием.

Понятно было, что приехала она вовсе не за этим, а за чем именно, он, Димка тире Коля, понял, когда полковник как бы невзначай показала снимки вещей, найденные у француза, и в них — такой же флакон с синей крышкой. И это значило, что зря он расслабился и предоставил событиям возможность течь самотёком, местные органы тоже не просто так на хлеб с маслом деньги получали, о непонятках с лекарствами догадывались.

— Вот такой же у меня есть, — он ткнул пальцем во флакон. — Только порошок, а не жидкость. Их что, всем выдают?

Почему-то Ланская на вопрос не ответила, сама спрашивать, что это такое, и почему у Соболева и французского космонавта одинаковые флакончики, не стала, наоборот, попыталась эту тему замять.

— И вот ещё, Николай Павлович, посмотрите, здесь ваш экипаж, — она подключила

планшет проводом к телевизору, вывела последовательно четыре фотографии.

Командиром корабля назначили Попова Лаврентия Германовича, на вид этому полковнику было примерно столько же лет, сколько и Соболеву, глубоко посаженные глаза под низким лбом подозрительно смотрели с экрана на будущего однополчанина.

— Вы его не знаете, — полковник КГБ пошевелила пальцами в сторону телевизора, — Попов только в прошлом году вошёл в космическую программу, до этого был командиром авиаполка и в лётном училище преподавал. Авторитетный товарищ, опытный, шестнадцать полётов за год. А это ваш инженер-радист.

На экране появилось миловидное женское лицо в веснушках, вздёрнутый носик, томно прикрытые глаза.

— Варвара Сергеевна Урсляк, тридцать три года, вы с ней встречались в Звёздном городке, когда они проходили подготовку. Помните?

Димка покачал головой Соболева.

— Нет, — сказал он, — внешне что-то такое, а имени не помню.

Ланскую, похоже, ответ не удовлетворил, она хмыкнула и вывела третью фотографию

— Майора Сайкина вы знаете, это наш десантник. Он, кстати, и вправду десантник, сотни прыжков с парашютом, навыки контактного боя, от сердца, можно сказать, отрываю.

— Верну в целостности и сохранности, — пообещал Соболев. — Кто остался, пилот?

— Пилот, — полковник почему-то вздохнула, — пилот у нас с характером, но это не ваша забота, а Попова, он её с училища знает. Профессионал — высший класс, но есть проблемы с общением, надеюсь, на вашем задании они не скажутся.

Соболев сглотнул, увидев на экране фотографию, и имя почти пропустил мимо ушей. Да чего там, он и сам мог его назвать.

— Нестерова Алиса Витальевна, — припечатала Ланская.

— И что мне с тобой делать, Алиса Витальевна? — Димка сунул руку в воду, пытаясь поймать головастика, но кучка будущих лягушек при виде угрозы распалась на удирающие комочки с хвостиками. — Пилот-следователь. Мультик же такой был, про пилотов. Или игрушка старая. Про двух пучеглазых толстячков.

— Ты чего там бормочешь? — Алиса тоже зашла в воду, остановилась, когда та дошла до коленей. — Сачком надо. Пруд у тебя на участке сделаешь, поселишь там лягушей, будут орать по ночам, романтика. Заодно предупредят, если кто заберётся.

— Лучше собаку, — молодой человек клацнул зубами.

— Вон такую, — девушка кивнула в сторону овчарки, которая запрыгнула в реку и теперь не торопясь выдвигала круги, блаженно вывалив язык, — у тебя запасов много, прокормишь. Кстати, отличная водичка, не пойму, чего все на берегу валяются. Слабо до противоположного берега? Тут всего метров семьдесят, не ссы.

— Да я не ссу.

— Точно? — Алиса подозрительно посмотрела на то место, где плавки у молодого человека касались воды, — ладно, поверю на слово. Ну что, гражданин Куприн, погнажи?

Димка посмотрел на холодную воду, потом на весомые, но аккуратные округлости подружки, которые купальник только подчёркивал, взвесил одно «за» и все «против», и кивнул.

Прапорщик полиции Вадим Сомов растирал спины блондинки и её подружки кремом

для загара, когда зазвонил мобильник.

— Секунду, — он вытер руки полотенцем, потянулся к телефону.

— Ну Вадичка, не останавливайся, — подружка, полненькая девушка с роскошными глазами, кокетливо повела плечом, — а то загар неровно ляжет.

Вадик кивнул, прикидывая, куда бы их затащить после пляжа, толстушка ему нравилась даже больше блондинки, посмотрел на экран, вскочил и приложил аппарат к уху.

— Слушаю, товарищ майор. Да, конечно, буду через пятнадцать минут. Есть. Девушки, — он с сожалением вздохнул, — работа. Но я не прощаюсь.

— Полицейская? — капризно поинтересовалась блондинка. Она не собиралась уступать этого парня.

— Ещё какая, — кивнул Вадик, прыгая на одной ноге и засовывая другую в штанину. — Срочная. Вы не пропадайте и ничего не планируйте, вечером — шашлыки. Договорились?

Он посмотрел на реку, где две головы — Димки и следователя, только что отплыли от противоположного берега и направлялись к этому, и подумал, что хорошо бы их предупредить. А потом сообразил, что Нестеровой и так позвонят, а может быть, уже позвонили, потому что только что старшего сына старика Нефёдова, Михаила Кудельмана, нашли в лесу грибники. Повесившимся или повешенным.

(27). Сторона 2. 24 мая, воскресенье

(27). Сторона 2. 24 мая, воскресенье.

За то время, что я находился в этом мире, уже и подзабывать стал о семейном положении Соболева. Но оно напомнило мне о себе само — видимо, чтобы поддержать меня перед отлётом, бывший тесть космонавта устроил у себя на даче небольшой сабантуй, благо дача эта находилась от Дубны недалеко, в паре десятков километров, на берегу Волги. Туда меня доставил Сайкин, и обещал забрать, как только я отзвонюсь.

Дача была скромной, это если сравнивать с нашими богачами, которые себе на квадратных километрах замки строят. Небольшое двухэтажное кирпичное строение с флигелем, деревянными окнами и аккуратной террасой, участок в полгектара, с выходом в лес, две беседки для отдыха, домик прислуги, где вместо садовника и какого-нибудь конюха обитали строгие люди в костюмах и с пистолетами, бассейн с тёплой водой и детская площадка. У забора несколько ухоженных грядок, тепличка, везде на участке много цветов. Чистенько и бедненько, у нас главврач роскошнее жил, а тут сам секретарь ЦК, по местной иерархии почти вице-президент.

Хозяин дачи, Левон Геворкович Аграмян, в жизни оказался куда менее внушительным, чем на фотографии. Старичок небольшого роста, сухой и поджарый, в кителе с генеральскими звёздочками и кроссовках, он лично готовил шашлык, не подпуская к нему никого, хотя собрались все свои. Исключительно семейный выходной — сам Аграмян, его жена, Тамара Алексеевна, два сына с жёнами, трое внуков и четверо внучек с супругами, и их отпрыски. Тут же была и моя, то есть Соболева, бывшая жена Ирина, которая Аграмяна звала «папочка», но на «папочку» была совершенно не похожа, и дочка Леночка — дылда семнадцати лет, которая чмокнула папочку, то есть меня, в щеку и тут же перескочила в компанию внучек хозяина.

Итого, считая меня и не считая прислугу, около сорока человек. Около, потому что дети то появлялись, то исчезали, сколько их точно, я сосчитать не смог. То ли пятнадцать, то ли двадцать, начиная от подростков и заканчивая грудным младенцем. Потомки Левона Геворковича охотно размножались, глава семейства шурился от удовольствия, оглядывая многочисленных родственников, а вот на меня как-то странно смотрел, будто с опаской.

— Коленька, что тебе налить? — жена Левона и мать бывшей жены Соболева держала в руках две бутылки — с белым вином и красным.

— Нет, мне нельзя. Я газировки выпью.

— К полёту готовишься? Молодец.

Тамара Алексеевна, в отличие от хозяина дачи, относилась к Соболеву хорошо. И другие члены семьи, кстати, тоже. И руки жали, и по спине хлопали, и в щёку целовали — в зависимости от половой принадлежности, когда я приехал. По их глазам было видно, что они Соболеву рады, все спрашивали, как я себя чувствую, хорошо ли кушаю, потому что похудел и осунулся, и это были не формальные фразы, а настоящее любопытство и забота. Тем же я ответить им не мог, хорошо хоть имена заранее выучил.

Когда Ланская выложила, так сказать, карты на стол, я понял, что зря стесняюсь, и прямо сказал, мол, с памятью совсем плохо, после двух попыток отравления не то что тестя с

тёщей — друзей детства не помню, всплывает лицо и тут же ускользает. Кэгэбэшницу это не удивило, и к утру у меня в комнате лежала тонкая картонная папка с распечатанными фотографиями и подписями к ним. Что интересно, у сыновей этого Аграмяна имена были армянские, а у дочек — русские. Память после постоянных синхронизаций и очистки работала отлично, за полтора часа я всех запомнил, а к двум часам дня, когда чёрный автомобиль без названия забрал меня из казармы в Дубне и доставил на дачу генерала, мог уверенно всех опознать. Там же, на этих листочках, раскрылся секрет с отчеством бывшей жены космонавта — Аграмян женился на её матери, когда Ирине было восемь лет.

— Мог бы дочке подарок привезти, — Ирина незаметно подкралась сзади.

На вид ей было лет тридцать пять, женщина явно молодилась и ухаживала за собой. Из салонов красоты в Устинове мне встречались только парикмахерские с небольшим набором услуг, не знаю, может быть в Москве всё иначе обстояло.

— Я привёз.

— И что на этот раз? Горстка лунной пыли или булыжник с орбиты? Опять что-то очень ценное и очень ненужное?

В таких разговорах мне всегда помогали другие люди. Точнее, то, как они общались при мне со своими знакомыми, друзьями и особенно жёнами. Тут наш реаниматолог отличался, жена у него была — та ещё стерва, и он за десять лет совместной жизни выработал свою тактику.

— Ты абсолютно права, дорогая, — сказал я. — Ценное и очень ненужное.

Этим ценным и очень ненужным была последняя модель телефона, Ланская рекомендовала серёжки с камушками, но я лучше знал, что нужно молодым людям почти моего возраста. Прозрачный прямоугольник толщиной всего в сантиметр, со светящимися кнопками, фотокамерой и небольшим экраном для видеовызова стоил почти восемьсот рублей, и, на мой взгляд, таких денег не стоил — с подобным я в школу ходил, когда мне лет десять было, и уже тогда он считался устаревшим и дешёвым. Но, собственно говоря, Соболев эти деньги заработал, а не я, так что жаба меня не душила. В коробочке, которую привёз утром сержант, лежали аппарат и пластиковая карточка разрешения на имя Елены Соболевой, с номером, фотографией и голограммой.

— Хочешь ребёнка купить? — бывшая жена поморщилась, когда я достал пакет и продемонстрировал ей подарок. — Думаешь, это ей отца заменит?

— Завидуй молча, радость моя, — процитировал я Семёна Семёновича Рудина, обычно после этих слов его жена бледнела, краснела и чуть ли не задыхалась, но Ирина ничего не сказала, деревянной походкой подошла к Лене и кивнула на меня.

Увидев подарок, девушка завизжала и бросилась мне на шею. Опрометчивый поступок, дочка Соболева хоть и не была красавицей, но и совсем дурнушкой тоже.

«Она моя дочь», — внушал себе, а точнее своему уже организму, чмокая Лену в щёку — несмотря на принадлежность Соболеву, мозг её близкой родственницей не признавал. Обошлось, обжимания прошли без последствий. Девушка было дёрнулась, чтобы показать подарок подружкам, но я её остановил.

— Погоди секунду.

Снял с руки часы из якобы метеорита, протянул.

— Я улетаю скоро, пусть побудут у тебя.

— Хорошо.

Девушка равнодушно застегнула браслет на запястье, ещё раз обняла и ускакала по

своим молодым делам — хвастаться новым гаджетом. А тех, кто постарше, Аграмян позвал на шашлыки — чуть парящие куски мяса источали такой аромат, что рот наполнялся слюнями, а голова не могла ни о чём другом думать. Хотя я подумал — о себе, мне-то тоже предстояли шашлыки, воскресный мангал с друзьями и соседями, только не здесь, а на другой стороне. И я надеялся, что тот вечер мне никто не испортит.

(28). Сторона 1. 27 мая, среда

(28). Сторона 1. 27 мая, среда.

Город был полон самыми разными слухами. Сходились в одном — над семьёй Нефёдовых нависло проклятье, которое планомерно уничтожало одного представителя этой фамилии за другим. Очень нервничали другие Нефёдовы, к старику никакого отношения не имеющие, например, Димкин сосед с вечно гадающей собакой, он тоже был Нефёдов, но совсем не родственник, и всё равно, теперь детей одних на улицу не выпускал, а прошлым вечером чистил охотничье ружьё и пересчитывал патроны.

— Какая разница, родичи или нет, фамилия одинаковая, маньяк, он разбираться не будет, — сказал сосед Димке, когда тот поинтересовался, на кого тот собирается охотиться. — Ты бы тоже вооружился, а то дом перепутают, ночью это как нечего делать.

Димка свою Сайгу доставать не стал, как он считал, если уж взял оружие, то для дела, а просто так размахивать это по-пижонски. Но остальным на его мнение было наплевать, общая истерия дошла до той планки, когда любой чувствовал себя вовлечённым в этот увлекательный сюжет.

— Мне бабка сказала, что мы с покойным в сродстве, — Виталик, водитель машины скорой помощи, помогал Димке вытащить очередного покойника по узкой лестнице пятиэтажки. — Вроде какой-то мой пра-пра-прадед был женат на пра-прабабке этой старой сволочи.

— Нельзя так про мертвецов, — Дмитрий держал за ноги тело, упакованное в мешок, каталка стояла в двух этажах ниже. — Про них или хорошо, или ничего.

— погоди, давай передохнём, — шофёр остановился, уронив голову трупа на лестничную площадку. — Чёрт, опять череп треснет, Чуров орать будет, вечно он ко мне цепляется. И дочка его, будь она неладна. Давай, взяли и понесли.

Дочка Чурова, Зинаида Петровна, которая закрутила с Михаилом Нефёдовым-Кудельманом роман, последние три дня вообще на людях не показывалась, Василич говорил — заперлась у себя в квартире, мужа своего, Самойлова, выставила с вещами и пьёт. Из-за этого Герман Натанович поселился на работе, и житья никому не давал. Диме отменил все ночные смены, и теперь молодому человеку приходилось работать не как раньше, посуточно, а по плавающему дёрганному графику. Федьку Филина вообще уволил за очередную пьянку, хорошо хоть главный врач вовремя вступился и отправил медбрата в отпуск. С Чуровым Герман не разговаривал принципиально, даже распоряжения, когда тот работал в морге, отдавал через санитаров. Отлаженная система доставки покойников распадалась на глазах, обязанности вроде никто не отменял, а оплату за них зажали.

— В последний раз еду за так, пусть главврач тогда рассчитывается, — Виталик захлопнул заднюю дверь, закурил. — Димон, слышь, а чего в больнице болтают, что ты этому Нефёдову внук?

— Мамка моя с сыном его путалась ещё до моего папани, — фельдшер тоже закурил, — а эта чокнутая из лабы, Майя, внучка его, решила, что мой папка тут вообще не при чём, вот и растрепала. Мозгов как у курицы.

— Бабы — дуры, им только дай повод языком почесать, — шофёр кивнул, бросил окурок на газон.

Димка было дёрнулся дать ему пинка, чтобы не мусорил, но вовремя вспомнил, что он здесь не дворник-космонавт, а свой в доску парень из больницы, и таких окурков он сам за свою жизнь целую кучу накидал.

В больнице их ждали две новости.

Во-первых, Чуров окончательно разошелся с Германом, вот прям всерьёз, и Самойлова от дел совсем убрал. Тот пообещал Василичу морду набить, а пока саботировал всех покойников, которых доставляли по коммерческой части, их складывали в отдельное помещение, и что с ними делать, никто не знал, даже главврач.

И второе, дочку Нефёдова привезли в реанимацию. Она от страха наглоталась каких-то успокоительных таблеток, и тронулась головой, а заодно и давление упало почти до нуля. И теперь единственная оставшаяся в живых наследница первой очереди лежала при смерти. На самом деле, дела у неё шли на поправку, но большая часть медперсонала была твёрдо уверена, что ей осталось недолго, потому что — проклятье.

На каталке они быстро переместили тело в холодильник, повесили бирку, Димка внёс в компьютер данные, и отправился на обед. Заодно позвонил Алисе, но та трубку не взяла. Они не виделись с утра воскресенья, когда девушка, бодрая и весёлая, выйдя из холодной воды, как Афродита, с падающими каплями, подтянутым телом и мокрыми волосами, обнаружила в смартфоне семь пропущенных вызовов, и умчалась на работу. И если в этот день она что-то отвечала, мол, некогда, то с понедельника вообще на связь перестала выходить и мессенджеры отключила.

Димка забрал гистологию у Самойлова, отнёс в лабораторию, где теперь царствовал Чуров, отдал Майе — та тоже какая-то смурная была, на приветствие едва головой кивнула.

— Ох жалко девоньку, — пожилая санитарка пыталась распутать шнур от кварцевой лампы, и молодой человек ей помог, — такая молодая, и всё. Кончилась.

— Ты чего, баба Шура? — парень пометил себе, что надо к завхозу зайти, шнур у лампы перетёрся, и из-под изоляции виднелись оголённые проводки, — чего кончилось-то?

— Жизнь, Димочка. Дед её, дядька, потом папаша, теперь вон тётка помирает, следующая — она. Весь род под корень за грехи. Другая бы свечку поставила, отмолилась, а эта нехристь, ей спасения нет. Сама видела у неё на руке знак антихриста, вот говорю тебе, Дима, конец близок.

— Так если она нехристь, то проклятье на неё не распространяется? — Димка во все эти вещи не верил.

Санитарка замерла, уставившись в одну точку.

— Точно, — сказала она. — Она всех и прокляла. Из-за наследства.

И поспешила по коридору к сестринскому посту, забыв про кварцевание. Пришлось Куприну самому завозить аппарат в лабораторию, выгонять всех оттуда и включать лампу, а точнее три на одной подставке.

Через сорок минут, когда он отпер кабинет и щёлкнул выключателем, в лабораторию ворвалась Майя.

— Куприн, ты идиот? — с ходу спросила она. — Значит, по-твоему, я своего отца повесила, чтобы всё себе заграбастать?

В дверном проёме показались любопытные лица, среди них и баба Шура была.

— Да погоди ты, ничего я такого не говорил.

Дима потянулся к шнуру, но Майе показалось, что он хочет до неё дотронуться. Она влепила парню пощёчину, оттолкнула, и со злости сама рывком дёрнула провод. Раздался треск, посыпались искры, девушка грохнулась на пол, сжимая шнур в руке, запрокинула голову назад, её били судороги. Такое Димка видел только в учебных фильмах, и действовал он, как там говорилось. Выдернул провод из розетки вместе с розеткой, проверил цвет слизистых и кожи, пульс и зрачки, убедился, что ритм сердечных сокращений ровный, и остальное тоже в норме. И только потом с силой разжал пальцы девушки, на её ладони темнел ожог. Он подхватил Майю на руки, не обращая внимания на слабые попытки сопротивления, и понёс в реанимацию — на всякий случай. Вслед ему быстро-быстро крестилась баба Шура.

К вечеру репутация Майи была очищена, теперь её все снова жалели, лаборантка стала звездой больницы. Их даже с Димкой в сплетнях почти поженили, но девушка, когда очнулась, со своим спасителем разговаривать отказалась, и потребовала, чтобы его к ней в палату не пускали.

— Беременная, — первой сообразила пожилая санитарка, — ну Куприн, подлец какой, обесчестил бедняжку.

На этом злоключения Димки не закончились. Когда он доехал до своего участка и завёз в калитку скутер, то увидел, что на крыльце, на подвешенных к притолоке качелях, сидят двое — Алиса Нестерова и Вика, и что-то оживлённо обсуждают. Рядом с ними стояли два больших чемодана, один жёлтый, другой красный.

— Шах и мат, — сказал себе молодой человек, — шах и мат.

(29). Сторона 2. 28 мая, четверг

(29). Сторона 2. 28 мая, четверг.

— Шах и мат, — Попов передвинул коня на чёрную клетку, — Палыч, чего зеваешь?

Через три часа старт, а ты уже в облаках.

— Задумался, — признался я, и уронил чёрного короля.

— Ты из за этого, — он кашлянул, скрыв первый слог — ...дака Велесова? Да забей на него, вы с ним до отлёта с Луны не увидите. Этот индюк всех достал, а ведь в училище нормальный парень был, без закидонов, откуда только всё это взялось.

Генерала Велесова вживую в первый раз я увидел в прошлое воскресенье — он приехал за бывшей женой Соболева на личном кремового цвета автомобиле. Наверное, очень дорогим и престижным, судя по тому, что протёр он пятнышко на дверце носовым платком. Ирина Соболева с его появлением оживилась, поцеловала в губы, почему-то пристально глядя на меня, и тогда только я сообразил, что этот бывший космический приятель — новый муж бывшей моего персонажа. Тут всё вставало на свои места, и слова генерала Лихого, что я в своего боевого товарища шмальнул, и другие намёки, и странная походка Велесова, видимо, всё это было следствием личных разногласий. Если экс-Соболева думала, что я от ревности пойду и повешусь, то сильно ошиблась, мне на её обжимания с Велесовым было начхать — может, Соболев бы снова в драку полез, а меня посторонние люди не волновали, пусть хоть бы он завалил её прямо на лужайке. Может, я бы даже советом помог, но только советом, не больше. Видимо, Ирина это поняла, и очень расстроилась, а вот хозяин дачи одобрительно на меня посмотрел.

Владлен Леонтьевич вообще в этой семье был явно посторонним, Аграмян с генералом держал себя подчёркнуто вежливо и отстранённо, и другие гости тоже стояли на моей, то есть Соболева, стороне. И это было приятно, мне эти люди тоже были симпатичны. Причём мне — Соболеву.

С этим, кстати, у меня возникли проблемы психологического характера. Бывало, что чётко себя считал Дмитрием Куприным, даже в теле персонажа себя ощущал неуютно, но иногда словно забывал о настоящей личности и начинал мысленно себя Колей называть. К местному психиатру точно обращаться не стоило, а в настоящей реальности — реальный шанс загреметь в психушку. И ещё заметил, когда переключался на персонажа полностью, движения другие становились, более естественные для этого тела, точные и выверенные. Вот как когда блоки в макете корабля менял, или на стрельбище из карабина всаживал пули в десятку, или сидел за штурвалом симулятора. С одной стороны, здорово, казалось бы, расслабься и получай удовольствие от инстинктов и рефлексов настоящего профи, а с другой, я совсем не хотел становиться Соболевым, мне и Куприным было хорошо.

Но моё непосредственное игровое окружение о двойственной личности не догадывалось. Точнее, Ланская-то определённо заподозрила, не просто так мне флакон Леграна показала. Может, здешние спецслужбы про двойников знают, раз я не один здесь такой. А может быть, нет, прямо ведь не спросишь. Но главное, что из-за этого ничего не менялось, я летел на Луну.

Наш отряд привезли на аэродром во вторник днём, за двое суток перед стартом. Всех пятерых — полковника-командира, радистку Урсляк, моего приятеля Сайкина, меня самого и Алису Нестерову-2. Местная версия от оригинала немного отличалась — моя подружка-следователь была полнее и фигуристее, а эта тощая, килограммов на десять легче, с мальчишеской стрижкой, отсутствием косметики и набитыми костяшками на пальцах. Карие глаза оставались прежними, в отличие от характера.

Нестерова-2 сразу дала понять, что своих товарищей по команде она и в грош не ставит. На вопросы отвечала резко, если ей надо было что-то попросить, делала с таким видом, словно одолжение оказывала, на любую критику в свой адрес взрывалась и готова была убить, но сама только и делала, что отпускала едкие замечания. Досталось всем, и радистке, и Сайкину, и мне. Более-менее удавалось общаться с ней только Попову, полковник вообще мог найти подход к любому, даже к Велесову, который, появившись на аэродроме в среду, сразу попытался показать, кто здесь главный. Делал он это, глядя на собеседника свысока, что при его небольшом росте получалось не очень. Даже сидя.

Формально генерал был начальником этой экспедиции, и командовал обоими экипажами — спасательским и исследовательским, со своими он, видимо, уже расправился, семь человек сидели в комнате отдыха, где мы с ними и познакомились перед ответственным разговором.

Велесов по очереди вызывал каждого космонавта, и минут десять беседовал, первый выстрел достался Попову, полковник вышел из кабинета спокойным, но кулаки стиснул. Варя Урсляк, спокойная женщина за тридцать, пройдя мимо меня к кофеварке, улыбнулась и сказала только одно слово — «козёл». А вот Нестерова влетела к нам с красными пятнами на лице и скрежеща зубами, видимо, нашла коса на камень. Точнее, встретились два куса коричневой субстанции. Сайкина вызывать не стали, комитетчик на такое невнимание не обиделся, он сидел в углу, пил чай, заедал бутербродом и разгадывал кроссворд.

Меня Велесов приберёт напоследок, и разговор получился короткий.

— Надеюсь, Николай Павлович, у нас с вами не будет проблем? — он смотрел на меня чуть искоса, добела сжимая в пальцах карандаш.

— Какие проблемы, Владя, — я расплылся в улыбке. — Ты же знаешь, я для друзей на всё готов. А тем более ради тебя.

Раз они летали вместе, наверняка не по имени-отчеству обращались. Судя по напрягшимся скулам и сжатым губам — угадал.

— Я бы попросил, — начал Велесов.

— Да ладно тебе, дружище, что было, то прошло, — я встал, опёрся руками об стол, Велесов откинулся назад, будто отодвигаясь от меня, — мы с тобой сколько вместе налетали, знаем друг друга как облупленных. У тебя своя задача, у меня своя, раз партия сказала — выполним. А личные отношения оставим на Земле.

— Хорошо, — Владлен, казалось, даже приободрился, вылез из-за стола, вывел меня из кабинета чуть ли не под ручку, — тогда не задерживаю.

— Ну как? — спросил меня полковник, когда я зашёл в комнату отдыха.

— Отличный парень этот Велесов, я его давно знаю, вот такой — сказал я громко, так, чтобы все слышали, и показал два больших пальца.

— И пилот отличный, ходит плохо, зато летает хорошо, — вполголоса добавила Нестерова, и показала два средних пальца.

Генерал как раз проходил мимо, на это замечание побагровел, и ускорил чуть

подпрыгивающий шаг. На Нестерову он посмотрел с ненавистью, ничего не сказав, и точно так же посмотрел на меня. Я сразу догадался, что друзьями нам уже больше никогда не стать.

Попов еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Нестерова сдерживаться не стала, заржала, даже члены экипажа Велесова, и те улыбались, закрывая лица ладонями.

Но всему плохому и хорошему приходит конец, ещё в десять утра, после завтрака, мы с Поповым играли в шахматы, а в час дня надевали снаряжение. Здесь мне снова пришлось уступить место навыкам Соболева, иначе я бы с каждой застёжкой час возился. А так, через десять минут, уже был упакован в комбинезон, ботинки и лётный шлем, скафандров космонавтам почему-то не полагалось. Нас погрузили в автобус, и высадили у трапов двух огромных самолётов, у каждого на спине был прицеплен небольшой челнок. Группа Велесова высадилась первой, а наш самолёт стоял поодаль, с включёнными двигателями.

Внутри салона было тесно, точнее, сам салон занимал крохотную часть объёма самолёта, остальное было отдано летательному аппарату-беспилотнику с грузом для орбитальной станции — его сбрасывали вслед за челноком, и обратно на Землю он уже не возвращался. Попов поднялся первым, и первым же полез по лестнице наверх, в нутро челнока.

В челноке было немного просторнее, кабина рассчитывалась на восемь человек, с небольшим отсеком для багажа. Точнее, для личных вещей, остальное разместилось в грузовой ракете. Вибрация от работающих двигателей стала сильнее, самолёт-носитель дёрнулся, на экранах, заменяющих иллюминаторы, показалась лётная полоса, она надвигалась всё быстрее и быстрее, нас тряхнуло, оторвало от земли, носитель начал медленно набирать высоту, уходя на юг. Аэродром с комплексом зданий удалялся, превращаясь в крохотные пятнышки, мы прошли один слой облаков, выскочили на открытое пространство и начали медленно поворачивать на запад.

— Соболев-один первому, — Нестерова-2 ожила, когда высота превысила сорок километров, — готовлюсь к отстыковке. Два-пятнадцать по правому, разогрев.

— Соболев-один, — послышался голос пилота носителя, — ещё раз всё проверь. Даю пять минут.

— Да знаю я, — Нестерова-2 щёлкала переключателями, дублируя ползунками на экранах, — не маленькая.

— Велес-два отстыковка, — раздался голос генерала.

На одном из экранов от тушки носителя отделился второй челнок, он ушёл вбок, из сопел вырвался огненный выхлоп, челнок резко ускорился, и через несколько секунд крохотной точкой проколол остатки атмосферы.

— Соболев-один первому, отстыковка.

— Разрешаю, — голос в динамике звучал напряжённо, а над лицом пилота появилась надпись — *Виталий Нестеров*. — Включаю отсчёт. И смотри у меня.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— Соболев-один, близких звёзд, — мне показалось, что голос в динамике в этот раз обращается ко мне. — Николай Павлович, если Алиска будет выпендриваться, можешь её ремнём, вместо меня. Попову не доверяю, он слишком добрый.

— Ну у меня доброты особой нет, прямо сейчас и начну, — пообещал я. — Только до ремня доберусь.

Алиса-2 в этот раз промолчала, всё её внимание было отдано приборам.

Челнок накренился, носитель остался в стороне, Сайкин вцепился в поручни, и вовремя — меня вжало в кресло. Спинка и обхватывающие бока накладки надулись, частично компенсируя ускорение, но оно было таким, словно Нестерова хотела размазать меня по переборкам. Даже Попов, и тот с покрасневшим лицом недовольно крякнул. На этот случай у меня была приготовлена стандартная процедура, которую я уже обозвал «включить Соболева», сознание привычно переключилось на посторонние мысли, тело самостоятельно приняло нужное положение, напрягая нужные мышцы и расслабляя ненужные, сразу стало легче и привычнее.

(30). Сторона 1. 29 мая, пятница

(30). Сторона 1. 29 мая, пятница.

Леонид Петрович Курочкин сидел за рабочим столом, сжав виски ладонями, словно пытался удержать мысли в своей голове. Начальник ОВД совершенно не вовремя ушёл в отпуск, оставив дела на заместителя. Смерть Нефёдова из обыденного происшествия — все старики умирают рано или поздно, превращалась в какой-то триллер. Сначала отец, потом один за другим два сына, теперь вот дочери подбросили записку прямо в больницу. «*Ты едущия*». Майор полиции повертел в руках ксерокопию письма с наклеенными буквами из газетных заголовков, точь-в-точь как в американских детективах. Газету, источник букв, установить удалось без труда, и это было хорошо. Плохо, что это была рекламная газета местного строительного комбината, хозяин которого ещё и сеть магазинов по городу держал, такими вот листочками каждую неделю по пятницам были усеяны подъезды и газоны.

Михаил Кудельман развёлся шесть лет назад, появился здесь сразу после смерти отца, на следующий день. Словно заранее знал, что это случится. Приехал не один, а с дочерью. Майя Михайловна, двадцати четырёх лет от роду, работала в одной больнице вместе с Димкой Куприным. Устроилась туда недавно, сразу после приезда — начальство намекнуло, что у Кудельмана большие проблемы в столице с налоговой, и возвращаться он туда пока не собирался. Дочери никто не угрожал, и вообще, она была как-бы в стороне.

Майя жила отдельно от отца, в одной из квартир Нефёдова. Наследство, оставшееся от старика, вполне могло стать мотивом убийств — семь квартир, от роскошной, в Царском Селе, до замызганной однушки, два коттеджа в городе и небольшой кирпичный дом у реки, в нём сейчас следователи работали, а до этого жил Кудельман. Плюс счета в банках, там выходило совсем немного, чуть больше пяти миллионов. За неделю перед смертью Нефёдов продал акции и доли в предприятиях почти на сотню миллионов, сразу их обналичил, и эти деньги найти пока не удалось. Ни у Кирилла, ни у его сестры детей не было, Майя осталась единственной наследницей после смерти отца. Вот и думай теперь, не она ли всё это провернула, и не был ли постановкой этот дурацкий случай в больнице, с участием пасынка.

Майор даже на секунду слухам поверил, спросил у Димки, правда ли, что Майя Кудельман от него беременна, и вместе с отрицательным ответом получил неожиданную информацию. Следователь, которая вела до этого дело Нефёдова, теперь жила у Дмитрия, там же, пока не освободится место в общежитии, поселилась Вика, его, майора, племянница. Есть ли между ней и пасынком какие-то отношения, Леонид Петрович даже думать не хотел, как и то, что, возможно, они там все втроём в одной кровати спят.

Следователь Нестерова заботила его совсем по другой причине. Несмотря на то, что снова возникло подозрение в убийстве, причём серьёзное, следственный комитет забирать обратно дело не спешил. Полиции предложили сначала самостоятельно определить, насильственные действия это, или семейное хобби-суицид, а как тут определить, если на весь отдел полиции только два следователя, и те завалены работой по макушку.

Один из следков как мысли читал — заглянул в кабинет.

— Лёня, не справляемся, четыре кражи за неделю, — сказал он. — Дай мне человека в помощь.

— Кого?

— Да хоть Сомова. Он сейчас на третьем курсе юрфака? Вот, практика ему будет. Так я готовлю приказ?

Леонид Петрович кивнул, сложил из копии угрозы самолётки, запустил в противоположную стену. Бумажный планер взмыл к потолку, развернулся, и тукнул портрет президента, висящий над столом, в левый глаз.

Дмитрий Куприн об угрозе дочери Нефёдова знал не понаслышке. Записку нашли перед завтраком, когда он смену заканчивал. По словам женщины, она проснулась, почувствовала под головой что-то шуршащее, и сначала даже не поняла, что это. А когда поняла, это уже по словам дежурной медсестры, заорала так, что сбежалось всё отделение. Бумажку передавали из рук в руки, так что, когда приехала полиция, об отпечатках думать было уже поздно, послание через два десятка рук прошло, хорошо хоть буквы, которые отклеились, с пола собрали. Почти все. Правда, без двух букв смысл надписи получался другой, но этим никто не обманулся. Нефёдова даже немного успокоилась, нотариуса вызвала и составила завещание, хотя чего тут составлять, наследница всех семейных богатств одна была — Майя Кудельман.

— Она их и пришила, — Димка с Вадиком сидели на скамейке неподалёку от отдела полиции, прапорщик, а теперь ещё и помощник следователя, с завистью смотрел на приятеля, потягивающего пиво. — Смотри, всё сходится, доступ к лекарствам у неё был, знания необходимые — тоже, деда отравила, дядю родного вместе с ним, отец узнал — с горя повесился. Ну и тётке бумажку подбросила, она же на том же этаже работает, только в другом корпусе.

— Ну и что на это твоё начальство сказало? — Дима вздохнул, пиво было холодное, вкусное, и быстро закончилось. В пакете лежали ещё три банки, но доставать новую и окончательно загнать товарища в депрессию он не хотел.

— Что бред несёшь, — прапорщик поморщился. — У Кудельмана на теле отметины обнаружили, и решили, что это следы борьбы. Но дверь-то он сам открыл, впустил гостя, а кого он ещё в этом городе знает, кроме собственной дочери?

— Да дофига кого, он же здесь жил. Вон, Чурова знает, и дочку его, у них роман был.

— Погоди, — Вадик достал из кармана блокнот и ручку, — у этой, которая из мэрии?

— Зинаида Петровна.

— Ну да. Димас, я бы тебя расцеловал, но лучше для Вики нежности приберегу. Значит, Зина эта была любовницей Кудельмана. Может, она беременна, и их ребёнку всё достанется? Интересно, Чуров замешан? Он ведь судмедэксперт, что напишет, то и пойдёт в дело.

— Вот и выясни, — Димка встал. — Кстати, Вика в общежитие заселится только осенью, а здесь ей минимум месяц ошиваться, пока документы не оформит. Может, к себе её заберёшь? А то когда ты ко мне в дом пробираешься, я не только всё слышу, но и вижу, камера-то на проходе стоит.

— Вот ты параноик, — Вадик огорчился. — Слушай, я думал, тёлка тупая, кроме как фотки выкладывать ничего не умеет, а она, оказывается, умная. Мнение у неё своё по разным вещам, причём обосновать может, ещё иногда так пошутит, аж живот надорвёшь, и не бабские шутки, а нормальные, про спорт там или политику. Это же классно, когда не только потрахаться, но и поговорить можно.

— Вадя, ты уже задолбал с ней каждую ночь разговаривать. У меня теперь не дом, а проходной двор, хорошо хоть туалетов отец понатыкал, как будто диареей страдал, а то в

очередь на унитаз бы стояли. Так чего, отдаю тебе дальнюю родственницу. Забираешь? У тебя же вроде комната своя.

— Да не могу я сейчас, — прапорщик вздохнул тяжело, — у сеструхи новый хахаль, мамахен с отцом собачатся, он опять бухать начал, ей говорит, что на работе вроде как неприятности. Я с его начальством перетёр, они только руками разводят, мол, там личные проблемы. Этот придурок старый бабу себе нашёл в бухгалтерии на двенадцать лет моложе, разведёнку с прицепом, и теперь отвязаться от неё не может. Сам понимаешь, привести туда Вику — это значит остаться без неё. Димыч.

— Ась?

— Дай я у тебя что ли комнату сниму. Вон хоромы какие, десятку в месяц я готов платить.

— Вадик, ты дурак? — Димка покачал головой.

— А чего, нормальная цена.

— Ты меня за кого держишь? Мы ведь с тобой с первого класса дружим, если я с тебя бабки возьму, как думаешь, долго дружба наша продлится? Раз такие проблемы, чего молчал, перекантуешься у меня, пока она не свалит, или у тебя не образуется. Но давай сразу договоримся — у меня личная жизнь вроде как налаживается.

— Ага, со следаком, — Вадик похлопал Димку по плечу, — спасибо, братан, я всё понимаю. Будем тише воды. Ты сейчас куда?

По-хорошему, Димке надо было поспать — два часа, перехваченных в ординаторской, организм не восстанавливали от слова совсем. Но вместо этого через сорок минут ему предстояли занятия в мотошколе. Соболев, то есть он в мире Соболева, вроде как определился, и мотоцикл отодвинулся на второй, а то и третий план, а здесь он, Дмитрий Куприн, втянулся. Скутер, он ведь по сравнению с настоящим байком, как табуретка против мощного мускулистого жеребца каких-нибудь алхетинских кровей. В случае Димки — самурайских. Старенький Кавасаки ждал своего часа в гараже, на нём Куприн выезжал только ранним утром и только туда, где не было почти никакого дорожного движения, разгоняясь в лучшем случае до восьмидесяти. А мог бы и до двухсот, стоило крутануть ручку газа, чтобы форсированные триста кубиков заработали на полную мощность.

Площадка автошколы, где будущие байкеры рассекали между расставленными на асфальте оранжевыми конусами, была в двух шагах — буквально, через забор от городского отдела полиции. Сюда приезжали и на своих двоих, и на скутерах, как Димка, и на крутых внедорожниках, люди объединялись одной целью, и социальные различия на время почти стирались. На скамейке возле урны курили девушка, с некрасивым, но живым лицом, и высокий мускулистый блондин в кожаной куртке. Девушка занималась с Димкой в одной группе, парня Куприн видел в первый раз. Они обсуждали новый мотоцикл, который появился в областном салоне, и не просто так, а явно собирались его купить, цена в полтора миллиона их не смущала. Димка поздоровался, прикурил, сел в стороне, открыл почту.

Внезапно из-за угла мастерской, где что-то точили и сверлили, показался дядя Паша, больничный завхоз. Он шел не торопясь, в руке держал авоську с торчащим оттуда горлышком водочной бутылки.

— Это что за перец? — блондинчик сплюнул. — Эй, товарищ в грязной майке, тут бухать нельзя. Ближайшая рыгаловка вон там, дальше по улице.

Дядя Паша кивнул Димке, а на парочку мажоров даже не взглянул.

— Не, он рамсы попутал, — парень в кожаной куртке явно красовался перед девушкой. — Уважаемый, я с тобой разговариваю.

Дима было приподнялся, чтобы за коллегу вступить, но завхоз сам развернулся, подошёл к курилке.

— Майка у меня грязная, потому что я работаю, — спокойно сказал он, — а не бездельничаю. Ещё вопросы есть?

— Есть, — не унимался блондин.

— Санчес, остынь, — попыталась урезонить его подруга.

Но Санчес не остывал. Он сжал кулак, словно собираясь ударить мужчину.

— Что-то ты борзый, — сказал он почти ровным голосом, — может, подбашлять хочешь? Вон моя тачила стоит, ей цена как твои сто зарплат, помоешь, дам косарь. Майку себе новую купишь, или ещё пузырь.

Димка в машинах разбирался не очень, но здесь парень не ошибся, Порш, даже сильно потрёпанный, наверняка стоил больше миллиона, а платили в больнице мало. Дядя Паша усмехнулся, подошёл чуть ближе. Блондинчик напрягся.

— Косарь, говоришь? Конечно, помою, — сказал завхоз. — Но здесь нельзя, отгонишь на мойку вон туда, за мастерскую, протру. Хотя она и так чистая.

— И внутри чтобы вылизал. Только бережно, там алькантара дороже тебя стоит.

— А об этом уговору не было, — дядя Паша переложил авоську в левую руку. — Если ещё и внутри — пятёра.

Из мастерской выглянул механик, на секунду исчез, а потом появился снова, но уже не один, а в компании Лосева, хозяина автошколы. Лось был человеком авторитетным, пару раз сходил на зону по молодости, потом купил несколько точек на рынке, открыл два шиномонтажа, и с тех пор развернулся широко. Всё, что в городе было связано с машинами, мотоциклами, их ремонтом, разборкой и перепродажей, всё это было под ним. В том числе и автошкола. Мотоциклы Лось любил до фанатизма, свой харлей лично перебирал по винтику, никому не доверяя.

Оба, Лось и механик, направились к скамейке, механик торопился, а Лосев шёл не спеша, вытирая перемазанные смазкой руки махровым полотенцем. Девушка их заметила, толкнула блондинчика в бок, но тот только отмахнулся.

— Ты не охренел, дядя? За пятёрку мне её языком оближут. Раз взялся за косарь, иди и трудись, а то я ведь рассержусь, могу наказать.

— И кого ты тут накажешь?

Лосев подошёл сзади, положил парню руку на плечо. В хозяине автошколы роста было под два метра, он таскал мотоциклы, поднимая их за раму и сиденье, под тяжестью ладони блондинчик покачнулася, обернулся к новому обидчику, но узнал Лосева и сразу потух.

— А чего он, договорились же за косарь.

— Виктор Данилович, — девушка приподнялась, — Саня погорячился, но сейчас извинится и заткнётся.

— Зотова, бегом на площадку. А ты, — Лосев сжал плечо парня так, что тот чуть не заплакал от боли, — проваливай. Чтобы ноги твоей у меня не было, увижу, на запчасти разберу, и отцу твоему скажу, чтобы всыпал. Куприн, а ты чего уши греешь? Ноги в руки, и змейку отрабатывать. Конфликт исчерпан?

Димке показалось, что спрашивает это Лосев не у паренька в кожанке, а у завхоза дяди Паши, но тот даже не глазом не повёл, стоял молча с авоськой в руках, будто всё

происходящее его не касалось. Блондинчик пробормотал что-то, и через минуту ни его Порша, ни самого Санчеса на территории автошколы не было. Не было и дяди Паши — он ушёл, бережно неся свою авоську, Лось смотрел ему в спину настороженным взглядом. И только когда фигура завхоза скрылась из виду, вернулся в мастерскую.

(31). Сторона 2. 01 июня, понедельник

(31). Сторона 2. 01 июня, понедельник.

На станции «Восход-4» был свой завхоз, капитан службы тыла Пастушенко, небольшого роста и очень худой. Настолько, что, казалось, дунь ветер, и улетит капитан быстрее любой ракеты. Несмотря на субтильный внешний вид и небольшое звание, Пастушенко был человеком солидным и с положением, командир станции Вахромеев при любой нужде бежал именно к нему. Сам, а не вызывал в свой командный отсек. Именно капитан обеспечивал всем необходимым монтаж двигателей на челноки, в огромном сплетении бывших корпусов ракет, выполнявших функции склада, он ориентировался как рыба в воде.

— Ты покумекай, майор, своей умной башкой, зачем мне торопиться, — Пастушенко висел передо мной в воздухе, — мы же не блох ловим, а межпланетные корабли снаряжаем. Будет косяк, кого обвинят? Полковника Вахромеева? Нет. Может, генерала Велесова? Тоже нет. Пастушенко будет виноват, ибо ответственный материально. Сам ведь челночил с верхней орбиты, должен понимать, нету у нас мелочей. Так что, ставим ускоритель, или обойдётся?

Так получилось, что в команде бывшего друга Соболева было семеро спасателей, а в моей — командир, десантник, пилот и радист. И только один бортинженер на оба челнока, то есть я. Фактически всеми работами руководил ЦУП, там сидели настоящие инженеры, и решали, какой серии двигатель воткнуть между двух реактивных, и нужно ли его доукомплектовывать новым ускорителем, требующим дополнительного охлаждения. Но формально последнее слово оставалось за мной. ЭРДЯН-200 дробь 3, они же электрические ракетные, доставлялись на станцию грузовыми кораблями, и хранились на складе — их тут было штук десять, запас постоянно пополнялся. А ускорители должны были подвезти со дня на день отдельным рейсом, с логистикой в этом мире был тот ещё бардак. Небольшие блоки с тремя разъёмами монтировались за несколько минут, в отличие от самих двигателей, которые вот уже третий день то запускали, то настраивали.

Оба челнока висели в трёх километрах от станции на тросах, по которым сновали погрузчики. Кроме двигателей, погрузить собирались много чего — низкая орбита была дешёвой, и здесь любой транспорт, улетающий выше, набивался по максимуму. Станция «Восход-4» дрейфовала на высоте пятьсот километров от поверхности — огромный монстр, совершенно не похожий на МКС, с многочисленными отсеками и постоянным экипажем в тринадцать человек. Почти каждый день к станции кто-то пристыковывался, а ведь она была не единственной — существовали ещё четыре таких же. Среди переплетения конструкций выделялись пусковые установки, сорок ядерных ракет с разделяющимися боеголовками по одной мегатонне в тротиловом эквиваленте, двадцать штук на каждой, готовы были в любой момент стартовать к американскому континенту. Такие же ракеты, только на американских станциях, были нацелены на СССР и страны Варшавского договора.

Но наш путь лежал в другом направлении, вверх, а не вниз. Челноки, получившие двигатели, как только закончится эпопея с ускорителями, метнутся к промежуточной станции в безопасном поясе, там к ним цепляли дополнительный груз для лунных и окологрунтовых баз. Роль контейнеров выполняли всё те же корпуса от ракет, одна из них, прилетевшая с Земли позавчера, только что стартовала в нескольких километрах от нас.

— Без ускорителя никак не обойтись? — осторожно спросил я. — Который день тут уже торчим, Луна, она ждать не может.

— Это тебе лучше знать, майор, про Луну и всё остальное, наше дело маленькое, обеспечить и помочь, — Пастушенко оттолкнулся от переборки, и поплыл в сторону шлюза.

А я поплыл в сторону каюты начальника станции, надеясь, что хотя бы в этот раз не встречу Нестерову.

Надо отдать старшему лейтенанту должное, Алиса-два отлично разбиралась не только в пилотировании, но и вообще во всём, что касалось космических кораблей. Для этого у неё были все возможности с самого рождения, дед — начальник ЦУПа, отец — бывший космонавт, и его брат полковник Нестеров, космонавт действующий. В прошлом, кстати, командир Соболева. И Алиса меня, то есть Соболева, по её собственным словам, знала и помнила, в детстве то ли на руках он её качал и не удержал, то ли с горки уронил головой вниз, после чего девочка решила стать пилотом. И осталась ушибленной на всю голову. Так она и заявила, не о том, что с головой проблемы, а о том, что я практически её друг детства.

То, что Попов является командиром нашей команды только номинально, стало понятно, когда в четверг на прошлой неделе мы вышли на низкую орбиту. Полковник громко зачитал список экипажа, словно мы в первый раз собрались, поздравил всех с успешным выходом в космос, подчеркнул, что среди нас находится заслуженный космонавт, совершивший первый лунный бросок, и передал бразды командования мне.

— Майор Соболев, — так и сказал он, — на время полёта назначаю вас исполняющим обязанности командира. Как самого опытного из нас.

Переведя стрелки на меня, Попов с головой ушёл в изучение материалов по базам на Луне — ему предстояло их проинспектировать, Наша радист Варвара Урсуляк была занята переговорами с ЦУПом, одновременно стреляя глазами в Сайкина, а Сайкин углубился в разгадывание кроссвордов.

Два человека остались вроде как не при деле — я и девушка-пилот. Мне предстояло руководить коллективом, который и без меня прекрасно справлялся, а Алиса-два искала, чем бы заняться между манёврами, которые в космосе случаются редко. Пилот занялась мной.

Из товарища майора я превратился в дядю Колю, главного героя её детских воспоминаний. Что из них правда, а что нет, я не знал, Нестерова уверяла, будто в её детстве я приезжал к ним на дачу очень часто, и каждый раз что-то, да происходило. «А помните, дядя Коля...» — закатывала она глаза, и выдавала очередной бред. Иногда настолько неправдоподобный, что и остальным воспоминаниям доверия не было. Но хватило Алису ненадолго, даже те четыре часа, что мы выходили на стыковочную орбиту, она не осилила. Аудитория попалась вялая, разве что Сайкин первое время смеялся, но потом перестал, только что-то в планшете своём помечал. Я тоже первое время пытался запоминать детали биографии Соболева, понял, что их слишком много, и уставился на экран, заменяющий иллюминатор.

Земля с высоты в триста пятьдесят километров вовсе не была крошечной, она занимала практически весь экран. Мы взлетели в три часа дня, американский континент только-только выходил из тени, а Камчатка погружалась во тьму. Ничего особенного, помимо того, что можно найти в интернете, я не увидел, планета как планета. Да, красиво и дух захватывает, но за прошедший месяц я, который Дима Куприн, столько раз её отсмотрел с высоты МКС, что теперь я-Соболев мог уверенно ткнуть пальцем в любой участок изображения и назвать это место. Хотя различия, конечно, имелись, заметные с высоты,

особенно в Европе — её береговая линия сдвинулась, океан стёр часть низинных городов. Так же он поступил и с островами в Тихом океане.

А вот территории, на которых, начиная с 1985 года, когда Южно-Африканская Республика напала на Анголу, взрывались атомные бомбы, из космоса почти ничем не выделялись. Намибия, Ближний Восток, Северный Китай и восточные территории СССР Япония и Тайвань. Последние в темноте никак себя не выдавали, разве что редкими огоньками. Зато коммунистический Вьетнам и капиталистическая Южная Корея переливались вовсю, света было столько, будто там что-то взорвалось. Хотя, может быть, и взорвалось, конфликты в этом мире не замирали никогда.

— Комсомольск-на-Амуре, — Попов, подплывший сзади, ткнул пальцем в экран. — Я ведь оттуда, мы с родителями переехали за год до удара, в девяносто первом. Ракета попала почти в наш дом, никого в живых не осталось, там сейчас деревья растут, кедровая роща, вымахали за это время. Больше тридцати лет прошло, а как гляжу, слёзы наворачиваются. Столько народу погибло, миллионы, а будь тогда у нас ракетный комплекс на орбите, эти твари бы не посмели. Третью Китая стёрли в отместку, а толку что, наших-то уже не вернуть. Ты пиши, майор, потом будет, что доложить.

Это он не мне сказал, а Сайкину, который его слова конспектировал. Комитетчик неожиданно смутился, спрятал планшет.

— Мои из Благовещенска, — хрипло сказал он. — Только уехать не уехали, не успели. Я-то к бабушке в Крым на лето, а они там остались. И папа с мамой, сестрёнка старшая, она заболела не вовремя, и братишка малой. Мне тогда девять было, а ему год только исполнился, хорошо хоть не понял ничего, просто испарился, на месте нашего района ничего не осталось. Так что ты, полковник, не один такой, вся страна кого-то потеряла, три миллиона советских людей против семидесяти у китайцев — так себе размен. Тут я с тобой полностью согласен.

После этого даже Нестерова на время заткнулась.

На восьмом витке челнок наконец достиг той высоты, где летала станция, и после недолгого маневрирования пристегнулся магнитным тросом к причальному шлюзу. И уже через двадцать минут мы были внутри «Восхода-4», где нас встречал полковник Вахромеев, старый приятель Соболева. Это стало понятно после того, как он, пожав остальным руки, крепко стиснул меня в объятьях, постучал кулаком по спине и заявил, что Колька-то отлично выглядит, подлец, несмотря на то, что пытался армию бросить.

— Вот ты зараза, я как узнал, что тебя на Землю списали, чуть не напился. Да что там, ладно, в сопли ужрался.

Георгий Степанович, а для Соболева — просто Жора, уволок меня в кают-компанию, и втянул в разговор о былых временах.

Благо, от меня ничего не требовалось, Вахромеев всё делал сам. Рассказал мне, как они с Соболевым лазили к медичкам в общежитие, и как на стрельбах он потерял автомат, а я, то есть Колька, его нашёл. И как за полгода до полёта на Луну мы вместе добивались зачисления в отряд космонавтов, но выбрали только Соболева.

— Я ж вам тогда чёрной завистью завидовал, — признался он, — и тебе, и Владьке, он нас постарше был и поопытнее, но всё равно. И Лерке Шацкой, она тебя уже ждёт, кстати, час назад сеанс связи был.

— Где ждёт? — не понял я.

— Так на станции подскока, на «Заре». Она теперь там инженером-исследователем уже

полгода как. Бросила свой институт, и вот переселилась в космос, радиацию изучает. Только там Романов, бывший её, командиром, они снова сошлись.

— Ну и что?

— Так вы вроде как одно время... Колян, ты меня за сплетника держишь? Короче, Лерка снова с мужем, ты эту информацию на ус намотай, и не ляпни чего-нибудь.

— А что он может ляпнуть? — это Нестерова к нам подкралась незаметно.

Вахромеев посмотрел на неё неприязненно, ничего не сказал, ещё раз меня обнял, и уплыл по своим делам. А старший лейтенант подтянулась к креслу и защёлкнула ремни.

— Николай Павлович, — вежливо сказала она, — мне кажется, я в вас влюбилась. Нет, что скрывать, это у меня с детства, вот как сейчас помню, качали вы меня на руках, а я млела.

Глаза у Нестеровой, когда она это говорила, были наглые, как у нашей буфетчицы.

— Отлично, — сказал я. — Значит, сегодня вечером приходи ко мне в каюту.

— В какую каюту? — опешила Алиса-два.

— В командирскую. Раз влюбилась, кто я такой, чтобы твоему счастью мешать. Буду помогать.

Нестерова покраснела, выдала длинную фразу о старых козлах-извращенцах, и уплыла. Правильно сделала, потому что для гостей отдельных командирских кают на станции не предусмотрели, спали мы, считай, по всем отсекам, прицепившись кто куда. Моё спальное место располагалось неподалёку от исследовательского модуля, тут же расположился Сайкин — я на условной стене, а он на потолке. В невесомости не имеет значения верх и низ, просторные спальные мешки застёгивались до макушки, воздух подавался через вентиляционные патрубки, ткань с наполнителем отлично заглушала звуки и перекрывала свет, а для экстренных случаев приспособили динамик рядом с ухом. В остальном быт не отличался от того, что я успел в роликах НАСА и Роскосмоса посмотреть, еда из одноразовых пакетов, санузел с хитрыми приспособлениями и душевой пузырь, точнее, четыре — по два для женской и мужской частей коллектива, со строгим расписанием и пятнадцатью минутами на все процедуры. Рядом с таким пузырьём меня в пятницу утром Нестерова и подловила. Она вылезла через осушающий гермошлюз, когда я проплывал мимо, и словно случайно чуть было не упустила полотенце, в которое закуталась.

— Куда это вы пялитесь, товарищ майор? — не давая мне удрать, громко сказала Алиса-два. — На молоденьких девушек заглядываетесь, в вашем-то возрасте?

На самом деле, заглядывались другие — трое спасателей из экипажа Велесова и два техника со станции, но наглую девчонку надо было поставить на место.

— Ну во-первых, Нестерова, ты для меня не молоденькая девушка, а боевой товарищ и пилот корабля, — спокойно ответил я. — А во-вторых, чего я там не видел? Родинку твою на заднице?

Судя по ошарашенному взгляду старшего лейтенанта, такое она услышать не ожидала.

— Мы с её дядей друзья, — пояснил я зрителям, — приходилось эту пигалицу в ванной купать, когда она вместо слов слюнявые пузыри пускала. Тогда и увидел. Жаль, ремнём мало пороли, но ничего, я это исправлю.

Не объяснять же им, откуда я знаю, где у Алисы, что у первой, что у второй, и родинки есть. У первой ещё шрам от аппендицита был на животе, два небольших прокола, но здесь могло совпадений и не случиться. Аудитория моё объяснение восприняла нормально, и разошлась, точнее, разлетелась, мы с Нестеровой остались одни.

— Значит так, товарищ Соболев? — прошипела она. — Война?

— Не доросла ты ещё со мной воевать, — припечатал я, оттолкнулся от потолка и полетел на склад, знакомиться с капитаном Пастушенко. На свою голову.

С тыловым капитаном у нас установились доверительные отношения. Сначала он два часа таскал меня за собой по складу, увлечённо рассказывая, как сортируются вещи в условиях космоса. Сперва это было познавательно, но когда мы третий раз проплыли мимо контейнеров с сублимированными продуктами, я капитану напомнил, что в космос начал летать больше двадцати лет назад, и не такое успел повидать. И тогда Пастушенко переключился на ускорители, которые должны были доставить со дня на день.

С ускорителями путь до Луны сокращался на два часа, и удлинялся на несколько дней. Почему-то этот факт ни у кого вопросов не вызывал, даже начальник станции Вахромеев был уверен, что без этих приблуд лететь нельзя. Во-первых, потому что они предусмотрены конструкцией, во-вторых, потому что с ними радиационные пояса проходятся быстрее, в-третьих, ускорители, помимо своего прямого назначения, ещё и оружием были, точнее превращали в него двигатели. Монтаж двигателей и юстировку излучателей закончили в понедельник утром, и с этого момента нас, кроме этих незначительных, на мой взгляд, деталей, ничто на станции не держало.

И в-четвёртых, самое главное, мы были первыми, кто эти ускорители должен был получить, до этого их испытывали только на беспилотных кораблях, и с усечённым функционалом. А мы, вроде как, удостоились чести первыми воспользоваться совершенно новым продуктом. К таким тестам я всегда относился настороженно, в больнице новые лекарства применялись неохотно — мало ли какая побочка случится, а уж в космосе диареей или кожными высыпаниями не обойдёшься.

После разговора с Пастушенко, глядя на его удаляющийся, обтянутый служебными штанами зад, так и просящий хорошего добротного пенделя, я уж было решил написать рапорт — тут этим все занимались, но тут из шлюза буквально вылетел Мамедов, борттехник станции, мы с ним чуть было не столкнулись нос в нос.

— Везут, Николай Павлович, — радостно отрапортовал капитан, ловким манёвром уходя от столкновения. — «Тайфун» стартовал только что, через час сорок минут пристыкуется, в ноль пятнадцать по Москве. Вместе с нашим грузом и ваши ускорители доставят, так что сразу начнём монтировать.

(32). Сторона 2. 02 июня, вторник

(32). Сторона 2. 02 июня, вторник.

«Тайфун» появился ровно через час сорок, только почему-то с другой стороны — грузовой конус пронёсся мимо станции, чуть было не снес антенный блок. Только я успел подумать, что в его поведении есть что-то странное, как включился сигнал тревоги. Сигнальные указатели заморгали красным, в этой ситуации у экипажа были свои задачи, а у гостей — свои.

— Это не «Тайфун», а чужой аппарат, — предупредил меня по спецсвязи Вахромеев, — но об этом, Коля, здесь знаем только ты, я и Велесов. От ЦУПа указаний не будет, они считают, что канал связи взломан, так что действуйте по обстановке. Если бы я отдавал приказ, то — сбить к чёртовой матери, но старший по званию у нас генерал Велесов, ему и решать.

— И что он решил?

— В героя поиграть, — было слышно, как начальник станции сплюнул, — один лететь зассал, тебя с собой берёт, так что, Коля, твой выход.

Это я уже слушал, перемещаясь к шлюзу. От Велесова пришёл короткий приказ — вылетать.

— Мы на станции в относительной безопасности, — продолжал Вахромеев, — если что, снесём хоть один Тайфун, хоть эскадрилью, а вы там поосторожнее, без усилителей у вас только торпеды маломощные и лазерная пушка. Велесов в вашей сцепке главный, но ты тоже там мозгами шевели, на третьем витке, судя по расчётам, грузовик на нас наедет, и тут я просто так сидеть не буду, ударю из всего что есть.

— Понял, — я кивнул, хотя полковник меня не видел.

Мы должны были через шлюз перейти в челноки, отойти от станции на безопасное расстояние и атаковать чужака, вот только до ближайшего космоплана было три километра, и добираться к нему предстояло двум людям, командиру экипажа и пилоту. То есть мне и Нестеровой. Рядом облачалась в космическую одежду Алиса-два, я подумал, что не мешало бы её подкормить — она только что достала свой скаф, открывая застёжки, и кроме обтягивающего трико, на девушке ничего не было. Ни выступающей груди, ни округлых бёдер, ни оттопыренной задницы, только глаза большие. О самом процессе выхода в космос я старался не думать, предоставив рефлексам Соболева сделать это за меня, Нестерова отлично подходила для переключения внимания с настоящей проблемы на выдуманную. Так и держался, стараясь не смотреть на открывающиеся лепестки шлюза и уходящий вдаль канат, связывающий станцию с челноком. Когда магнитные захваты подвели скафандр со мной внутри к буксиру, от страха начал вспоминать, как Алиса-один моется под душем, вроде помогло, тело Соболева уверенно зафиксировало блямбу фиксатора на груди, поправило автомат, висящий в креплениях, и оттолкнулось от шлюзового кольца.

В играх космос дружелюбен, даже если тебя взрывом выбрасывает в пустоту, ты красиво вращаешься, любуясь звёздами и прокладывая путь к спасению, сжимая бластер в могучих руках. Этот космос был нифига не хорош — меня словно окунули в беспросветную тьму, в какой-то ад со сверкающими глазами демонов. Давление подскочило, пульс прыгнул к двум сотням, на лбу выступила испарина.

— У неё круглая задница, две родинки под грудью, во сне причмокивает, — попытался успокоиться я, — Баранову антибиотики назначили, а анализы чистые, что-то терапевт схалтурил. Если опять какой-то вирус, надо его в отдельную палату перевести, и Чурову сказать. Может, простейшие? Из Вьетнама месяц как приехал, а там что угодно можно подцепить. Если до воскресенья там сам не сделаю, то вспомню.

Больничные мысли помогли гораздо лучше эротических, я так увлёкся проблемами отделения, что чуть было не пропустил момент, когда в наушнике зазвучал голос командира станции.

Для всех, кто находился на станции, мы с Нестеровой превратились в две белые точки на чёрном звёздном фоне — магнитный буксир тащил нас по канату, и до челнока оставалось метров сто пятьдесят. С этого расстояния отлично была видна вся станция — упорядоченное нагромождение отсеков, складских цилиндров и модулей, с раскинутыми в стороны солнечными панелями и ядерным реактором, прицепленным за толстый кабель. Двигатели станции работали на полную мощность, корректируя орбиту и разворачивая складами к нападающему — так даже таран особого вреда не принесёт.

Нестерова-2 добралась до челнока первой, эвакуационный люк открылся, запуская по одному человеку. Мне пришлось подождать, пока пилот перейдёт в кабину, узкий цилиндр засветился красным, потом зелёным, циферблат прибора на стенке показал, что давление выровнено, и только тогда цилиндр повернулся, и я заплыл внутрь. Алиса уже пристегнулась и что-то выверяла на экране, тыкая пальцем в жёлтые ячейки.

— Я бы и одна справилась, — угрюмо сказала она. — Сбила бы нахер эту шнягу.

Алиса явно была не в духе.

— С таким настроением отправлю тебя обратно, — я отсоединил шлем, зафиксировался в кресле. — Что случилось?

— Не ваше дело. Николай Павлович, а вы правда у нас на даче бывали?

— Есть сомнения?

— Я с дядей Маратом связалась, он что-то этого не помнит. Вас в его команде было пятнадцать человек, и на дачу к своему брату, моему отцу, он никого не привозил, да и отношения у них были не те. А папа сказал, что вы были у нас всего один раз, после полёта на Луну, в две тысячи шестом, мне тогда четыре года было. И знаете, я отлично помню, что вы трусы с меня не стягивали и задницу мою на предмет родинок не изучали, потому что слюни тогда уже пускать перестала, и даже книжки читала умные.

Пока она это говорила, челнок отстыковался от троса и выравнился со станцией. Та постепенно ускорялась, очень медленно, голубые с белым потоки плазмы вырывались из дюз. Второй челнок тоже отстыковался, на экране появился генерал Велесов, он лично сидел за манипуляторами, и, похоже, был в своём челноке один.

— Коля, — сказал генерал-майор спокойно, словно Соболев с ним никогда ни в каких контрах не был, — наша главная задача — захватить нарушителя, ни в коем случае не сбивать. ЦУП считает, что он управляется с орбиты, но если даже сигнал перехватить, будет исполняться встроенная программа. Появился он не просто так, а из-за нас, так что нам его и обезвреживать. Я постараюсь перейти на него и взять управление, а ты меня страхуй. Если не получится, закончишь за меня.

— А с «Тайфуном» что?

— «Тайфун» идёт по графику, но из-за инцидента здесь стыковаться не будет, уйдёт на промежуточную орбиту, к Шацкой, и эту штуку туда же уведём, через рад-пояс сигнал не

придёт. А там безопасно, станция отлично вооружена, Романов — отличный специалист по взлому. Но придётся нам монтировать ускорители уже у Лерки. Приказ — нарушителя не сбивать. Нестерова, слышишь меня? Тебя это особо касается.

Алиса попыталась возразить.

— Товарищ старший лейтенант, выполняйте приказ, — Велесов слушать её не стал. — Соболев, помнишь две тысячи шестнадцатый, перехват астероида? Если с управлением не получится, действуем так же, но наоборот, уведём повыше, на разгон у нас десять минут.

Что было в 2016-м, я отлично помнил. В школу ходил, с Генкой Сурковым дрался за гаражами несколько раз из-за нашей школьной красавицы, Милы Улицкой, которая, кстати, в нашу сторону даже не смотрела, ей Вадик Сомов нравился, наш будущий прапорщик. И ни за каким астероидом я не гонялся, в отличие от Соболева.

— Нестерова, может, мне сесть за манипуляторы? — я потянулся к магнитному фиксатору, умоляя всех, кто исполняет желания, чтобы мой блеф сработал.

— Две тысячи шестнадцатый год, астероид 316-дельта, поперечник двести пятьдесят метров, угроза третьей лунной, — Алиса развернула кресло ко мне. — Николай Павлович, ну пожалуйста. Я этот отчёт сто раз пересматривала, как вы и товарищ генерал-майор, то есть подполковник Велесов, это сделали. Каждое движение назубок помню, хотите проверить?

Я кивнул. Проверить очень хотелось.

— Астероид 316-дельта вышел на лунную орбиту, из-за низкой скорости на ней остался, двигался в направлении, противоположном «Луне-4». Скорость на орбите один семьсот тридцать, относительно станции в два раза больше, из-за испарения воды и изменения траектории, орбиты совпадали в двух точках. Для перехвата вы разогнались в попутном направлении, совершили посадку на астероид, и с помощью двигателей снизили скорость ниже первой лунной, после чего астероид упал на поверхность Луны. Масса «Тайфуна» пятьдесят тонн, скорость восемь сто девяносто шесть, если два челнока выйдут на полную мощность, то одиннадцать двести мы сделаем через девяносто минут, или один оборот.

— Вадик, ты слышал? — переключился я на Велесова. Случайно так сказал, вот ведь Сомов на ум пришёл, тоже такой же собранный, когда дело серьёзный оборот принимает.

— Давно ты меня так не называл, — отозвался генерал-майор. — Хорошо, даю добро. Нестерова, облажаешься, я не посмотрю на папу твоего, дважды героя, и всех остальных влиятельных родственников, пешком будешь ходить остаток жизни, о пространстве забудешь.

— Есть, товарищ генерал, — Алиса радостно улыбнулась. — Товарищ майор, разрешите выполнять? Перевожу аппарат в режим ведомого.

Станция «Восход-4» делала полный оборот вокруг Земли за полтора часа, или, если быть точным, за девяносто две минуты. Чужак, замаскировавшийся под грузовой корабль, летел по той же орбите, но в противоположном направлении, и не нужно быть доктором математических наук, чтобы посчитать, что каждые сорок шесть минут они опасно сблизятся. Скорость у обоих летательных объектов относительно Земли была порядка восьми километров в секунду, внизу, на планете — огромная, почти тридцать тысяч километров в час, здесь практически незаметная. Огромный шар, медленно вращающийся на экране, давал ложное ощущение неторопливости.

Меня вдавило в кресло, приборы показывали ускорение в три g, это значило, что наша скорость относительно Земли упадёт до нуля через пять минут, а потом начнёт повышаться,

и за десять минут мы снова выйдем на первую космическую. Если лететь на одной высоте, но оба челнока уходили под углом вверх. И это давало ещё пять минут. За это время лже-Тайфун успеет пролететь мимо станции, и начнёт нас догонять, примерно через двадцать минут наши скорости сравняются, и у нас останется полчаса на то, чтобы перехватить управление. Или увести чужака на высокую орбиту, через внутренний радиационный пояс. Челнок без такого прицепа поднимался в щель между радиационными поясами, которая располагается в десяти тысячах километров от Земли, за полтора часа, а с грузовым кораблём, который ориентировочно весил в десять раз больше — расчёты показывали сутки. И всё это время высокоэнергичные заряженные частицы, в основном протоны, будут проходить через защиту корабля и бить по живым людям, то есть по нам. Отличный план, если бы я с планеты за ним наблюдал, восхитился бы героизму покорителей космоса. Но сейчас моё место было среди непосредственных исполнителей. Для Николая Соболева — обычная работа, точнее служба, для Дмитрия Куприна состояние котёнка, которого швырнули в воду посреди реки. Теоретически он умеет плавать, а практически — воды боится до усрачки и не хочет.

— Есть такая профессия — родину защищать, — процитировал я сам себе банальную фразу. — Нестерова, докладывай.

— Выровнялись, товарищ майор, — Алиса-два позабыла о нашем разговоре, и ладно. — Первый борт в трёхстах метрах, идём с разрывом в семь секунд, радар показывает контакт с грузовиком через пять минут.

Пока я волновался, четверть часа пролетела незаметно. Осталось совсем чуть-чуть, бывший друг Соболева пристыкуется к грузовому кораблю, проберётся в носовую часть, где находилось место для ручной стыковки, и попытается что-то сделать. Велесов разбирался в этом куда лучше меня, и мне оставалось ждать и наблюдать, толку от фельдшера в космосе становилось всё меньше и меньше.

Конус чужого аппарата показался через три минуты, мы держались у самой границы первой космической, чтобы дать себя догнать и в то же время не упасть вниз, а грузовик нёсся, как ужаленный в задницу носорог — напролом. Он пролетел мимо станции, снеся две антенны и солнечную панель, хотя приборы показывали, что между грузовиком и его целью должно быть минимум десять километров.

— Больше я этого терпеть не буду, — озвучил очевидное Вахромеев. — Похоже, намерения у этой твари серьёзные, так что, товарищ Велесов, на тебя вся надежда.

— Прорвёмся, Жора.

Генерал был совершенно спокоен. До неприличия. Может, с Соболевым он повёл себя как мерзавец, и вообще был из карьеристов, но дело своё знал и от опасности не убегал. Да и в кабине он был совершенно один, не стал никого с собой брать, значит, осознавал, что риск слишком велик.

— Борт два, — он переключился на нас. — Отсчёт — сто двадцать секунд. Потом я подхожу на двадцать метров, стыкую тросом и перехожу на грузовик, пытаюсь отключить внешнее управление. Считаете до шестидесяти, если ничего не происходит, Нестерова переходит на борт один и цепляет его к нарушителю. Куда, ты знаешь.

Алиса кивнула.

— Коля, ты идёшь в одной сотне, трос бросишь по моей команде. Если молчу, подтягиваешься, вводите вдвоём грузовик к Романову. Если перехвачу управление, то только страхуешь, не приближайся. Вот он.

Обложенный плитками конус приблизился неторопливо, челноки чуть увеличили скорость, и зависли от него в двухстах метрах от цели. По мне этот космический аппарат ничем не выделялся, но вот Алиса, та почему-то оживилась и одновременно побледнела.

— Товарищ генерал, — она словно забыла про меня, — товарищ генерал.

— Вижу, — кивнул на экране Велесов. — Это «Скайфайтер» в защитной оболочке. «Восход-четыре», слышишь меня?

— Получил картинку. Передаю, — на радиоканале возник Вахромеев. Несколько секунд он молчал, потом опять ожил. — От ЦУПа получен приказ — уничтожить, в прямой контакт не вступать, держать дистанцию не меньше двадцати километров. Возможен ядерный заряд.

— Хрена лысого, — Велесов улыбнулся уголками губ, — Жора, передай в ЦУП, что я им не подчиняюсь. Жду распоряжения министра обороны, а пока отключаюсь. Коля, делаем всё как наметили, конец связи.

Картинка с Велесовым пропала, теперь его челнок мы видели только снаружи. Вахромеев матерился, звал генерала, но тот не отвечал.

— Коля, министр на связи, — начальник станции переключился на меня. — Приказывает вызвать генерала.

— Но сбить не приказывает? — уточнил я. Не знаю, что именно повлияло на моё состояние, может быть, стресс, или остаточные воспоминания Соболева, которые сохранились где-то очень далеко, но почему-то я чувствовал себя совершенно спокойно и собранно.

— У меня ЦУП на ушах висит, они считают, что риск неоправданно велик. Майор Соболев, выполняйте приказ. Сбить нарушителя.

Я посмотрел на дисплей, там борт один уже выстрелил захватом, и между ним и лже-грузовиком появился трос.

— А почему он до сих пор не взорвался? — задал я совершенно логичный вопрос.

— Похоже, цель не станция, а ваши челноки. Вы сами в ловушку залезли.

— Жора, — сказал я, наблюдая, как человек в скафандре вылез из челнока и по тросу движется к цели, — Велесов будет на грузовике через минуту. Предлагаешь их вместе сбить?

Начальник станции уже не просто матерился, а разговаривал матом. ЦУП, похоже, Велесова сбивать не хотел, а министр обороны действия генерала поддерживал.

— Соединяю, — вдруг сказал нормальным человеческим языком Вахромеев, и я услышал знакомый голос.

Левон Геворкович Аграмян собственной персоной.

— Майор Соболев, докладывайте.

Как именно докладывают майоры, я понаблюдать успел, поэтому вроде справился. К этому времени Велесов стоял на корпусе на коленях, и что-то ковырял резак. Алиса сидела, уставившись на экран, словно там любимого певца показывали — в глазах горело восхищение, костяшки пальцев побелели, сжимая джойстики. У пилота появился новый герой.

— Нестерова, есть что добавить? — спросил я её, чтобы отвлечь.

И Нестерова добавила — она описала происходящее куда чётче и точнее, уложившись меньше чем в минуту, за это время Велесов с чем-то там справился, и на корпусе грузовика откинулась пластина размером чуть больше квадратного метра. Достаточно, чтобы фигура в скафандре скрылась внутри аппарата.

— Достаточно, — прервал Алису Аграмян. — Николай Павлович, с Велесовым связи

нет, а должна быть. Отправляйся-ка ты, голубчик, к нему. Это приказ. И ты уж постарайся, чтобы ни с ним, ни с этим аппаратом космическим ничего не случилось, приоритет — захват. Как бомбы обезвреживать, ты знаешь, не впервой. Справитесь, завтра же к наградам представим.

— А если нет? — уточнил я. На всякий случай.

— Нет такого слова в советской армии, — отрезал Аграмян. — Выполняйте, товариш майор.

Может быть, такого слова и не было, а вот ситуация — имелась. Самым лёгким оказалось перейти на борт лже-грузовика, Нестерова подобралась настолько близко, насколько смогла, цель летела без маневрирования, с постоянной скоростью, до контакта со станцией оставалось ещё минут пятнадцать. Я вылез наружу, выстрелил из арбалета, магнитная шайба улетела куда-то в открытый люк, и трос обратно не выдёргивался. Рефлексы Соболева работали без сбоев, в чужом корабле я оказался меньше, чем через минуту.

Шлюз, куда я попал, вёл в центральную секцию, которая расходилась на две стороны. Рисунок на левой переборке, которая в корме, недвусмысленно намекал на немирный атом, и хода туда не было, а проход в нос корабля был открыт. Там находилось оборудованное место пилота — для грузовика опция совершенно излишняя, на орбите достаточно подключить джойстик к внешнему разъёму, и как Мюнгхаузен, оседлать ядро, то есть летательный аппарат. Тут всё было куда серьёзнее, приборы, два дисплея и кресло, в котором сидел Велесов. То, что генерал мёртв, я понял, только когда облетел его сбоку — за разбитым стеклянным забралом синело лицо с взорвавшимися глазами. Всё ещё не отключившийся Соболев рвал пистолет с груди толстыми перчатками, сознание словно распараллелилось, тёмная фигура летела прямо на меня с ножом в одной руке и пневмомолотом в другой. Оставалось только её пристрелить. Конструкция пистолета была больше похожа на строительный аналог для герметика, толстое дуло и ручка со скобой, в невесомости выровнять положение и направить ствол точно на противника у меня не получилось бы точно. У Соболева получалось, но слишком медленно. Пока он возился правой рукой с оружием, я левой вырвал у Велесова из ладони мульти-резак, и сдавил рукоятку.

Противник был уже в метре от меня, за затемнённым забралом наверняка скалилась чья-то противная рожа, молоток он отвёл назад, а нож держал, словно копьё или штык. Остриё смотрело мне прямо в грудь. Это на Земле можно подпрыгнуть, или упасть, или отшатнуться в сторону, а в невесомости каждое перемещение требует инерции. Когда из резака вырвалась струя пламени, меня потянуло в противоположную сторону, а поскольку прицелиться я не успевал и палил куда глаза глядят, увело вбок.

Чёрная фигура пролетела мимо, изогнувшись и пытаясь достать меня ножом, лезвие чиркнуло по скафандру, распарывая внешний слой, но тут Соболев справился с пистолетом, и вцепил две пули прямо в корпус врага. Отдача, хоть и минимальная, отбросила меня ещё дальше, под молоток, который долбанул по шлему, от него что-то оторвалось. Фигура в чёрном скафандре долетела до передней переборки, шмякнулась о неё и двинулась в обратном направлении. Руки у неё бессильно раскинулись, нож летел в одну сторону, а вот молоток очень удачно тюкнул что-то из приборов, посыпались искры и повалил дым.

— Нестерова, Жора, Восход-четыре.

Я кричал, пытаюсь хоть с кем-нибудь связаться, но связь не работала. Передатчик, выданный с мясом, летал где-то в глубине секции, из чёрного скафандра выходил воздух вместе с кровью, которая частично испарялась, а частично превращалась в ледяное крошево. Из моего скафандра тоже что-то выдувало, струйка воздуха, вырываясь из крохотной, быстро увеличивающейся дырочки, заставляла моё тело хаотично перемещаться. Я отбросил резак и пистолет, сгрёб в горсть материал скафандра, но смесь кислорода с азотом всё равно проходила сквозь толстые неповоротливые пальцы перчатки. На предплечье замигал красный огонёк — запасы дыхательной смеси уменьшались, её и так было немного.

Меня охватила паника. Перед глазами мерцали яркие круги, сердце билось так, словно решило пробить грудную клетку, давление подскочило, а пальцы рук и ног стали ледяными. Обычная паническая атака, в другой ситуации я бы выровнял дыхание, выпил чего-нибудь горяченького, чтобы мышцы живота расслабились, и полежал минут десять, но сейчас ни десяти минут, ни термоса с чаем у меня не было. Была Нестерова где-то снаружи и два челнока. И ещё станция «Восход-4» впереди по курсу.

Из последних сил я оттолкнулся от кресла с мёртвым Велесовым, потом, пролетая через центральную секцию — от какого-то шеста, чудом попал в створку люка, не задев края, и оказался в открытом космосе. Помнится, первым космонавтом, который это сделал, был Леонов, но уверен, у него не было дырки в скафандре и двух трупов за спиной.

(33). Сторона 1. 04 июня, четверг

(33). Сторона 1. 04 июня, четверг.

— Я верю, друзья, караваны ракет, — напевал Димка, водя кисточкой по доскам, — промчат нас вперёд...

На ступеньках крыльца сидела Вика и лопала макароны с мясом. По мнению Куприна, могла бы и помочь, а то заехала как к себе домой, да ещё хахалю привела. Ладно Вадик, друг детства, на него колбасы не жалко, а эта здоровая кобыла вообще, считай, посторонняя.

— Мама выслала посылку с дома, — тут же попыталась реабилитироваться кобыла. — Кабанчика они забили, полтушки тебе, Вадя в воскресенье со станции заберёт. Сало умеешь солить? Нет, лучше тушёнки понаделай, она у тебя вкусная получается.

Вот что бы ни думал один человек о другом, похвала, пусть даже самая незначительная, способна изменить отношение в лучшую сторону.

— А вот огурцы ты консервировать не умеешь совершенно, — тут же отыгралась Вика, похлопав по практически пустой трёхлитровой банке, стоящей рядом с ней, — они у тебя мягкие становятся и прокисают. Попрошу маму тебя научить.

— Это привкус такой от консерванта, я туда формальдегид добавляю, чтобы долго не портились, — Дима поскрёб кистью по доньшку банки, оценил оставшийся фронт работ и вздохнул. Оставалось ещё столько же, на три банки краски. — Трупы по два года лежат, и как новенькие, а уж овощи могут хоть сто лет храниться.

Девушка поперхнулась — несколько неудачных огурцов она только что схомячила. Лицо слегка позеленело, того и гляди макарошки начнут решать, выходить обратно или нет. Положение надо было спасать.

— Там его немного совсем, ложка на литр физраствора, — молодой человек залил кисть уайтспиритом, — и я новый беру, а не использованный. Хотя иногда приходится и...

Это он сказал в спину Вике, которая бросилась внутрь дома, благо туалетов там было в достатке.

— Огурцы ей мои не нравятся. Вот коза. И чего я такой бесхарактерный, другой бы выгнал всех, и жил один, как король, а у меня вечно проходной двор.

Насчёт проходного двора он не преувеличивал, вместе с Вадиком подтянулись и его друзья из полиции, и теперь участок Куприна превратился в центр местного досуга. Полицейские были ребятами хорошими и без закидонов, а что пили как в последний день, то выпивку всегда приносили с собой, и долго не засиживались — в одиннадцать поднимались и уезжали в клуб, догоняться, и Вика с ними, точнее, с Вадиком. Но до одиннадцати к работникам правопорядка подтягивались соседи из недавно приехавших — узнать, что и как в городе творится. С некоторыми Димка раньше просто здоровался, а оказалось, отличные люди, культурные и отзывчивые, один, который через три дома, машину грунта за так подогнал, а другой — бульдозер разравнять. Пьяных драк не наблюдалось, гости за собой убирали и хозяина не объедали, даже наоборот, старались подкормить. Димка отказывался, а вот Вика — нет. Она вообще вела себя так, словно дом принадлежал ей, вплоть до того, что каждый день его вылизывала до последней пылинки. Девушку как подменили, в отсутствие матери, Светланы Вадимовны, она словно эстафету переняла и практически копировала тётю Свету во всём, даже телефон почти забросила.

— Пигалица ещё, но хозяйственная, — сказала на это Алиса, — если не шкурный интерес, посоветовала бы тебе к ней приглядеться, с такой как у Христа за пазухой жить будешь, сыт, напоен и обхожен. Не то что со мной.

Тут прямо в точку вышло, готовить, убираться и вообще по дому что-то делать Нестерова-один отказывалась категорически, припечатав, что это «не её». Но Дима раньше сам как-то справлялся, один, без баб, и не собирался свою жизнь менять. Вика, Вадик с друзьями-полицейскими — это временно, как и посиделки по вечерам у мангала. Точнее у двух — одного уже не хватало на всех. Зато космос, это навсегда. Или медицина.

Раздался звонок в калитку, наверное, один из гостей что-то забыл. Димка посмотрел на дверь — Вика как скрылась, так и не показывалась. Потом на испачканные краской руки. Вздохнул, и пошёл открывать.

На дорожке стояла Майя Кудельман.

— Привет, братишка, — сказала она, — посоветоваться надо,

— Проходи, — Дима пропустил девушку, прикрыл за ней створку, — что-то случилось?

— До стула доберусь, расскажу.

Майе пришлось подождать, пока Димка протрёт руки подсолнечным маслом, потом смоем с жидкостью для мытья посуды, но когда он начал кремом руки мазать, не выдержала.

— У тебя скоро сиськи вырастут, кремами пачкаться, — она положила на стол кулаки без следов маникюра, — где твой гарем?

— Одна блюёт, другая на работе, — Куприн уселся напротив. Насчёт сисек он тоже мог бы пошутить, но не стал.

— Это хорошо, — Майя отчего-то вздохнула, замаялась. На неё это похоже не было. — Ты только не пугайся.

— Ладно, — Димка внутренне напрягся, разговоры с таким началом всегда означали, что пугаться есть чего.

— Короче, задержка у меня. Чего вылупился? Мы с тобой, между прочим, сексом занимались, от этого всякое случается, от ЗППП до детишек. Две недели, если что.

— Что?

— Задержка, дебил.

— Может, стресс или из-за удара током? — фельдшер припомнил всё, что знал о гинекологии и акушерстве. Немного, этот курс им в училище читал один пенсионер, которому на знания студентов было наплевать. — Мы ведь предохранялись.

— Угу, я вот тоже надеялась, что просто витаминов не хватает, а вчера вот решила, — и она бросила на стол трубочку с пластиковым окошком, в котором виднелись две фиолетовые полоски. — Сразу ответу на вопросы в твоих испуганных глазах, анализ на ХГЧ я сегодня с утра сделала, там сотня. В общем, поздравляю вас, Дмитрий Куприн, наклепали очередного Нефёдова, перекося, так сказать, хреном своим исправили между семейной рождаемостью и неестественной убылью. Папашка с того света, наверное, порадовался, уж очень внуков хотел.

(34). Сторона 2. 06 июня, суббота

(34). Сторона 2. 06 июня, суббота.

— О мёртвых плохо не говорят, но за самоуправство его бы судить и за ненужное геройство, — инженер станции «Заря-11» Валерия Шацкая, для Соболева просто Лера сидела, пристегнувшись к своему креслу, а я висел напротив, — не взял запасного пилота, сам полез чёрте куда, а всё из-за второй звезды, на грудь и на погоны, хорошо что всё обошлось для других. Эх, Владик, Владик, мы ведь с тобой его знали как облупленного, столько лет вместе, помнишь, какой он был? Последнюю рубашку готов был отдать, если друг попросит, за нас горой стоял перед кем угодно, настоящий командир и боевой товарищ. Да что там, ближе не было никого. А потом что-то надломилось, когда Светлана погибла, что-то надорвалось в нём, и так и не выправилось. Давай, Коленька, помянем его, солнечного человечка, друга из нашего прошлого, пусть земля пухом ему будет и царствие небесное.

Она достала откуда-то снизу бутылку коньяка, шприцем набрала пятьдесят граммов в одноразовый пакетик, протянула мне, второй шприц вставила в рот и нажала на поршень. Как будто застрелилась. Я выдавил пакет, стараясь не упустить ни капли — они потом куда только не залетают, но одна всё-таки вырвалась. Против Владлена Велесова я ничего не имел, то, что он Соболеву подгадил, или ещё кому, меня это не касалось, поэтому помянул генерала с чистым сердцем и даже удовольствием, коньяк пошёл легко и мягко, не то что больничный спирт. Шацкая одним шприцом не обошлась, и слёз не скрывала, вот только особой грусти в её глазах не было.

— А Нестерова твоя — молодец. Молоко на губах не обсохло, но справилась, автоматика автоматикой, удержать два челнока, да ещё одного полумёртвого разгильдяя, это подвиг. Я поначалу думала, папаша её сосватал, чтобы ракету на грудь получила, а эта деваха всех вас за пояс заткнула. Да ладно, я ж понимаю, если бы не потеря воздуха, ты бы и сам справился, но что есть, то есть. Пусть на Земле решают, а я бы ей представление к награде написала.

По моему мнению, Алисе-два орден полагался без вопросов. Старший лейтенант, летавшая до этого в космос только в тренировочный полёт, сумела поймать мою тушку в открытом пространстве, затащить в челнок, связать два Орла в одну сеть, взять на буксир чужой космический корабль, и всё это за восемь минут. Правда, пришлось сделать ещё один оборот вокруг Земли, промчавшись мимо станции «Восход», но за это время Нестерова и меня в порядок относительный привела, и траекторию связи аппаратов изменила. И всё одна, от меня помощи пилот не дождалась.

Когда я вылетел из люка, то, естественно, про трос забыл, а Соболев, или что там в голове от него осталось, видимо, миссию счёл законченной и отключился. Так что улетел я в открытый космос без страховочного фала, красиво кувыркаясь и пуская воздушные струйки. Слабые, потому что воздух закончился. Все симптомы кислородного голодания, которые мы проходили в училище, я прочувствовал на себе. И стридорозное дыхание, результат обструкции верхних дыхательных путей, и беспокойство, и головную боль. Но из-за спутанности сознания я каждый симптом не выделял, чувствовал только, что помираю. И когда практически помер, Нестерова затащила меня в шлюз, а оттуда — в кабину, к кислороду и нормальному атмосферному давлению. Очнулся я почти сразу, но трое суток

пришлось в лазарете провести, потому что эта пигалица вместо того, чтобы на Восход отправиться, потащила всю связку на «Зарю». К старой подруге Соболева, Валерии Шацкой.

— Тесть твой два часа назад на связи был, о твоём здоровье справлялся.

— Бывший тесть.

— Как знать, — Шацкая задумчиво повела глазами к условному потолку. — Ирина-то теперь снова одна, да и дочка у вас.

Знакомой, и судя по словам начальника станции «Восход», бывшей пассии Соболева, на вид было лет тридцать, максимум тридцать пять, как мне казалось. Но с женским полом всё сложно, сколько им в действительности, иногда только они сами знают. В энциклопедии, которую я в Устинове изучал на предмет старых знакомых, ей было на два года больше, чем Соболеву, значит, сорок пять. Ягодка опять. Ничего так, может, здесь я сорокалетний старпёр, но в душе-то ещё очень молод, и такие вот моложавые, подтянутые, с высокой грудью и румянцем на всю щёку женщины меня даже очень волновали. Шацкая перехватила мой взгляд, и румянец стал ещё гуще.

— Так что с Аграмяном? Он мне ценные указания дал и исчез.

— Там такие дела, Коля, что твой бывший тесть сейчас о тебе даже не думает. Спутники сбивать — это одно, а на станцию напасть, совсем другой коленкор, так и война может начаться. Если ещё не началась.

Я взглянул на дисплей, транслирующий изображение Земли, там вроде ядерных взрывов видно не было.

— Пока ты в медблоке валялся, ускорители тебе Романов установил, челноки к полёту готовы, у ЦУПа возражений нет. Так что ты решай, что делать дальше — ждать нового генерала, или лететь самому.

— Почему я?

— Владик мёртв, Попов тебе командование до Луны передал, министр его приказ подтвердил. Ты теперь главный. Говорят, за твой подвиг тебе сразу две звёздочки на погоны прилепят, будешь настоящим полковником. А теперь иди, Коля, по своим делам, а то муж ревнует, хотя всё быльём поросло. Поросло ведь?

И с надеждой на меня посмотрела. Вот ведь вопрос, как ни ответь, в полной жопе окажешься, так что я неопределённо хмыкнул, и поскорее из её каморки отчалил. Благо, заняться было чем.

Станция «Заря», несмотря на свой порядковый номер, была всего лишь одним из пяти промежуточных пунктов внутри радиационных поясов. Выше, в пятидесяти тысячах от поверхности, висела всего одна станция, «Заря-2», от которой ходил лунный буксир. У американцев такая же станция называлась «Харон», по негласному соглашению оба этих объекта даже иногда использовались совместно — война войной, а дела делами. Так что путь нам туда с нашим вооружением был заказан. Предстояло стартовать от «Зари-11», пройти через внешний радиационный пояс, и пристыковаться к «Луне» с неопределённым пока порядковым номером. Пять человек из моей команды, и шестеро из команды Велесова — пилот и пять спасателей-универсалов. Зачем именно мы летим, они не знали, и знать не должны были, у этой группы имелись свои задачи. Помимо возможной эвакуации меня, кристаллов и Сайкина, спасатели собирались обследовать разрушенную базу 36 в море Спокойствия, загерметизировать разломы, подключить новое оборудование для оранжереи и лаборатории, которое уже дожидалось нас на орбите Луны, и остаться там до прибытия

основной группы.

Но на Луну мы могли улететь, только когда ещё одна группа прибудет на «Зарю-11» — вражеский космический корабль так и висел, жёстко пристыкованный к посадочной мачте, вместе с замороженным трупом. Пока никто на них свои права не заявлял, и нам туда ходу не было — с Земли строго-настрого запретили к чужаку приближаться, только начальник станции Романов что-то там подкрутил, чтобы нас не разнесло небольшим ядерным взрывом. Или просто подкрутил, муж Шацкой человеком был неразговорчивым и угрюмым, на контакт не шёл даже с Сайкиным.

Начальница Сайкина, Ланская, связалась со мной сразу после моего разговора с Шацкой. У кэгэбэшницы был усталый и замученный вид, и она не сидела в кабинете, а висела в воздухе в знакомом интерьере.

— Задали вы нам задачку, Николай Павлович, — сказала она, — даже вон пришлось космонавтом стать, как вы. С одной стороны, держать вас на «Заре» долго не можем, американцы зашевелились, их группа прибудет на Луну через две-три недели. А с другой, усилить станцию мы тоже так быстро не в состоянии, но охранять чужой грузовик кто-то должен. Солнечная буря, все планы коту под хвост. Что думаете?

— Разве это я должен думать? Есть министр обороны, пусть он и решает, — попытался я выкрутиться.

— Вы же не в курсе. Из-за этого инцидента введено чрезвычайное положение, командование ракетно-космическими войсками перешло к комитету по ЧС, который товарищ Аграмян возглавляет. Так что за спину министра обороны вам не укрыться, товарищ Соболев. Решайте, ждать или лететь. Я через двадцать часов буду у вас в гостях, не тороплю, но к этому времени определитесь с составом экспедиции и со сроками — через два-три дня, или через три недели. Помните, у вас конкретная задача, базу мы всегда восстановим и со старыми врагами разберёмся, тут главное, чтобы было кому это делать. Договорились? Тогда до встречи, товарищ полковник.

В знак того, что я не ослышался, Ланская приблизила к камере новые погоны с тремя звёздочками и двумя полосками. Наверное, настоящий Соболев новое звание оценил бы по достоинству, но для фельдшера из маленького провинциального городка чины не важны были. А вот возможность побывать на Луне когда ещё случится, вдруг из программы выкинут, и останется Димка Куприн на Земле несолоно хлебавши. Мне даже жалко себя тамошнего стало, а ну как и вправду разделят навсегда. И гордость за себя здешнего чувствовал, надо же, простой парень двадцати четырёх лет, и решает судьбу целой планеты. Оставалось только подобрать тех, кто со мной эту судьбу будет решать, единственная, насчёт кого я был уверен, это Алиса-два. Её я точно возьму с собой.

(35). Сторона 1. 07 июня, воскресенье

(35). Сторона 1. 07 июня, воскресенье.

— Алиса — моя подруга, — Вика упрямо сжала губы, — она должна знать.

— Волну-то не гони, — Вадик Сомов сидел рядом, на водительском сидении, а сзади, на пассажирском, лежал завёрнутый в мешковину кусок свиньи. — Димка — наш друг, а Алиса эта так, пришлая. Ты просто комитетских не знаешь, они без мыла в душу влезут, профессия такая. Пока выгодно, подруга, как только решит, что ты ей не нужна, выбросит как пакет пустой из-под чипсов.

И Вадик продемонстрировал это наглядно, смяв пустой пакет и вышвырнув его наружу, под метлу привокзального дворника. Тот недовольно что-то пробурчал, но к полицейскому лезть с претензией не решился.

— Ты дурак? — девушка покрутила пальцем у виска, — у неё месяц уже срок, я своими ушами слышала. Значит, через два или три уже пузо будет видно, и так все узнают. И как, потвоему, Алиска к этому отнесётся? Скажет, мол, а давай жить все вместе, ты, я, Майя эта, сучка, и мелкий её. Большая шведская семья. Ты чего лыбишься?

— Да так, — Сомов постарался улыбку спрятать, уж очень картинка смешная получалась, — может, она аборт сделает. Давай подождём немного, в чужую жизнь лезть не будем, ладно?

— Ладно, — Вика насупилась, сложила руки на груди и уставилась в окно, — поехали. Но смотри, Сомов, я тайны держать в себе не умею, так что лучше бы твоему другу самому всё рассказать.

Она молчала всю дорогу до дома, обидевшись на бесчувственного Вадика, и решила, что заслуживает большего. Например, новой сумочки или, если трезво рассчитывать на свои финансы, чехла для телефона. Оставив прапорщика разгружать машину, девушка пешком, потому что самостоятельный взрослый человек, отправилась в ближайший и единственный в городе крупный торговый центр.

Пятиэтажное здание возвели десять лет назад, когда сетевые магазины росли как грибы на каждом перекрёстке, и крупные торговые сети подгребали под себя мелкие. В небольшом городе с этим было проще, чем в крупных мегаполисах, здесь кто дружил с мэром, тот и получил зелёный свет. А чтобы светил он в правильном направлении, в северной части города снесли и так уже полуразрушенные цеха неработающего завода, и отдали землю коммерсантом. Чтобы те в одном месте собрались и никуда не разбегались.

Вика сначала зашла в магазин обуви, примерила кроссовки за пятнадцать тысяч — ровно на пять тысяч больше, чем та сумма, которую ей дали родители на целый месяц, и почти на десять того, что осталось, прошлась по бутикам, торговавшим китайскими брендами, и остановилась у витрины, разглядывая сумки.

— Вон та хороша, — раздался голос из-за плеча, Вика обернулась и увидела Алису.

Та стояла, держа в руке большой красочный пакет.

— Да, ничего, — сумка стоила семь тысяч, и действительно была очень даже симпатичной.

Подлетевший продавец, молодой человек с завязанными в хвост волосами, тут же продемонстрировал товар. Вика пощупала кожу, осмотрела подкладку, несмотря на то что

сумка была явной подделкой — настоящая стоила в десять раз дороже — сделали её качественно.

— Может, и вправду взять? — она достала телефон, проверила баланс карточки. Вздохнула.

— Ты чего, подруга? — Алиса отобрала сумку у длинноволосого. — Надо брать. Контрабандный товар, да, Сергей?

И она ткнула пальцем в бейджик продавца. Тот пожал плечами.

— Сколько не хватает?

— Полторы, — призналась Вика.

— Пойдем, посмотрим, может, чем и помогу, — Алиса потянула девушку внутрь магазина, там за прилавком стоял пожилой мужчина с крупным носом и толстым брюшком, — сейчас поглядим, вдруг у меня где-то завалялась нужная сумма.

Она начала перебирать вещи в своей сумочке, выкладывая на прилавок то, что особенно мешало, и среди всякой женской чепухи оказалась красная книжечка, которую она уронила лицевой обложкой вверх. Мужчина за прилавком, до этого слегка презрительно улыбавшийся, напрягся.

— А скидок нет сегодня? — как бы невзначай спросила Нестерова, — а то у моей подруги буквально полтора тысяч не хватает.

Из магазина они вышли с новой сумочкой, Вика прижимала к себе обновку и старалась не думать, что она будет делать до начала июля с двумя сотенными бумажками, отложенными на всякий случай.

— Последние деньги истратила? — Алиса понимающе посмотрела на девушку. — А, брось, если что, я тебе займу. Пойдём, кофе попьём, заодно расскажешь, какие новости, что как.

Димка никому ничего рассказывать пока не собирался. Майя заявила, что в помощи Куприна не нуждается, материальных претензий к нему никаких не имеет, и жить с ним счастливой семьёй не мечтает, а когда ребёнок родится, то молодой человек вправе сам решать, участвовать в его воспитании или нет. На фоне судьбоносных решений, которые он, полковник Куприн-Соболев, должен был принять в другом мире, эта проблема как-то терялась. К тому же в двадцать четыре года всё только начинается, у кого-то вся жизнь впереди, а у кого-то, возможно, что и две.

(36). Сторона 2. 07 июня, воскресенье.

(36). Сторона 2. 07 июня, воскресенье.

Попов оставался на «Заре-11». Теперь мы с ним в одних чинах были, и он сам попросил, чтобы его из экипажа перевели.

— Одно дело майором командовать, а другое — равным по званию, — объяснил он. — У тебя, Николай Палыч, опыта-то в этих делах побольше, ну а я кроме как на Нестерову рывкнуть, ни на что тут не гожусь. Лучше со спасателями прилечу позже, на всё готовое, только ты все подвиги-то себе не заberi, оставь другим скромным армейским товарищам на кителе место под орден.

Насчёт подвигов он не преувеличивал, задача была не из лёгких. Нам предстояло вчетвером спуститься на поверхность Луны, на двух вездеходах обследовать местность вокруг базы, найти то, не знаю, что, и вызвать подмогу. Резервная группа спасателей находилась на объекте номер 14 в трёхстах семидесяти километрах от нашего будущего маршрута, базу эту вот уже два года накачивали людьми и техникой, и на помощь они могли прийти в течение суток. Но вот дать их в сопровождение Ланская отказалась напрочь.

— Помните, зачем летите туда, полковник, — она передала мне небольшой чёрный чемоданчик, — по официальной версии вы ищете пропавших колонистов, на самом деле — находите кристаллы, помещаете их сюда, в защищённый контейнер, и оставляете в любом месте, можно даже под поверхностью, толщу породы до ста метров сигнал спокойно пробивает. Всё, на этом ваша миссия закончена, звание авансом вы, так сказать, получили, к государственной награде вас тоже представят, хоть здесь больше Нестеровой заслуга. Что с вашим настроением, сомневаетесь?

— Нет, — коротко ответил я.

Не объяснять же ей, что у меня в другом мире ребёнок будет. У Соболева вон дочка Леночка, а у меня свой спиногрыз в планах. Не знаю, что там Майя себе надумала, и что там фельдшер сейчас, после субботних шашлыков и пьянки, размышляет, но я-то твёрдо решил, от своего участия увилывать не стану. Вот интересно, в этом мире Майя есть? Мысль о том, что здесь и Димка Куприн должен быть, приходила мне в голову часто, но разыскать и посмотреть пока что возможности не было. Или желания. Заманчиво живого отца увидеть, может быть, бабушка с дедушкой ещё не умерли, вдруг им помощь нужна.

Помощь нужна была и здесь — пятый член экипажа, спасатель по фамилии Купченко, попытался вписаться в коллектив, но тут же был атакован Нестеровой. Ей двадцать четыре, ему двадцать пять, она старший лейтенант, он — тоже, у неё язык без костей, и Фёдору палец в рот не клади. Они схлестнулись не на шутку, аж искры летели. С небольшой высоты своего житейского опыта я понимал, что это или койкой кончится, или стрельбой, но переигрывать было поздно, Фёдора одобрили на Земле, и до вылета оставались считанные часы.

И в этот день я понял, как мне повезло с Сайкиным. Незаметный гэбист оказался отличным завхозом, под его командованием всё, что не успели погрузить, или переместить из челнока в челнок, было погружено, пересчитано и закреплено.

— Заря-11, я Орёл-Двойка, — Нестерова наконец отвлеклась от спасателя Фёдора, и уселась на своё рабочее место пилота. — Включаю обратный отсчёт. Отстыковка через

минуту.

На дисплее высветилось 14:59:59, пятнадцать минут до старта. Романов, муж Шацкой, у себя вылет подтвердил, ровно через минуту с неслышным нам шипением ушли в пазы захваты причального шлюза, станция мягко толкнула челнок в задницу, и они начали не торопясь расходиться. Включился маневровый двигатель, скорость чуть увеличилась, требуемые пятнадцать километров дистанции мы преодолели за восемь минут. Я сидел в кресле рядом с Алисой-два, готовый в любой момент перехватить управление. Теоретически — потому что практически я всё равно то, что делала старший лейтенант, не повторил бы.

— Он сказал «поехали», он махнул рукой, — Сайкин не отрываясь смотрел на дисплей.

Радист Варвара Урсляк, не отрываясь, смотрела на Сайкина. Два часа назад я хотел её оставить на станции, и взять с собой ещё одного спасателя, потому что, похоже, у них с майором всё начало переходить в горизонтальную плоскость, и только утверждённый регламент не дал мне это сделать. О чём я потом очень сильно пожалел. А пока последовал примеру гэбэшника, и уставился на родную планету Соболева.

С расстояния в двенадцать тысяч километров Земля была видна целиком — светящийся в бесконечной глубине космоса шар, покрытый завихрениями облаков. Континенты и океаны были маленькими, почти игрушечными, города превратились в крохотные пятнышки. Невольно на ум пришла мысль, как же мы ничтожны по сравнению с окружающим миром. И вот эти ничтожества летят его покорять, от планеты к планете. Пафосно и завораживающе. Наверное, именно в этот момент я осознал, как мне повезло.

(37). Сторона 1. 09 июня, вторник.

(37). Сторона 1. 09 июня, вторник.

— Не повезло, — завхоз дядя Паша распутывал провода портативного кардиографа, одновременно сверяя инвентарный номер с учётным журналом. — Что делать собираешься?

Димка и сам пока не знал. Главврач издал приказ, где запрещал подработки свыше двадцати часов в неделю, и в других отделениях. Это означало, что, во-первых, и так небольшая фельдшерская зарплата просядет на четверть, и во-вторых, за оставшуюся часть придётся работать полную смену, а не сокращённую, как, например, в радиологии или морге. С учётом исчезнувшей подработки, ситуация вырисовывалась печальная, хоть в массажисты подавайся.

— Может, в Москву податься или в Питер? — Куприн принял готовый аппарат, положил обратно в картонную коробку, достал следующий. — Нет, не вариант, у меня тут дом, сейчас такая ситуация, что хрен его продашь за нормальную цену.

— Есть у меня один человек, могу привести посмотреть, — завхоз мрачно оглядел стеллаж, забитый аппаратурой. — Называется риелтор, по-нашему — спекулянт. За оценку ничего не возьмёт, продавать не обязательно, хоть знать будешь, сколько за него выгадаешь, а то в интернетах обещают много, но хрен за эти деньги продашь.

Димка задумался. Не то чтобы он серьёзно решил переехать, но, если денег не станет, эти хоромы он обслуживать не сможет нормально. Пока что всё работало, и всё равно, газовый котёл предстояло поменять в этом году, насос в скважине иногда барахлил, внутренности, отслужившие двадцать с небольшим лет, тоже требовали ремонта и обслуживания. Ещё мотоцикл, на него сбережения ушли. Мать и отчим, если что, поддержат, но он, Дмитрий Куприн, привык жить самостоятельно. Здесь, в городке, перспектив не дождёшься, если ты не при власти, как дочка Чурова, или не в авторитете, как Лось.

— Может, сегодня? — предложил он. — У меня смена через час заканчивается.

Дядя Паша взглянул на часы, потом в потолок.

— Сделаем, — сказал он. — Сейчас полдень, мы к трём подъедем. Один он на тебя наседать начнёт, они, эти спекули, люди бесцеремонные, а при мне постесняется. Адрес пришли на телефон, буду близко, позвоню.

Куприн кивнул. Дяде Паше он доверял — внушал завхоз такое чувство своей основательностью и уверенностью. А вот другим членам коллектива не очень. Например, лаборантам, уже и рабочий день к концу подошёл, а анализы, которые он отнёс ранним утром с пометкой «срочно», во внутрибольничной системе так ещё и не появились, пришлось идти ножками.

Распечатанные бланки лежали у Чурова, а самого заведующего лабораторией на рабочем месте не было — так Димке сказала Майя.

То, что она сдавала анализ на хорионический гонадотропин, или проще говоря, гормон беременности, скрыть не удалось, но девушке хватило мозгов не писать свою фамилию, а поставить вымышленную. И теперь вся больница гадала, кто же из представителей женской части коллектива залетел. С Майей Димка старался разговаривать ровно, как и с остальными, но волей-неволей смотрел на живот.

— Чего уставился, — прошипела внучка Нефёдова, убедившись, что их никто не

подслушивает. — Куприн, ты мне уже сложностей достаточно в жизни создал, не усугубляй. Пока что я вне подозрений, на дочку Чурова внимание переключила, пусть подёргается, старая кошёлка. Батя её бросить хотел перед смертью, да не успел.

— Да ладно, — Димка опешил. — Думаешь, она его заказала?

— Навряд ли, но ругались они при мне сильно, даже подрались. Если не эта тварь, он бы обратно в Москву уехал, и был бы жив. Вот скажи, что я не права.

Похоже, девушка о махинациях своего папаши не знала ничего, и Дима её просвещать не стал. Должны у детей быть иллюзии насчёт собственных родителей.

— А папашка твой молодец, такую хоромину отгрохал.

Дядя Паша не обманул, приехал ровно в три вместе с суетливым лысеньким человечком средних лет, причём сидел этот человечек за рулём знакомого Порша. Именно эту машину вместе с водителем Лось из мотошколы изгнал. Завхоз вылез с пассажирского сиденья, а с водительской стороны — риелтор, Плотников Генрих Эмильевич.

— Хороший дом, — подтвердил он, заходя на участок. — И гараж неплохой. Откроете, молодой человек?

Голос у человечка диссонировал с несерьёзной внешностью — он был низкий и густой. Плотников посмотрел гараж, отметил, что две машины кое-как войдут, и стены без трещин. Внимательно осмотрел скважину, а очистной септик только что не обнюхал.

— Автономные системы — хорошо, но затратно, насос неровно работает, надо менять. Но это мелочи, покупателю место важно и общая планировка. Тут у вас котельная?

За полчаса Димка узнал о своём доме такое, о чём и не подозревал. И что фундамент опирается на несущие грунты, и что крышу надо ремонтировать — одно стропило чуть повело, и про вентиляцию целую лекцию выслушал. Дядя Паша ходил следом и посмеивался. Правда, от себя похвалил систему видеонаблюдения.

— Генрих, ты парня не грузи, по существу выскажись., — наконец сказал он, и ткнул пальцем, — а это что? Здесь мы ещё не были.

— Подпол, — Димка распахнул дверь на лестницу, ведущую к заготовкам. — Но там ничего интересного.

— Это ты зря, паря. По подполу сразу скажешь, не топило ли, как дела с фундаментом и всё такое, так? — завхоз повернулся к риелтору.

Тот с готовностью подтвердил, достал из кармана фонарик и двинулся вниз.

Подпол гости осматривали тщательно, минут пять, не меньше, обстукивая стены и каменный пол, Димка уж было испугался, что они на тайник наткнутся, но пронесло.

— Ладно, не буду вас мучить, молодой человек, — Плотников уселся за кухонный стол, открыл блокнот. — Честно скажу, дом отличный, строили на совесть, денег не жалели. Но строили давно. Брал бы для себя или на перепродажу, максимум четыре миллиона. Участок надо поднимать, крыша, котёл, остальное по мелочи, всё это в миллион встанет, не меньше. Если продавать, то за шесть, а то и за семь, вполне может уйти. Вот, держите.

Он протянул картонный прямоугольник с телефоном.

— Что это?

— А это Сергей, бригадир. На круг у вас тысяч триста со всеми материалами получится, если не шиковать и не углубляться. Запускаете бригаду, она из дома делает конфетку, участок в порядок приводит, если надо, деревца высаживает и цветочки, я тут заметил пару мест, и вуаля — плюс полтора, а то и два миллиона к цене. Покупателю ведь что нужно,

красоту увидеть, место, где он захочет жить, сейчас клиент избалованный пошёл, это раньше можно втюхать было недострой, а теперь на всё готовое приходит. Так что думайте, молодой человек, не торопитесь. Продавать лучше летом, когда зелень ещё цветёт всю, осенью цены падают, зимой — люди вроде меня лакомые куски подбирают. Но рынок в движении, был бы дом, а человек найдётся. Да?

— Точно, — подтвердил дядя Паша. — Без человека всё смысл теряет. Ты, Дмитрий, подумай. Дом, он постоянного ухода требует. На пенсию выйдешь, начнёшь в грядки копать, а твоё дело молодое, вся жизнь впереди.

(38). Сторона 2. 11 июня, четверг

(38). Сторона 2. 11 июня, четверг.

Ежегодно что Америка, что СССР, запускали в космос сотни безвозвратных ракет, часть корпусов шла на достройку околоземных станций, а самые лучшие экземпляры, с дополнительной защитой от радиации, уходили сюда, к Луне, в уже готовом виде, с оборудованием и вооружением. Хоть и говорили лидеры двух блоков, что в космосе занимаются исключительно мирными делами, но всюю готовились к космическим войнам.

Станция «Луна-8», на которой мы оставили наш челнок, заменив его на орбитальный спускаемый модуль, напоминала космическую базу из фантастического боевика — я насчитал одиннадцать летательных аппаратов, пристыкованных к длинной трубе, идущей от основного сооружения, и все они явно были не гражданского назначения. Предполагалось, что майор, а теперь полковник Соболев должен все эти модели знать, но я — нет, не знал. Зато Нестерова в них отлично разобралась.

— Ястребы, — авторитетно заявляла она, — аналог штатовских Кайманов, только те побольше и помедленнее. Николай Павлович, вы на таких разве летали? Их вроде в позапрошлом году начали поставлять взамен Лидеров, добавили новые плазменные двигатели и усовершенствованную пушку.

И смотрела не на меня, а на Фёдора.

— Ещё про систему стыковки забыла, вместо магнитов зацепы поставили, — тот тоже в долгу не оставался. — Но всё это прошлый век. Вот когда наконец ионно-резонансный модуль доведут до ума, вот тогда эти пташки по-настоящему залетают.

— Да что бы ты понимал, — кидалась Нестерова в бой, — плазма такое давление создаёт, что резонансу и не снилось.

Вся моя роль командира ограничивалась тем, что я иногда разводил бойцов по разные стороны ринга до того момента, как они реально с кулаками друг на друга лезть начинали. Горячая парочка подобралась, хорошо, что делу это не мешало, и отвлекало других от моей профессиональной некомпетентности. И плохо, потому что Фёдор, похоже, Нестеровой умело манипулировал. Причём заметил это не только я, но и Сайкин.

— Моё мнение — оставить Купченко на станции, — сказал он мне. — Вам решать, товарищ полковник, но и без него обойдёмся. Лишние три-четыре часа ничего не решат, а один человек всё равно нас не спасёт.

— А луноход ты поведёшь? Или мне за штурвал сесть?

На это Сайкину ответить было нечего. Предполагалось, что моя миссия будет короткой, для неё подготовили один луноход, во втором должны были разместиться бойцы Велесова — те, кому предстояло страховать нас на поверхности. Но поскольку вторая группа осталась на земной орбите, оба транспорта теперь принадлежали нам пятерым. В нашей пятёрке управляла луноходом инженер-радиотехник Варвара Урсляк, а в экипаже Велесова — как раз Фёдор Купченко, хотя каждый из спасателей прошёл полный курс овладения лунной техникой. Соболев вроде тоже как раньше катался по поверхности спутника Земли, но мне отдельное задание дали, персональное, и это дало повод за штурвал не садиться.

Спускаемый модуль, как и большая часть окололунного транспорта, тоже был сделан из

ступени космической ракеты, даже двигатели реактивные оставили, вместе с нами на поверхность отправились оба лунохода. Модуль работал в автоматическом режиме, он высадил нас в тридцати километрах от разрушенной базы, включил двигатели, и отправился по своим делам, а мы остались среди чёрного неба, висящей на нём Земли и бескрайних лунных просторов.

В кабине лунохода было тесно. Не знаю, как здесь собирались размещать пятерых, даже для трёх человек в массивных скафандрах места не хватало. Тот луноход, что достался мне, был длиной почти восемь метров, но для кабины оставили места совсем немного, три ряда кресел, в которых можно было сидеть, почти не шевелясь. Остальной объем занимали буровая установка с лазерной пушкой, поисковое оборудование и пулемётная спарка с боекомплектом. Второй луноход, в котором разместились Фёдор Купченко и Нестерова, выглядел посolidнее, но там и груза было гораздо больше — аварийный набор для реактора базы, модуль жизнеобеспечения, медицинское оборудование и запас продуктов. При желании мы могли провести на поверхности две-три недели, по принуждению до полутора месяцев. Ну а если подбросят тушёнки и макарон, то хоть десять лет.

Капитан Урсляк заняла первый ряд, Сайкин — третий, а я разместился между ними.

— Второй первому, к движению готовы, — раздался в наушниках голос Фёдора.

— Направление — база тридцать шесть, — приказал я. — Доезжаем, подключаемся, а потом организуем поисковую группу.

— Что будем искать, товарищ полковник?

— Разломы в грунте, — я сверился с картой, которую составили предыдущие экспедиции. — Но сначала ещё раз обследуем саму базу, вдруг там что-то упустили.

Метеорит и вызванное им лунотрясение не только частично разрушили базы, но и образовали многочисленные разломы. Почти все они находились между «Эндевером» и объектом 36, и американцы, и наши большей частью их исследовали, но ни людей, ни, судя по моему заданию, синих кристаллов они не нашли. Американская база частично функционировала, по данным разведки, постоянный персонал состоял из двух военных и одного исследователя, возле базы был припаркован луноход, похожий на наш. До нападения на орбитальную станцию никто от них особой опасности не ждал, но теперь всё изменилось, и за базой постоянно наблюдали. С орбиты транслировали картинку, и в случае чего должны были предупредить и помочь.

Если придерживаться официальной версии, то нам пришлось бы, как и другим, залезть в разлом и тоже там пошарить, но мне нужно было совсем в другую сторону. Координаты, которые мне передала Ирина, связной координаторов, я выучил наизусть, а в своём мире и на карте Луны нашёл. Нужно место находилось рядом с советской базой, в пяти километрах южнее, как подвести экспедицию к необходимости там что-то поискать, я пока не знал.

Капитан-радиcт Варя вдавила кнопку старта, и луноход мягко тронулся. Широкие колёса диаметром в полтора метра, с поперечными пластинами, загребали реголит, толкая вездеход вперёд, из-за отсутствия атмосферы и ветров поднятая пыль быстро опускалась вниз, но на всякий случай второй транспорт шёл в ста метрах левее.

— Словно в Каракумах еду, — пожаловался Сайкин, — где романтика, Варя?

Из-за шлемов мимики видно не было, но я готов был поклясться, что Урсляк улыбнулась.

— Луна — это и есть романтика, товарищ Сайкин, — сказала она. — Второй, что у вас с левым бортом?

Второй вездеход действительно шёл неровно, накренясь на левый бок.

— Стабилизатор колеса вышел из строя при посадке, — отозвался Фёдор, — на базе попытаемся починить, или запасной поставим.

— Почему не доложили? — спросил я.

— Виноват, думал, справлюсь. Прошу снизить скорость до пятнадцати.

Вездеходы могли теоретически разогнаться до сотни и даже взлетать при необходимости, но мы шли со скоростью двадцать пять километров в час — поверхность Луны только на первый взгляд была ровной, хватало и выступов, и впадин. Уменьшить скорость означало, что до базы мы доберёмся не за расчётный час, а за два. Хотя такое же примерно расстояние шестьдесят лет назад советский аппарат «Луноход-2» прошёл за четыре месяца, об этом я в интернете прочитал.

— Снижаем.

Наш вездеход чуть дёрнулся, на внешней картинке это никак не сказалось, скорость здесь практически не чувствовалась.

— На поверхности должна быть ремонтная зона, она частично сохранилась, — сказала Варя, — я смотрела вместе с Поповым документацию, часть оборудования вывезли, но кое-что оставили. Фиксирую чужой объект.

На радаре со стороны станции появилась точка, она стремительно приближалась.

— Американский разведывательный аппарат, — со мной связались с орбиты. — Мы за ним следим, продолжайте движение.

Серебристая стрела пролетела практически над нами, оставляя дымную полосу в небе, сделала круг, и отправилась обратно. Пулемётная спарка, двигающаяся вслед за чужаком, опустилась на место.

База 36 находилась в колодце на глубине сорока метров, в вечной тени. И это было спасением, потому что Солнце, появившееся на горизонте, к местному полудню нагревало участок лунной поверхности до сотни градусов цельсия, нагружая системы охлаждения. Но мы успели вовремя, тени, отбрасываемые вездеходами, ещё были очень длинными, когда вторая машина добралась до точки подключения силовой установки, и Фёдор бодро и умело подсоединил провода от реактора к чему-то внутри металлического ангара, стоящего на краю колодца, а команда первой машины со мной во главе вылезла наружу, и начала спуск по длинному стержню с двигающейся по спирали площадкой.

Площадка дёргалась и иногда замирала, вниз она шла под действием силы тяжести, которая на Луне гораздо меньше земной. Для Соболева визит на лунную базу наверняка был занятием обычным, а я смотрел во все глаза. Примерно в пяти метрах от поверхности платформа зашла в затенённую область, температура снаружи начала постепенно расти, а света не стало вообще — словно выключили. Врубился прожектор, освещая уходящий на двести метров вниз колодец, стёкла шлемов стали прозрачными, и я смог увидеть лица своих коллег. Варя Урсляк была совершенно спокойна, даже глаза прикрыла, а вот Сайкин напрягся, сжал губы и перчатку держал на рукояти пистолета. Видимо, у гэбиста интуиция за годы службы развилась до аномальных значений, потому что когда платформа остановилась возле шлюза, я тоже схватился за пистолет.

На площадке, отделяющей платформу от гермовхода, лежал скафандр без шлема, а в нём человеческое тело.

— Скафандр наш, — сказала капитан-очевидность.

Варя Урсляк была слишком спокойна для человека, обнаружившего труп там, где его быть не должно. Сайкин держал под прицелом пустоту, уходящую вниз, словно оттуда кто-то мог выбраться.

— Старший лейтенант Нестерова, занять место стрелка в вездеходе один, чрезвычайная ситуация, — распорядился я, и подошёл к телу поближе.

Оно лежало на животе, с левой рукой, вытянутой в направлении шлюза, словно показывая нам на него. Перчатка правой руки сжимала ручку контейнера, которая крепилась к крышке с четырьмя замками, но самого контейнера не наблюдалось. На крышку был нанесён знак биологической опасности — трилистник из трёх пересекающихся окружностей с ещё одной посерединке, таких я в больнице навиделся достаточно, чтобы знать, что эти предметы лучше не трогать голыми руками. И не голыми — тоже.

— Надо его перевернуть, — Сайкин наконец убедился, что из темноты не лезут чудовища, и встал рядом со мной.

— Выполняйте, товарищ майор, — я отступил на шаг, давая десантнику побольше места.

Тот возражать не стал, пристегнул пистолет обратно к животу и осторожно потянул плечо трупа на себя. Тело изогнулось, словно из него вытащили кости, вывернулось винтом, ноги и таз только чуть развернуло, и то из-за скафандра. Пустые глазницы, казалось, сочились тьмой, в лучах прожектора сверкнули зубы, обнажённые отсутствием губ, труп нам улыбался.

На груди, под красно-бело-зелёным флажком, была прикреплена табличка с именем — инженер Михай Бабиц. Один из двух пропавших.

(39). Сторона 2. 13 июня, суббота

(39). Сторона 2. 13 июня, суббота.

Жить в полуразрушенной лунной базе на глубине сорока метров и так неудобно, а когда снаружи лежит труп — тройне. Думаю, если бы у нас была гражданская экспедиция, мы бы уже удрали, только ищи. Но армия дело другое, и наша пятёрка, включая Нестерова с Купченко, все мы спустились в лунный колодец и потихоньку обживали то, что осталось от былой роскоши.

Остались три полноценных сектора, бытовой, исследовательский и жилой, шлюзы работали, системы жизнеобеспечения — с грехом пополам тоже. Толстый кабель, закинутый наверх, обеспечивал зарядку вездеходов, реактор базы мы в лице Фёдора Купченко запустили буквально за час, и уже через два он вышел на расчётную мощность. Повреждённую стенку шахты реактора заделали сразу после инцидента, так что радиационный фон приближался к лунной норме, а уж в жилом секторе, разделённом на восемь индивидуальных кубриков и защищённом толстым слоем изоляции, вообще в норме, там даже без скафандров можно было находиться.

Каждому из нас досталось по небольшой каюте с кроватью, рабочим столом и шкафом для вещей, по негласной договорённости обиталище найденного инженера никто занимать не стал, и вообще, постоянно кто-то один дежурил наверху, в обнимку с пулемётом. Первым делом, как только появился свет, я связался с Ланской, и показал ей картинку пропавшего и найденного Бабица. На удивление, полковник КГБ отреагировала спокойно, словно заранее это знала.

— Тело не трогать, ждите спасателей, — распорядилась она. — Попробуйте найти контейнер, это маловероятно, но если вдруг, то близко не приближайтесь. Привлеките Сайкина, остальные пусть своими делами занимаются.

— Возможно, Бабиц отыскал кристаллы, и нёс их на базу? — спросил я.

— Через два года? Не говорите чепухи. Нет, скорее всего, его нашли американцы, и подбросили. Поэтому никакой самодеятельности, ваше задание остаётся в приоритете, с другими базами и орбитальными станциями держите связь, но о находке ни слова.

Судя по тем материалам, которые мне не так давно подсунули, чепухи я не говорил. У француза появилась способность самовосстанавливаться, почему бы такой же не появиться у другого человека? Предположим, Бабиц нашёл те же кристаллы, что и американцы, и заразился. Потом сбежал, два года шлялся по Луне, по дороге смячил второго пропавшего, чтобы силы пополнить, и теперь решил с нами поделиться. Но поскольку одичал, зачем шёл — забыл, а посылку выронил. Примерно как-то так. Сериалов про живых мертвецов я посмотрелся достаточно, игровой стаж у меня лет пятнадцать уже — и начинал именно с такой тематики, *Dead Space* и подобное, так что в отношении инопланетных зомби чувствовал себя почти экспертом. Естественно, Ланской я всего этого говорить не стал, тем более что она отключилась.

Не знаю почему, но я решил, что за несколько дней контейнер никуда не убежит, а проблемы с наладкой оборудования куда важнее. Так что к утру пятницы по Москве, когда здесь Солнце уже зашло, на базе можно было кое-как обитать. Свет горел, обеззараживатель во входном шлюзе работал, кислород исправно насыщал воздух в обоих целых секторах,

углекислый газ отделялся катализаторами и запасался для небольшой оранжереи, которая сейчас представляла из себя руины с сублимированными растениями — эту часть базы разрушило почти полностью. Основной проблемой Луны было почти полное отсутствие углерода, из которого строится вся органика, и им здесь не разбрасывались.

К этому времени, несмотря на запрет Ланской, труп аккуратно переместили в сторону — каждый раз его обходить всем надоело, и через тело начали переступать. Судя по следам, Бабиц появился из ниоткуда, платформа была поднята, его следы начинались с края площадки, но слой реголита на самом краю почти отсутствовал.

— Если он поднялся снизу, то как? — Сайкин уже несколько раз предлагал спуститься вниз.

— Взлетел? — предположил я.

— Шутите, Николай Павлович?

— С чего бы. Здесь сила тяготения небольшая, можно, теоретически, отталкиваясь от стенок колодца, подняться наверх.

Майор с сомнением оглядел уходящий вниз тоннель диаметром в пятнадцать метров.

— Я попробовал, — сказал он. — Со страховкой, конечно. Допрыгнуть-то я могу, но оттолкнуться так, чтобы потом в полёте извернуться и зацепиться повыше, не получается, скорее так спуститься можно. А наверху его следов нет.

— Фёдор, что с вездеходом? — связался я с Купченко.

— Пробую починить, но выходит, что придётся менять, Николай Павлович, — тут же ответил спасатель. — Сегодня ещё подкручу, поезжу, не получится, завтра попытаюсь перевернуть луноход на бок, там доступ откроется. Но для этого придётся и батарею, и всё остальное демонтировать.

— Приступайте к демонтажу сейчас. Майор Сайкин поможет, а то у него экспериментаторский дух проснулся, как бы нас всех не заразил. Виктор Степанович, возглавите перемещение материальных ценностей? Управитесь до завтра?

— Шутите, товарищ полковник, там делов-то на два-три часа, — Сайкин по-уставному отдал честь и полез наверх.

Майор с Купченко управились за несколько часов, за это время платформа привезла контейнеры с продуктами, медицинскую установку и регенераторы. Всё это, в принципе, на базе было, даже еда в складском отделении лежала просроченная, но в ангаре оставлять ценное имущество я не решился — американцы, судя по их действиям, не дремали, и могли подгадать в любой момент. Пока одни члены экипажа тащили провода, втыкали контакты в разъёмы и тестировали по сотому разу рециркулятор, другие тоже без дела не остались. Нестерова сидела наверху, у пулемёта. А когда оборудование наконец заработало, её сменила Варя. Можно было бы на этом основной процесс переселения завершить, и отправиться вниз, на поиски контейнера, но я этот момент оттягивал как мог — во-первых, из-за банального страха, если один зомби откуда-то снизу вылез, то там же может жить второй. И во-вторых, наступила моя очередь дежурить наверху. Поднялся к ангару, забрался в луноход, сменив капитана-радиста, и уставился на экраны. Во время движения полагалось находиться в кабине в полном облачении, но поскольку вездеход только этой кабиной вращал, оставаясь на месте, я отстегнул шлем, вылез из скафандра, как из змеиной кожи, и уставился на экраны.

Постоянного внимания они не требовали — мало того, что за нами следили с орбиты,

сами радары подавали тревожный сигнал из-за малейших помех. Лунная ночь была прекрасна — огромный шар Земли почти не забивал свет звёзд, глубокое чёрное небо затягивало в себя, а неподвижный ландшафт вокруг не навевал уныние, он успокаивал. Через час меня начало клонить в сон, пришлось выпить таблетку, она помогла, но всё равно, вокруг ровным счётом ничего не происходило. Я крутился вместе с кабиной, разглядывая окрестности сквозь стекло. Единственным выпадающим элементом был второй луноход, лежащий в ангаре на боку с откинутым колесом. На Земле такую махину пришлось бы мощными домкратами удерживать, здесь хватило лебёдки. Отличная планета, жаль, что так и останется безжизненной, перспектив в качестве места обитания для человека, у Луны нет никаких — слишком маленькая сила тяжести, отсутствие магнитного поля и атмосферы. Перевалочный пункт к другим небесным телам, Марс, пояс астероидов, спутники Юпитера. От того, сколько ещё предстоит сделать в этом мире, дух захватывало, как и от того, чего здесь достигли. В моей реальности такие поселения ещё лет тридцать ждать, не меньше, если они вообще когда-нибудь появятся.

Я достал из кармана два флакона, зажал между большими и указательными пальцами, встряхнул. В левом были остатки препарата, за который я заплатил единицами, оставалось ещё примерно пять доз. В правом порошок, переданный Ириной, и разбавленный коньяком, позаимствованным у Шацкой на «Заре». Половину за час до того, как найду, и остальное на месте. Оставалось только найти этот злосчастный красный кристалл, в какой стороне он находится, показывал кулончик, который я тоже достал и повесил над приборной доской. Вопреки гравитации камушек тянуло к югу. Убрал флаконы обратно в карман, нажал кнопку связи — красная лампочка вызова моргала часто-часто.

— Слушаю, Виктор Степанович.

— Николай Павлович, у нас проблема, — отозвался Сайкин. — Нестеровой нездоровится.

— Что-то серьёзное?

— Нет, сыпь и небольшая температура, тридцать семь. Если до утра не оклемается, вас снова сменит Варвара Сергеевна.

(40). Сторона 1. 14 июня, воскресенье

(40). Сторона 1. 14 июня, воскресенье.

— Угораздило тебя, — Димка сделал усилие, чтобы не рассмеяться.

В мире Соболева Нестерова-два лежала с каким-то отравлением, а в его собственном мире Нестерова-один сидела на кровати посеревшая и даже слегка позеленевшая. А всё чебуреки на рынке, вроде пошли за продуктами для здорового питания, и не удержалась, купила две штуки, зажаренные в тёмном прогорклom масле, с непонятно каким мясом, сдобренным ложкой перца, и оттого безумно вкусные. Димка-то удержался, не стал есть, а Алиса схочмячила оба, и теперь бегала от кровати к туалету.

— Вместо того, чтобы издеваться, лучше бы помог, — просипела следователь.

— Укол в течение четверти часа подействует, будешь как огурчик или румяный пирожок, — сказал Дима.

— Сволочь, — выкашляла Нестерова, бросаясь к двери, — не надо про еду.

Куприн пожал плечами, вместо того, чтобы свой законный выходной провести как надо, ему пришлось мчаться в больницу за метоклопрамидом, в вену колоть лекарство Нестерова не хотела ни в какую, пришлось воткнуть иглу в задницу. А поскольку та была немаленькой, то препарат расходился по крови медленно.

В дверь постучали, в образовавшуюся щель просунулась голова Вадика.

— Ну как? — спросил он.

— Лекарство я дал, но до завтрашнего дня ей лучше не есть ничего. И тем более не пить.

— Тогда мы одни поедem, всё равно здесь толку нет, — тут же сориентировался Вадик. — Я передам Сосницкому, что вы натуральные засранцы.

— Пристрелю суку, — слышался хриплый голос. — Дай только оклематься, весь рынок переверну. Он у меня этими чебуреками срать будет до конца жизни.

— Ожила, — Вадик показал большой палец и исчез.

Насчёт пристрелить Нестерова не шутила, сама она никогда об этом не говорила, но Димка совершенно случайно увидел у неё в сумочке пистолет. И тоже об этом не стал упоминать, мало ли зачем следователям личное оружие.

Хлопнула входная дверь, на экране было видно, как открываются ворота и полицейский уазик выезжает со двора. Вадик с Викторией свалили на день рождения их общего друга — Сосницкие их всё равно до позднего вечера не отпустят, так что Дима и Алиса остались в доме одни.

Обычно выходной проходит быстро — оглянуться не успеешь, как наступает понедельник, и новая рабочая неделя. В случае Куприна должен был наступить вечер воскресенья и очередная смена в больнице, но ему позвонила старшая медсестра и сказала, что дежурства не будет, потому что больных совсем немного, и заведующий терапией решил, что они и без Димки справятся.

— Минус тысяча, — приуныл молодой человек, с деньгами с каждым днём становилось всё сложнее.

Вариант, предложенный завхозом, выглядел всё более реальным, пять, а то и шесть миллионов в столице не бог весть какие деньги, но на первое время хватит снять комнату и

найти работу, а там уже можно и что-то прикупить в ближнем Подмоскowie. И в то же время продавать дом не хотелось, он здесь две трети жизни прожил, бабушку с дедушкой похоронил, Плотников сказал, что и сдать тоже можно, пусть не за сто тысяч в месяц, но хотя бы за пятьдесят. А если ужаться, то и сдавать не придётся, может, ещё всё образуется, отчим тоже обещал помочь, через знакомых устроить куда-нибудь.

И вообще, сбежать в Москву или Питер — это сбежать от проблем и сложностей, такого Димка себе старался не позволять. Проблемы надо решать, иначе они только копятся, а он, Дмитрий Куприн, самостоятельный взрослый человек, ответственный и отвечающий за свои поступки. Ребёнок родится, или Алиса намекает на совместную жизнь, или Земля в опасности, от судьбы не убежишь. Значит, надо решиться, и рассказать Нестеровой про Майю, она имеет право знать. Знать, что в сердце Димки есть только одна женщина, и это она, Алиса Нестерова, а всё остальное значения не имеет. Молодой человек был уверен, что его поймут и искренность оценят, он бы и раньше рассказал, но следователь всю неделю провела на работе и появилась только в субботу к вечеру, мрачная и загруженная проблемами, наверняка с ним, Димкой, не связанными. Так что до понедельника этот разговор может обождать, но только до понедельника, дальше тянуть он не собирался.

Алиса в этом мире оклемалась, а к вечеру, точнее к ночи, даже решила выбраться из дома — не на день рождения, а всего лишь в кино, на «Мстители. Династия Канга». Правда, там продавали попкорн, но девушка мужественно вынесла запах масла и карамели, Димка в знак солидарности с ней тоже не стал ничего есть и просидел весь фильм, уткнувшись в экран — не то, чтобы он был фанатом Мстителей, но франшизу очень даже уважал.

— Прогуляемся? — предложила Алиса, кутаясь в куртку.

От торгового центра, где находился кинотеатр, до дома было минут тридцать неспешным шагом по знакомым улочкам. Местная гопота Димку знала — как-никак с детства в одних песочницах ковырялись, и не приставала, только сиги пару раз стрельнули, но без наезда.

Некоторое время они шли молча, Димка мысленно отложил серьёзный разговор на следующий день и любовался девушкой, а заодно и звёздами. Погода была ясной, над головой ярко сияли звёзды, а вот луны почти не было видно, только тоненькая часть диска, остальное скрывала тень от Земли. Новолуние. Где-то там в это время, в другом мире, Димка ака Николай Соболев наверняка приступил наконец к поискам красного кристалла, чтобы спасти Землю и человечество.

— Ты чего пялишься на небо и улыбаешься? — спросила подозрительно Алиса. — Дури накурился?

— И это говорит дочка космонавта, — парировал Димка.

— Уел, — улыбнулась девушка. — Знаешь, я иногда думаю, вот не было бы всей этой перестройки, люди бы не забыли про космос, наверняка не просто спутники запускали, а летали бы на другие планеты, может, на Марс или Венеру.

— На Марс, поселение на двадцать пять человек, — машинально сказал Димка.

— Что?

— Да читал недавно одного предсказателя, тот как раз писал об этом, — вывернулся молодой человек. — В двадцать шестом году построят огромную орбитальную станцию «Марс-1», и отбуксируют её на орбиту красной планеты. А одну из секций опустят на поверхность, в ней постоянно будут жить двадцать пять человек, и постепенно вокруг этой секции выстроится целый город. К две тысячи сорок пятому году.

— Чушь какая-то, — Алиса фыркнула, — я понимаю, если в общих чертах предсказывать, можно логично обосновать. Но когда такая конкретика, это уже художественная фантастика. Ты какую последнюю книжку читал?

— Про Веласкеса.

— Испанский художник? У меня была такая, кажется, Фейхтвангер написал

— Нет, Фейхтвангер «Гойю» написал, а это про парня из вымышленного мира, просто фамилия такая же, — Димка смутился, — в общем, чепуха, ничего особенного. Вот и пришли. Странно, я вроде свет в подвале выключал. И машина чья-то стоит, вроде не соседская.

Алиса пошла наверх, переодеться, а Димка толкнул дверь в подвал — с тех пор, как здесь поселились гости, а планшет превратился в бесполезный кусок стеклопластика, замок он не навешивал.

— Павел Семёнович? — молодой человек от удивления впал в ступор.

У дальней стенки стоял завхоз, весь перепачканный в кирпичной пыли. Точнее, самой стенки уже не было, а на её месте появилась небольшая дверца, приоткрытая, и из неё дядя Паша только что вылез с большой спортивной сумкой в руках. Судя по напрягшимся мышцам, очень тяжёлой.

— Дима, ты же на дежурстве должен быть, — незваный гость ничуть не смутился. — В терапии.

— Отменили дежурство, — Димка попятился.

— погоди, — дядя Паша поставил сумку на пол. — Ты ведь об этом тайнике не знал?

Молодой человек машинально кивнул. Ему и в голову не приходило, что за кирпичной кладкой что-то есть — она всегда выглядела монолитной и не простукивалась.

— Раньше не знал, а теперь и подавно там нет ничего, — завхоз наклонился, достал из сумки несколько банковских упаковок, положил на стеллаж рядом с солёными огурцами. Потом добавил ещё две. — Этого хватит на ремонт и на Москву. И на спиногрыза, ты уж обеспечь. А теперь я тихо уйду, и ты меня не видел, хорошо?

Это Соболев был героем, а Куприн — пока ещё нет. Димка отступил на шаг, освобождая дяде Паше место и даже не задумавшись, откуда тот знает про будущего ребёнка. Завхоз подхватил сумку, сделал шаг и остановился, а молодой человек почувствовал, как к его затылку прижался пистолет.

— Свидетелей оставляешь? — раздался женский голос.

Его обладательница сошла с лестницы, Дима узнал дочку Нефёдова, живую и вполне здоровую.

— Ты, Вера, парня не тронь, он не при делах, — дядя Паша не торопясь подошёл к женщине, мягко, но твёрдо отвёл ствол пистолета в сторону, достал из сумки ещё несколько пачек, положил на ближайшую полку. Вблизи были видны сто долларовые купюры. — Наследство тебе, имеешь право. Пойдём, прогуляемся, проводишь нас до калитки, а то наделаешь глупостей, потом жалеть будешь. И телефон выложи, чтобы соблазна не было.

Дима кивнул, вытащил из кармана трубку, положил на стеллаж рядом с деньгами.

— А бабушка с дедушкой про схрон не знали, так и померли, — непонятно отчего сказал он.

— Жизнь — штука хреновая, — завхоз качнул головой, — люди мрут один за другим, даже молодые, куда там старикам. Да, Вера?

Дочка Нефёдова хохотнула. Они вышли на улицу, и гуськом направились по слабо освещённой дорожке к калитке — впереди завхоз дядя Паша, или скорее Серёжа, с сумкой в руке, за ним Димка, и Вера Нефёдова замыкающей. Когда до забора оставалось несколько шагов, и дядя Паша взялся за ручку калитки, в воздух выстрелили.

Позади них, метрах в десяти, стояла Алиса, держа пистолет в вытянутых руках. Лицо у неё было напряжено, нижняя губа слегка дрожала. На лбу выступили капельки пота.

— Куприн Сергей Иванович, вы задержаны, — сказала она, голос ушёл вверх от волнения, — держите руки на виду. Нефёдова Вера Ефимовна, положите оружие на землю.

— Ты стрелять-то умеешь, пигалица? — дочка Нефёдова ухмыльнулась. — Или для красоты дуру таскаешь?

— Умею, не сомневайся. Сдавайся, через минуту тут будет опергруппа.

— Когда будет, тогда и поговорим, — Нефёдова пистолет не опустила.

Завхоз рванул калитку на себя, перекатился по земле, уходя от пули, которая чиркнула по столбу, и скрылся за забором. Следователь от досады закусил губу, перенесла вес тела на правую ногу, делая первый шаг в погоне за главным преступником, Нефёдова от волнения нажала на спусковой крючок, раздался выстрел. Алиса пошатнулась, изумлённо посмотрела на левое плечо, там, на футболке, расплывалось кровавое пятно. Она выстрелила в ответ один раз, потом второй, пошатываясь, подошла к лежащей на земле Нефёдовой, носком кроссовка отодвинула от её руки пистолет.

— Куприн сбежал? — прохрипела она, в её глазах плескалось отчаяние, пятно поползло до живота, набухшая майка свисала отяжелевшими кровавыми складками, пистолет в руке дрожал. — Вот тварь. Твари! Вся семейка такая. Значит, по бабам от меня бегаешь?

— Да никуда я не бегаю.

Димка водил глазами от Алисы к дому, решая, что лучше сделать первым делом, когда та опустит пистолет — принести аптечку или сразу начать первую помощь оказывать. Несмотря на обилие крови, рана на первый взгляд была неопасная, пожалуй, лучше просто перетянуть и ждать бригаду скорой. Которую он сам вызвать не мог — но тут пресловутая опергруппа постарается. А в голове звучал голос девушки — «Куприн Сергей Иванович, вы задержаны». Сергей Куприн. Отец.

Следователь покачнулась, перевела прицел в сторону.

— Ладно, живи, сволочь, — прошипела она, и от злости нажала на курок.

Пуля ударила в стену гаража, отрикошетила в столб, а оттуда молодому человеку в затылок. Димка покачнулся, кусочек свинца почти потерял скорость и только чудом пробил кожу, войдя в затылочное отверстие. Нестерова от изумления распахнула глаза, дёрнулась, чтобы подхватить парня, каким-то образом спасти, но сама потеряла сознание.

(41). Сторона 2. 15 июня, понедельник

(41). Сторона 2. 15 июня, понедельник.

В десять сорок пять утра понедельника Аграмян вышел из одиннадцатого подъезда комплекса на Старой площади и по улице Куйбышева направился к Кремлю. Его на некотором расстоянии сопровождали двое охранников, в центре города секретарю ЦК практически ничего не угрожало. Пожилой человек неторопливо шагал по тротуару, уступая дорогу спешащим прохожим, через десять минут зашёл в калитку Спасской башни, миновал пост охраны, повернул налево, на Спасскую улицу, и поднялся на третий этаж бывшего Сенатского дворца. Возле апартаментов Генерального секретаря его встретил помощник, и проводил в приёмную, а оттуда — в столовую.

Глава государства и Варшавского блока обедал в одиночестве, но второй прибор появился на столе, едва Аграмян миновал Спасские ворота.

— Садись, — генсек кивнул на кресло, тут же отодвинутое помощником. — Что будешь? Отличную копчёную осетрину прислали из Волгоградского обкома, во рту тает.

— Нет, спасибо, я позавтракал два часа назад, — Аграмян чуть отодвинул тарелку. — Боржоми выпью.

— Молодец, режим соблюдаешь, а я вот не могу себе отказать. Женя, оставь нас.

Помощник коротко поклонился и вышел.

— Хорошо выглядишь, Лёва, я ведь на пять лет тебя моложе, а такой формы уже нет.

— Жизнь заставляет, — Аграмян налил себе минералки. — Как дети?

Генеральный секретарь поморщился.

— По больному режешь? Надо их, как Сталин, на фронт, может мозгов прибавится.

— Ну одного он на фронт послал старшим лейтенантом, когда тому сорок было, а другого генералом сделал в двадцать пять.

— На Саньку намекаешь? Я вот тоже думаю, что поспешил, мозги ещё не значат, что может министерством управлять. На секретариате этот вопрос сам подниму, я ошибся, значит, мне и исправлять, кого на его месте видишь?

— Георгий Дмитриевич, ты ведь не для этого меня сюда позвал, — Аграмян усмехнулся, — если прощупываешь, то знаешь — я против таких скоропалительных назначений, своих во власть не пускаю, и другим не советую. Но это моё личное мнение, и иметь его — не значит других осуждать.

— Знаю и уважаю. Так что там с Соболевым и его командой? — генсек отставил полупустую тарелку в сторону.

— Результатов пока нет, группа занимается базой, готовится к исследованию местности, но, как ты уже знаешь, есть накладки и неожиданные находки.

— Ты про Бабица?

— Надеюсь, что только про него. Я с нашими экспертами посоветовался, теми, которые французом занимались, они посоветовали труп инженера не трогать, мало ли что там внутри.

— Правильно, сначала кристаллы найдём, это главная задача, а уж потом вышлем бригаду медиков, пусть на месте вскрывают и смотрят, — сказал генсек.

— Да, напортачить всегда успеем.

— И долго портачить собираетесь?

— Максимум неделю, американцы, ты в курсе, тоже зашевелились, через пять дней стартуют сразу три ракеты-носителя, выводят их новейшие «Гейзеры» на лунную орбиту, минуя земную, значит, очень торопятся. Там двадцать семь человек экипажа, разделятся, два останутся в космосе для прикрытия, к тем шести «Кайманам», которые там уже есть, это серьёзная сила, практически равная нашей, а один постарается перехватить груз.

— Которого ещё нет?

— Которого ещё нет, — кивнул Аграмян. — Поэтому связь с базой теперь держит только Ланская лично, и она же связывается со мной.

— Ты ей доверяешь?

— Ланскую много раз проверяли, в связях с иностранными разведками не замечена, личная жизнь как на ладони, когда она начала курировать программу «Лёд», каждая её фраза прослушивается. Были белые пятна, но потом мы их восстановили, её двойка ведёт.

— Хорошо, — генсек пожевал губами, — эти камни, Лёва, ни при каких обстоятельствах не должны попасть американцам, это ты понимаешь так же хорошо, как и я. Проверь ещё раз, ох что-то беспокойно мне.

— Пока всё в по плану идёт, корабль для доставки сейчас на месте в скрытом режиме, ждёт команды, инцидент с Тайфуном нам здорово помог, вывели космоплан незаметно, я проверял — никто его не обнаружил, даже наши. Для остальных команда Соболева занимается восстановлением оранжереи и подготовкой объекта к расконсервации. Один из членов команды, Нестерова, заболела, но симптомы никак не связаны с аномалиями, и вообще, свою задачу она уже выполнила, доставила «Орёл» к Луне, так что запросы об эвакуации отклоняем. А в отношении будущих действий, есть два варианта, оба я прислал сегодня утром, или мой человек действует автономно, или мы всё меняем, ждем поддержки и открываем наши карты американцам. Вам решать, товарищ генеральный секретарь.

Его собеседник положил крупные, с узловатыми костяшками ладони на стол, разгладил и так идеально ровную скатерть.

— Первый вариант, Лёва, — сказал он. — Вот только как ты собрался закрыть Луну?

— Не я, — Аграмян усмехнулся, — Лихой, ты ведь ему поручил, Жора, мне не доверил. И правильно, Фёдор Матвеевич своё дело знает, на то он и военный.

— Ты волну-то не гони, сколько нас в курсе этой операции? Только мы с тобой, остальные кусочки знают, всей мозаики им не сложить, даже председатель КГБ. Генерал вон тоже думает, что мы теперь на Марс нацелены, а Луну оставляем позади. Так что у него?

— Транспортный грузовик со стержнями для реакторов пристыкован к станции «Луна-2». Как только поступит команда, он взорвётся. Траектория рассчитана, обломки, которые останутся на орбите, не дадут приблизиться к Луне минимум два-три месяца, станции будут почти гарантированно уничтожены, свои, ну кроме Луны-2, там остались трое космонавтов, мы эвакуируем на поверхность, будет примерно три часа в запасе. За последние два месяца накачали лунные базы всем необходимым на год-два вперёд, так что не пропадут. Американцев предупредим по факту, это же непреднамеренный взрыв, всякое случается. Жертвы неизбежны как с нашей, так и с их стороны.

— Жаль, конечно, людей, Лёва, — хозяин апартаментов и страны легонько стукнул кулаком по столу, — но интересы страны важнее.

— Готов, — Сайкин показал мне большой палец.

Я ещё раз дёрнул карабин на поясе, проверяя, как он держится, и тоже показал большой палец. Только вниз, туда, куда лежал наш путь. Отвесные стенки колодца не были идеально ровными, их покрывали наплывы, позволяющие цепляться руками. Но если трос заест, или он оборвётся, шансов выбраться обратно у нас было немного, вся надежда на двух остающихся наверху товарищей. Двух, потому что Нестеровой стало хуже — сыпь у Алисы-два прошла, температура снизилась до тридцати шести, но теперь у девушки постоянно возникали приступы головокружения и расфокусировки зрения, она несколько шагов сделать не могла без того, чтобы у неё перед глазами не поплыло ничего. Я послал запрос об эвакуации, но в ответ получил карантинное предписание, теперь мы должны были два раза в день проходить обследование на медицинском оборудовании, и передавать наши данные медикам. Ближайший врач находился на базе 14, и при необходимости мог выехать в любой момент, но добираться ему бы пришлось часов десять в лучшем случае — нас разделяли почти четыреста километров. И вообще, с её показателями он особой необходимости не видел в срочной помощи, и я, как фельдшер, тоже. В её анализах не было ничего необычного, и томограф тоже ничего не показал. Точнее, показал, что с Алисой-два всё в норме.

Пришлось проблему с Нестеровой отложить, надеясь, что она решится сама собой, и заняться другими делами. Например, инженером Бабицем — при температуре в минус шесть градусов, которая сохранялась возле шлюза базы практически неизменной, с ним ничего не происходило, но стоит поднять тело на поверхность, и оно или выморозится, или сварится. Так что я решил опустить его на дно лунного колодца в надежде, что в нём сохранилась какая-нибудь живучая бактерия, оно наконец-то начнёт портиться, и это развеет опасения о нетленном живом мертвце.

Вертикальный тоннель уходил вниз на двести метров, постепенно расширяясь, мощный прожектор освещал неровную поверхность на дне. Внизу температура достигала двадцати пяти градусов выше нуля и всегда оставалась стабильной, будь там достаточно воздуха и не проникай радиация, мы вполне могли бы разгуливать без скафандров, в шортах и футболках. По первоначальному проекту, объект 36 создавали, чтобы потом весь колодец превратить в искусственное сооружение, но лунотрясение поставило крест на этих планах.

По-хорошему, надо было просто сбросить тело вниз, при такой силе тяжести и хорошей упаковке оно бы почти не повредилось. Но как ни крути, Бабиц был сотрудником базы, и обращаться так с ним было неуважительно. Это раз. А во-вторых, всё равно пришлось бы лезть вниз — возможно, где-то там, в ста шестидесяти метрах, лежал пропавший контейнер, от которого у нас оставалась только крышка.

— Готов? — спросил я снова, в этот раз у Фёдора, сидящего за рычагами первого вездехода, и получил утвердительный ответ.

Стропа дёрнулась, приподнимая платформу, луноход проехал чуть вперёд, сводя её с шлюзовой площадки, и начал медленно опускаться. С четырёх точек били прожектора, я посмотрел вверх и чуть не ослеп, забрало шлема не успело среагировать на свет и затемнилось слишком медленно. А Сайкин напряжённо смотрел вниз.

— Виктор Степанович, мертвцы мерещатся?

Майор-десантник продемонстрировал мне автомат — удлинённую версию пистолета с магазином на пятьдесят патронов.

— Что-то беспокойно, — сказал он. — Чуйка у меня, если какая неприятность, начинает колено левое ныть. Врачи говорят, психосоматика. Может, похоронить его по-человечески?

— Медики должны прилететь и сделать вскрытие, — открыл я большую военную тайну, — начальница твоя распорядилась. Я думал, ты в курсе.

— Нет, но раз Софья Николаевна только тебе сказала, то мне эта информация ни к чему, — Сайкин вскинул автомат, опустил, — показалось. А, нет, не показалось, вон там видишь уступ, что-то блестит. Может, контейнер?

Уступ, на который он показывал, находился в тридцати метрах от дна, мы почти приехали.

— На обратном пути посмотрим, — решил я. — Вон там вроде поровнее место, туда инженера и положим.

Платформа мягко коснулась дна, Фёдор отпустил стропу ещё на полметра, и она провисла. Я схватил чёрный пакет за ноги, Сайкин — за проступающие плечи, при жизни этот Бабиц весил килограммов восемьдесят, а сейчас не больше пятнадцати. Должен был. Но мне показалось, что моя половина весила прилично, почти всю пятнашку.

— Потяжелел? — Сайкин это тоже заметил. — Надо было его взвесить наверху, любая аномалия — это опасность.

— Поднимаем обратно?

— Жду твоих распоряжений, товарищ полковник.

— Тогда кладём эту аномалию вон туда, и сваливаем, — распорядился я. — Ну нафиг эти приключения, что-то я здесь себя неуютно чувствую.

И почувствовал ещё неуютнее. Камень на шнурке, спрятанный под скафандром, дёрнулся, словно что-то потянуло его к себе. Прожекторы старались охватить всю площадь дна колодца, но примерно в четверти круга от нас была ниша, куда лучи не попадали. Свет от налобного фонаря скользнул по стене, на первый взгляд в углублении было пусто.

— Проверьте вон там, а я пока ещё осмотрюсь, — приказал Сайкину.

Не то чтобы было что осматривать, я банально испугался. Это Соболев был героем, а Дима Куприн — обычным средним медицинским персоналом, хотя в последнее время я даже мысленно себя называл Николаем. Но смелости от этого не прибавилось.

Сайкин кивнул, типичной лунной походкой, не такой, как у Майкла Джексона, а с учётом слабой гравитации — каждый раз сильно наклоняясь вперёд, направился к нише. Автомат он держал нацеленным в темноту, словно ожидая, что оттуда кто-то выпрыгнет. Я тоже этого ждал, кристалл не просто так возбудился, наверное, почувал своего. Целиться в сторону ниши значило направить ствол прямо Сайкину в спину, поэтому я сместился вбок на несколько метров, фактически делая тот же путь, только по кругу.

В метре от затемнённой области рука майора вздрогнула, словно он собирался выстрелить, но сдержался. Потом он поправил фонарь на лбу, направляя луч вглубь ниши, и тут же отступил на два шага, для этого ему пришлось сильно отклониться назад, свет фонаря скользнул вверх, к шлюзовой площадке, где стояла Варя Урсляк, внимательно за нами наблюдая.

— Там кто-то есть, — Сайкин не рассчитал угла падения и приземлился на задницу, — кто-то лежит.

(42). Сторона 2. 16 июня, вторник

(42). Сторона 2. 16 июня, вторник.

— Войцех Бжезецкий, — я вывел на экран изображение пропавшего исследователя. — Странно, да? И вы хотите, чтобы мы спокойно тут работали?

В отличие от Михая Бабица, Бжезецкий отлично сохранился. И скафандр его тоже — только направив на шлем сильный пучок света, удалось разглядеть и сфотографировать не тронутое разложением лицо. Глаза у Бжезецкого были закрыты, на щеках угадывался румянец, оставалось только разбудить мужчину и спросить, где он шлялся все эти два года. Но героев среди нас не нашлось, наоборот, мы после фотосессии поднялись наверх, законопатились внутри станции и поставили камеры, направленные вниз.

Там, на дне, лежали два тела, одно завернутое в чёрный полиэтилен, а другое в лунном скафандре. Выглядело это жутко, иногда изображение дёргалось, и казалось, что мертвецы двигаются.

— Николай Павлович, не ожидала от вас паники, — Ланская висела перед камерой, или это монтаж был такой специальный, или она действительно задержалась в космосе. — Звание полковника вы получили по заслугам, но, некоторым образом, авансом, постарайтесь его оправдать. Как продвигаются дела с поиском кристаллов?

Дела продвигались никак. Блестящий предмет, который заметил Сайкин, оказался натальной видеокамерой, и в ней даже что-то было записано, только прочитать это компьютер не мог, и передать специалистам — тоже. Из нескольких гигабайтов данных по кабелю передавался только один символ — амперсанд, то есть камера показывала, что у неё много чего есть, но не отдавала. С ней бились и Фёдор, и Варя, и даже Нестерова пробовала что-то такое сделать между приступами, но безуспешно.

— Выдвигаемся через три часа, — сказал я. — Если не будет накладок, второй вездеход так и не починили. И хорошо, если бы кто-то прилетел, привёз деталь, а заодно забрал камеру.

— Так и поступим, — Ланская неудачно взмахнула рукой, и её отнесло к переборке. Пришлось ждать, пока она вернётся. — Врачи говорят, что у Нестеровой типичная болезнь колониста из-за низкой гравитации, симптомы обычно проходят за неделю-две, мозг, по их словам, отказывается верить, что на твёрдой поверхности может быть другое тяготение. Если она стабилизируется, то вопрос отпадёт сам собой. Нет — в команде спасателей, которая к вам направляется, есть медик, он её осмотрит и при необходимости обеспечит эвакуацию. Договорились?

Я кивнул.

— Через два дня спустится автоматический модуль с «Луны-2» и доставит груз — дополнительное оборудование для расшифровки, запчасть для вездехода и снаряжение для прибывающей группы. Раньше не получится, склад с запчастями находится в двух тысячах километров от вас, придётся действовать через орбиту. Не откладывайте с поисками, товарищ Соболев. По имеющейся у нас информации, через несколько дней в этом районе появятся американцы, и тогда задача сильно усложнится.

На самом деле я ничего искать не собирался. Два трупа внизу, камера с непонятной записью и большая Нестерова, которая теперь больше времени проводила без сознания, чем в

здравом рассудке — в голове вертелась шальная мысль захватить челнок, погрузиться туда всем коллективом, и свалить. Но предстоящая потеря связи меня с самим собой удерживала на Луне.

— Товарищ майор, остаётесь за старшего, — я перехватил Сайкина в переходе между столовой и оранжереей. — Как чуйка, не щекочет?

— Нет, пока спокойно, — ответил десантник-гэбист. — Кого берёте с собой?

— Фёдора. Варя пусть связью займётся.

Прозвучало двусмысленно, но я и вправду подумал, что этой парочке лучше остаться на станции практически вдвоём — должна у людей быть личная жизнь хотя бы на несколько часов, а то обстановка нервная, и вообще, мало ли что завтра случится, а не все гештальты закрыты, как говорит наш психотерапевт Медведчук, накачиваясь виски в пятницу вечером.

Неисправный вездеход всё так же лежал на боку в ангаре, а исправный — стоял рядом. Мирный атом где-то внизу потихоньку распадался, основная батарея была заряжена на сто процентов, а это значило минимум две недели автономного драйва по Луне. Так Фёдор сказал, глядя чуть в сторону.

— По окрестностям покатаемся, — успокоил я его. — Данные с беспилотника получили?

— Да, никаких изменений.

— Тогда поехали. Сделаем спираль километров в восемь радиусом, в четыре витка, а потом такую же обратно, может, наткнёмся на что-нибудь.

— Простите, Николай Павлович, — Фёдор тронул вездеход, — мы же оба тела наши, что теперь ищем?

— Контейнер, Федя, и следы. Нёс что-то важное Бабиц, но непонятно, где оставил, — выдал я заранее приготовленную версию, — думаю, выбрался он из какого-нибудь разлома здесь, возле станции, а внутрь забрался ещё где-то, по дороге груз выронил. Но, как настоящий коммунист, дошёл до конца.

Фёдор хмыкнул, и ничего не сказал. Я бы тоже не поверил, но армейская субординация — великая вещь, если командир считает, что всё делает правильно, подчинённые не спорят. Думают себе о том, что им попался полковник-дебил, но помалкивают и приказы выполняют.

По моим прикидкам, к нужному мне месту мы должны были подъехать где-то через четыре часа, вездеход ехал со скоростью 30 километров в час на автопилоте, позволяя разглядывать окрестности. Смотреть было не на что. На первом витке ещё виден был ангар, а на втором он превратился в небольшое серое пятно. Солнце висело над горизонтом, постепенно прогревая поверхность, я пытался не заснуть, Фёдор к обязанностям относился более ответственно — как только камера замечала какой-то необычный объект, менял курс и подъезжал поближе. Если бы мы собирали артефакты, то считай, задачу бы выполнили — уже на первом витке нашли перчатку от американского скафандра, пустую упаковку от антенного кабеля, бинокль в отличном состоянии, испорченную батарею и тубик с машиной смазкой, американский и почти полный. Смазку Фёдор забрал, сказав, что это хорошая штука, не то, что Орёлспецхим. Следов было много, в основном от вездеходов, но попадались и человеческие — на Луне они могут храниться в неизменном виде тысячи лет. Кристалл исправно показывал направление в нужную сторону, прилипая то к груди, то к плечу, то к подстёжке скафандра, значит, цель моего полёта сюда была близко. Наверняка, Соболев смог бы, используя триангуляцию, построить точное место, в котором прятался

красный паразит, но я этого делать не умел, а Фёдора, по понятным причинам, попросить не мог.

— Смотрите, Николай Павлович, — на втором витке, в трех километрах от станции, Фёдор ткнул пальцем в монитор. — Ещё что-то. Посмотрим?

— На камень похоже, — с сомнением ответил я. — Тут таких полно. Ладно, давай.

Вездеход повернул, и подкатил к шарообразному предмету. Манипулятор с камерой выдвинулся, изучая находку. На первый взгляд это был обычный булыжник, покрытый лунным реголитом, но по форме уж больно правильный. И реголит лежал не ровным слоем, его словно насыпали сверху. Манипулятор подал вперед сопло, плюнул сжатым воздухом, сметая лунную пыль. И обнажая матовую белую поверхность с надписью «СССР».

— Шлем, — сказали мы с Фёдором одновременно.

Парень потянулся к кнопке связи.

— Скажу, что нужно выйти и закрепить батарею, — сказал он.

Я кивнул. На случай прослушки у нас, точнее у Сайкина был разработан целый код, по важности находки. «Протереть камеру» означало, что мы нашли контейнер, «поправить антенну» — нештатная ситуация.

— Наезжаем и поднимаем.

Фёдор осторожно оставил шлем между колёсами, донный манипулятор поместил шлем в камеру, упаковал в полиэтилен. На оборотной стороне виднелась фамилия владельца — Бабиц. Пока спасатель радовался находке, я ещё раз проверил монитор.

— А вот и следы. Видишь? Езжай по ним, постарайся колесом наехать, чтобы убрать.

Следы от ботинок начинались в пяти метрах от шлема, появляясь из ниоткуда и шли в сторону базы. В двух километрах от этого места мы проезжали, и следов там точно не было, я проверил по записям, отмотав на нужные координаты.

— Едем в сторону базы, — решил я. — Раз с батареей неполадки, да? Но медленно

Вездеход наехал колесом на первый след, уничтожая улику, и пошёл дальше. Цепочка отпечатков ботинок шла ровно, словно человек на плацу вышагивал, и тянулась минимум на километр. А потом обрывалась, в этом месте следы изменяли направление, делая правильный замкнутый круг метров десять в диаметре. А в центре этого круга поверхность реголита была чуть приподнята и тоже насыпана неровно.

Мы с Фёдором вылезли через донный люк, смели пыль со стального листа, и спустились на несколько метров вниз по явно рукотворному проходу — его стенки были сильно уплотнены, как при использовании проходческого бура. Который, кстати, на станции был, только в разрушенной части, и его никто особо не разыскивал. Проход переходил из вертикального в горизонтальный, и, судя по приборам, вёл прямо туда, где находилась наша база. Я стоял перед сложным выбором — или послать Фёдора одного, или вернуться на базу и послать его вместе с Сайкиным, но потом стыдно стало, чего это товарищ полковник всё время за чужие спины прячется. И решил.

Вездеход пополз почти над нами на автопилоте, в случае чего буровая установка должна была выволить нас из-под толщи лунного грунта, а мы с Купченко, в скафандрах, с пистолетами наизготовку, потопали по проходу. Узкому и невысокому, метр на два, едва хватало места одному. Я шёл впереди, Фёдор — замыкающим, держа перед собой планшет с выведенными на него четырьмя камерами. Метров сто мы просто шли в темноте, освещая перед собой путь фонарём. А потом в его лучах что-то блеснуло. Я остановился, потянулся

перчаткой, и тут же отдёргнул.

На стене выделялся ребром синий кристаллик, маленький, размером с гречневое зёрнышко.

— Что это, Николай Павлович? — Фёдор тоже потянулся, но получил по рукам. — Вы знаете?

— Нет, но ты такое когда-нибудь видел?

— Может, метеорит?

— Может быть. Давай, засними, запиши координаты, и дальше пойдём.

Лаз уходил вниз, но очень плавно, сейчас мы шагали на глубине в шесть метров, бур у вездехода спокойно доставал до двадцати, так что запас ещё был. Мелкие зёрнышки кристаллов попадались всё чаще, сначала один-два на десять метров, а под конец, когда до базы оставалось метров триста, через шаг. Мой кулон вёл себя спокойно, словно эти сородичи его не интересовали. Но внезапно словно взбесился.

Проход резко расширился, образуя круглое подземное помещение радиусом в несколько метров, со столбом посередине. С одной стороны этот бублик запер проходческий комбайн, дальше шёл такой же тоннель. Стены бублика ничего интересного не представляли, а вот центральная подпорка — она была усыпана синими кристалликами. Во многих местах они явно были раньше, но их кто-то выковырял.

— Ух ты, вот сюда он, наверное, и упал, — сказал Фёдор, тщательно всё фиксируя на камеру. — Смотрите, а вот и он. Ящик, который Бабиц потерял.

Возле комбайна стоял контейнер с горстью синих стекляшек. Они, в отличие от настенных, были крупными, с ноготь. Я подхватил ящичек, положил в пакет, а пакет в ранец. И надевать ранец на спину не стал.

— Ну вот, миссия выполнена, — весело сказал Фёдор, и два раза выстрелил.

Я отшатнулся, оглядываясь. В проходе, уходящем дальше, к станции, человек падал на пол, раскинув руки — две пули придали ему импульс. Скафандр незваного гостя был щедро присыпан пылью, забрало шлема затемнено, но надпись «СССР» отлично читалась. И обрывки жёлтой изоленты я тоже узнал, такой мы связывали труп Бжезецкого, на всякий случай. Десять слоёв изоленты не каждый силач порвёт, а он — смог.

Фёдор стрелял и стрелял, пока не высадил весь магазин. Бжезецкий лежал на полу, не шевелясь, из пробитых отверстий вырывался пар. Крови не было.

— Возвращаемся? — Купченко быстро перезарядил пистолет.

— Нет, пойдём посмотрим, откуда он пришёл, — я зачем-то решил поиграть в героя, словно шило в задницу кольнуло. — Наверняка со стороны базы, значит, должен быть проход.

Выход в тоннель появился через двести метров, всё это расстояние мы шли очень быстро и постоянно оглядываясь, но метрвец, видимо, умер окончательно и нас не преследовал. Небольшой выступ в мёртвой зоне прожекторов выходил прямо на площадку перед шлюзом, я спрыгнул первым, Фёдор — вторым.

— Молчок, — предупредил я его, и пошёл докладывать Ланской, перед этим тщательно заперев шлюз и запретив всем выходить наружу.

Кроме Купченко, пришла его очередь дежурить. Фёдор отказываться не стал, полез наверх, через десять минут вниз спустился Сайкин. Он попытался спросить, что, собственно, произошло, но я сделал ему знак, мол, позже, и закрылся у себя в каюте.

— Отлично, — полковник госбезопасности на появление мертвеца никак не отреагировала, зато на кристаллы — очень даже. — Поздравляю, Николай Павлович, не ожидала, что у вас получится. Контейнер этот спрячьте, и ждите дальнейших инструкций.

— В одном помещении с этой гадостью? — спросил я. — Записи с американцами отлично помню, и то, что с ними произошло.

— Не допускайте контакта с кожей, и ничего не случится, — отрезала Ланская. — Если боитесь, спрячьте их на поверхности, в ангаре. Отбой.

И отключилась. На поверхность выходить не хотелось отчаянно, всё геройство, которое переполняло меня последний час, куда-то испарилось. Я достал коробочку с кристаллами, в этот раз мой кулон на них не отреагировал. Значит, он тянулся на мертвеца, просто я намёк неправильно понял. Положил пакет с коробочкой в контейнер, который мне выдали, нажал кнопку, дождался, пока диод не изменит цвет с зелёного на красный — теперь, кроме конкретных, хотя и неизвестных мне людей, никто его просто так, без мощного взрыва, не откроет. Поискал глазами пистолет, и понял, что оставил его рядом с шлюзом, на скафандре.

— Оружие ищите, Николай Павлович? — мне в затылок уткнулось что-то твёрдое.

— В чём дело, Варя? — я старался сохранить спокойствие.

— Вы ведь навверх собирались? — капитан Урсляк потянула ручку контейнера к себе. — Не стоит, я это сделаю сама.

И тут же схватила меня за шиворот — в коридоре стоял Сайкин. Майор явно не ожидал увидеть радиста, который держит командира на мушке.

— На пол, Витя, — в голосе Урсляк прорезались металлические нотки. — И не двигайся, иначе буду стрелять.

В глазах майора проскользнуло удивление, потом — сомнение. Штатный десантник прокручивал в голове ситуацию, я бы на его месте лёг и не отсвечивал, но Сайкин решил иначе. Он оттолкнулся ногой от стены и прыгнул в сторону, одновременно выхватывая из-за пояса пистолет. Гэбэшнику не хватило доли секунды, Варя не сомневалась, она выстрелила, на лбу у майора появилось красное пятно, а тело по инерции ударилось о переборку, потом о другую, после чего свалилось вниз.

— Дурак, — презрительно сказала Варя. — Был бы такой же умный, как полковник, остался жив. Да, Николай Павлович?

Я кивнул. Рисковать из-за горстки инопланетной фигни не хотелось.

— Тогда давай прогуляемся.

Мы прошли гуськом мимо валяющейся в небытии Нестеровой, добрались до командирского терминала. Мне казалось, что Урсляк нужны мои ладонь и глаз для разблокировки пульта управления станцией, но женщина прекрасно справилась без меня. Она ввела какой-то код, нажала несколько клавиш.

— Ну вот и всё, товарищ командир. Сработало, а я сомневалась. Теперь марш в свою комнату.

Капитан заблокировала дверь снаружи, я кинулся к терминалу, вызывая Фёдора, но связь не работала. Не работала связь и с Ланской, и с лунными станциями. Только камеры исправно передавали изображения. Как человек в скафандре поднимается на поверхность, машет рукой, из вездехода появляется другой человек — Фёдор Купченко. И падает на реголит с разбитым пулей забралом шлема. А потом его тело плавно пролетело мимо нашей станции и скрылось внизу, на дне тоннеля. Урсляк скрылась в ангаре на несколько минут, вернулась, вездеход тронулся, и когда отъехал на несколько сотен метров, волоча за собой

мачту связи, ангар взорвался. Мы остались на станции вдвоём — бессознательная Нестерова и я, запертый в камерке три на три метра.

Вездеход бодро двигался на юг, развив максимальную скорость. Варя сидела, сжав губы и следя за картой, мачту она сбросила неподалёку от станции, навряд ли кто-то ей ещё сможет воспользоваться. Возле места с переданными координатами она остановилась, отключила батарею и активировала направленный передатчик. Через сорок минут неподалёку прилунился небольшой летательный аппарат.

Варя подхватила контейнер, и заспешила к челноку. Стоило ей подойти, шлюзовое отверстие выкинуло манипулятор, который подхватил скафандр и затащил его внутрь. Там были привычное давление и атмосфера, Урсляк сняла шлем, улыбнулась черноволосому мужчине с кривым носом. Тот дождался, пока Варя отсканирует свою радужку и ладонь, и только тогда улыбнулся в ответ.

— Всё в порядке? — спросил пилот, — что с остальными?

— Заперла на станции, как и приказано, — Варя стащила перчатки, — когда?

— Через двадцать минут рванёт грузовик, я уже послал сигнал, и у нас окно где-то в полчаса, потом никто отсюда не уйдёт. Готова?

— Да.

В руке у женщины появился пистолет, она прижала его к голове напарника, выстрелила. Мужчина умер, так ничего и не поняв. Варя перетащила его на своё место, сама уселась в кресло пилота, вдавила кнопку старта. Челнок загудел, реактивные струи вырвались из двигателей, бросая его вверх, к звёздам. Когда он пересекал орбиту станций, где-то вдали, в тысяче километров, грузовой корабль советских ракетно-космических сил, пристыкованный к станции Луна-2, взорвался, засоря пространство мелкими металлическими частичками, которые начали свой путь вокруг Луны. Но челнок они не задели, кораблик вырвался в межпланетное пространство.

На экране появилась Ланская, она что-то спрашивала, но Варя не стала отвечать, отключилась. Через час, на расстоянии в пятнадцать тысяч километров от Луны, челнок начал менять траекторию, уходя от Земли. Урсляк постоянно сверялась с компьютером, корректируя движение. И ещё через два часа почти поравнялась с космолётом, на котором виднелась эмблема Южноафриканского Союза. Трос с прицепным механизмом соединил оба аппарата, и большой корабль медленно затащил в себя маленький.

(43). Сторона 2. 20 июня, суббота

(43). Сторона 2. 20 июня, суббота.

Я выбрался на поверхность только затем, чтобы понять, в какой мы оказались заднице. Ангар был почти цел, но оборудование в нём всё уничтожено. Вездеход лежал на боку исковерканной конструкцией, и признаков жизни не подавал. Короткий обломок антенной мачты торчал из вырванного основания, широкая полоса уходила на юг.

Меня освободила Нестерова, она пришла в сознание, поняла, что вокруг никого нет, вытащила трубки из катетеров и пошла бродить по станции. Сначала она наткнулась на разлагающееся тело Сайкина, а потом на запертую дверь. Ну а за дверью — на меня.

Я просидел в камере почти семьдесят часов, первые сутки ещё кое-как продержался, а потом — пришлось прикончить остаток инопланетного лекарства, каждый крохотный глоток в одну дозу давал десять часов, после которых голод и жажда возвращались с новой силой. Так что к тому моменту, как дверь отъехала в сторону, я был готов распечатать неприкосновенный запас с антидотом. Алиса-два потребовала объяснить, что случилось, но снова потеряла сознание, пришлось тащить её к медицинской аппаратуре и снова соединять с трубочками и дозаторами. Видимо, от приложенных усилий ей стало хуже, Нестерову трясло, давление упало до критических цифр, пульс резко замедлился и стал неровным. Понадобилось два часа, чтобы давление устаканилось, аритмия прошла, но снова высыпала сыпь и поднялась температура. Дыхание постоянно сбивалось, вены утолщились, под глазами появились жёлтые круги.

С Алисой-два я провёл целые сутки, вводя то одно лекарство, то другое. Наконец кое-как показатели приблизились к норме, девушка задышала ровнее, на серых щеках пробился румянец. И я решил осмотреться.

Солнце било мне прямо в глаза, а я стоял и думал. В принципе, у меня было три варианта. Первый — обратно вниз, выхаживать Нестерову. В одиночку — сейчас, без связи и транспорта, надеяться можно было только на себя. Или, как второй вариант — на американцев, до их базы я бы добрался пешком часов за шесть. Третий — найти этот злосчастный кристалл, он ведь был где-то рядом. Я искренне позавидовал себе, Диме Куприну, скромному фельдшеру, у которого тоже были пациенты, но муки выбора между жизнью и смертью всегда оставались врачу. Оставалось несколько часов до того момента, как наши сознания снова сольются, и тогда. Тогда хотел бы я посмотреть на собственную физиономию.

(44). Сторона 1. 20 июня, суббота

(44). Сторона 1. 20 июня, суббота.

Майор полиции Курочкин стоял, сжав кулаки, и смотрел на Чурова, а тот — на заведующего реанимацией Грумина.

— Не дам я своего разрешения, — наконец сказал он, — ты что мне предлагаешь, своими руками парня убить?

Чуров и так выглядел смущённым, а после этих слов вообще поник.

— Лёня, я понимаю, жалко его, но мы чего только не делали, так, Савелий?

— Угу, — Грумин кивнул, — это не только твой пасынок, Димка нам тоже не чужой, делаем всё, что можем, анализы каждые два часа, ЭЭГ снимаем, МРТ, УЗИ, что в больнице есть полезного, из всех отделений тащим. Девчонки вон, медсёстры, глаза на мокром месте у них, парня все тут любили.

— Любят, — поправил его Леонид Петрович. — Уже в прошедшем времени о нём говоришь?

И перевёл взгляд на лежащее на кровати тело Димы Куприна. Тот ни на что не реагировал, компрессор ИВЛ тихо гудел, подавая воздух в лёгкие, водитель сердечного ритма давал разряд один раз в секунду, заставляя желудочки и предсердия то расслабляться, то сжиматься, по трубке, уходящей в вену, в кровь потихоньку поступала питательная смесь вперемешку с лекарствами, вторая трубка, выходящая из другой вены, уходила в аппарат диализа.

— Ты меня как коллегу послушай, — упрямо сказал Чуров, — Куприн не жилец, его показатели с каждым часом падают, полиорганная недостаточность развивается, а про мозг я уже не говорю, овощ овощем. Да, наш сотрудник, ухаживаем мы за ним бесплатно, считай, никто не ноет, потому что Димка отличным фельдшером был и вообще человеком, но мы с Савелием врачи, у каждого из нас личные кладбища, у него поменьше, у меня побольше. И каждый, кто там лежит, как зарубка на сердце, всё время думаешь, а вдруг могли спасти, вытащить. Но это эмоции, разумом-то осознаешь, что нет, не могли. В общем, Леонид, не согласен, пиши отказ. Мать его, как я понял, сюда не придёт?

— Дома рыдает.

— И отца тоже нет, так? Не нашли ведь его?

Майор Курочкин помрачнел ещё больше. Его и отдел полиции, считай подставили — следственный комитет, по их официальной версии, подозревал, что Сергей Куприн жив и здоров, и даже засаду устроил в лице этой пигалицы-следователя, в надежде, что тот появится рано или поздно в собственном доме. И та постаралась от души, вот только действовать в одиночку не каждый матёрый мент сможет, куда там этой овце.

Группа быстрого реагирования среагировала не очень быстро, и оказалась на месте преступления только через десять минут, почти одновременно со скорой и полицией, которых вызвали соседи. За это время человек, который, как считало следствие, был Куприным-старшим, сбежал на автомобиле «Ниссан Икстрейл», принадлежащем Вере Нефёдовой. План «Перехват» результатов не принёс, машину нашли брошенной в нескольких километрах от города, и пока что местонахождение Сергея Куприна известно не было. Обыск дома пасынка тоже ничего не дал, его провели на следующее утро, и нашли

только проломленную стену в подвале. Так что у Курочкина был один труп, один тяжело раненный следователь, пока не пришедший в сознание, и его, то есть её жертва — экспертиза подтвердила, что Нестерова стреляла в Дмитрия Куприна, причём в спину, то есть в затылок. А ещё где-то гулял на воле сбежавший мертвец, который что-то в собственном доме прятал. От такого самому хотелось повеситься или застрелиться.

— Делайте что хотите, но парня мне вытащите, — сказал он. — Если деньги нужны, я найду.

— Хорошо, — Грумин вздохнул, покачал головой, — но ты пойми, майор, бесполезно всё это. Есть больные хоть безнадёжные, но стабильные, они могут вот так годами лежать, на аппарате жизнеобеспечения. С Димой всё плохо, думаю, максимум неделя или две, и организм загниёт, что бы мы не делали. Мозг уже мёртвый, почки отказали, печень на очереди, гангрена на руках и ногах начинается. И перевозить его нельзя, нетранспортабельный.

— Значит, так и будет, — упрямо сказал майор. — Мёртвый, не мёртвый, пока сердце бьётся, человек жив.

— Хорошо, я составлю список. Смеси, лекарства и расходники, кое-что найдём, а остальное придётся покупать, тысяч на двести пятьдесят, а то и триста потянет в месяц, препараты импортные, дорогие. Мы тоже скинемся, кто сколько может, но про зарплату врачей ты в курсе.

Дверь хлопнула, молодой человек остался один.

Через два часа внизу, на первом этаже, появился человек с чёрным чемоданчиком — он прошёл мимо охранника, показав тому удостоверение.

— Зинченко Артём Сергеевич, прокуратура, — представился посетитель дежурной медсестре. — Могу я видеть Дмитрия Куприна?

— Нельзя, — безапелляционно заявила пожилая женщина, она и не таких здесь видала. — Куприн в коме, вход в бокс запрещён.

— Да я понимаю, что он без сознания, но мне необходимо в этом убедиться. Отчётность, — Зинченко продемонстрировал лист бумаги с тремя печатями и грозными росчерками, — начальство шкуру спустит. Может быть, проводите? Я одним глазком взгляну на потерпевшего, сфотографирую, распишусь и уйду. Пожалуйста.

Медсестра вздохнула.

— Люба, — крикнула она, — подмени, я на пять минут.

Посетитель благодарно улыбнулся, в сопровождении медсестры поднялся по лестнице, натягивая белый халат, огляделся, убедившись, что коридор пуст и их никто не видит, и зашёл в открытый бокс.

— Вот он, болезный, — медсестра ткнула пальцем в больного. — Убедились?

— Спасибо, — посетитель вместо того, чтобы тихо уйти, приложил к шее женщины пластину, та обмякла и опустилась на пол.

Зинченко ногой пододвинул стул к кровати, уселся, положил чемоданчик на колени, открыл, достал планшет и шприц.

— Ввести в вену, отключить аппаратуру, ввести вторую дозу, — пробормотал он. — Чёрт, они издеваются, да?

Вены у молодого человека были синие, выпуклые и напряжённые, и всё равно, игла вошла в нужное место только со второго раза. Пока посетитель отключал аппаратуру и отсоединял катетеры, больной кашлянул, моргнул. Зинченко тут же поменял шприц, и ввёл

ещё одну дозу. Глаза молодого человека широко открылись.

— Поку аме Ахе Пукч, — хрипло произнёс он, прикладывая средний и указательный пальцы ко лбу.

Рука больного сильно дрожала. Посетитель сверился с планшетом, оттолкнул стул, опустился на колени, держа чемоданчик в руках.

— Счастлив служить тебе, господин, — произнёс он, наклонив голову. — Отныне твоё имя — Дмитрий Куприн, двадцать четыре года.

Молодой человек огляделся, брезгливо кривясь, уткнулся взглядом в медсестру.

— Жива? — спросил он по-русски, голос звучал почти нормально, с лёгким акцентом, который от слова к слову сходил на нет. — Кто это?

— Служанка, господин, она очнётся через несколько минут. Твоя оболочка была в коме, нельзя просто встать и выйти. Нужно дождаться лекаря, и сделать вид, что ты выздоравливаешь.

Больной ничего не сказал, только кивнул головой. Он сжимал и разжимал ладонь, глядя на почерневшие пальцы, словно пытался там что-то увидеть и не находил.

— Базовые воспоминания оболочки, очищенные от эмоций, появятся в течение часа, язык ты уже освоил, курс восстановления стандартный, инструкции в терминале, господин, — Зинченко собрался было встать с колен, но под тяжёлым взглядом больного передумал.

— Странно себя чувствую, — сказал тот. — Слово чего-то не хватает.

— Уровень реальности низкий, третий круг, положительный резонанс, но здесь указано, что все твои требования выполнены, — посетитель говорил извиняющимся тоном, словно был в этом лично виноват. — За выбор конкретного мира и конкретной оболочки отвечают координаторы, господин, я всего лишь встречающий, и не знаю деталей.

— Дмитрий Куприн, — больной встал, чуть подпрыгнул, покачался, прислушиваясь к ощущениям, — меня зовут Дмитрий Куприн. Проваливай.

— Как тебе будет угодно, господин, — посетитель достал из портфеля ещё один планшет, золотой жетон и коробку с таблетками, положил на тумбочку. — Если ты решишь оставить эту оболочку подольше, придётся доплатить.

— Вон, — спокойно сказал молодой человек, и Зинченко как ветром сдуло, только дверь хлопнула, заглушая удаляющиеся шаги.

Куприн посмотрел на часы, висящие на стене, потянулся, растягивая затёкшие мышцы, подошёл к медсестре, лежащей на полу, тихонько ткнул её мыском ноги, присел на корточки, положил одну ладонь на затылок, другую чуть ниже, сжал пальцы. Через несколько секунд денщина закашлялась, встала на четвереньки, ошалело мотая головой.

— Эй, вставай, — воскресший Куприн хлопнул её по щеке. — Радость пришла в этот дом, больной исцелился. Зови лекаря.

Медсестра испуганно посмотрела на пациента, задом поползла к двери, поднялась, держась за ручку, и с прытью, неожиданной для её возраста и комплекции, бросилась бежать.

— Унналь, — сказал молодой человек сам себе таким тоном, словно сомневался. — Или два. Нет, задержусь, пока всё не уляжется, в этом жалком мире никто сразу искать не станет. А когда попытаются, я буду там, где должен быть. И чёрные слёзы Иштаб прольются на моих врагов.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net